

АЛЕКСАНДРА ПАЛЕН

ПОСЛЕДНИЙ
ИМПЕРАТОРСКИЙ
ОТБОР

Annotation

Тираном и диктатором считала баронесса Зои Токамак своего императора. Публичные казни, репрессии, непомерные налоги и многое другое заставляло подданных если не ненавидеть, то справедливо опасаться жестокого властителя. Не исключением была и Зои.

Когда пришло приглашение на отбор невест она неприятно удивилась, но поехала, рассчитывая вскоре вернуться. О возможности стать императрицей девушка и не помышляла. Ей лишь хотелось посмотреть столицу, посетить знаменитые музеи, приоткрыть тайну загадочного северного континента, о котором ходили лишь пугающие слухи.

Но Зои и не предполагала, что правда намного хуже, чем она могла себе представить.

-
- [Александра Плен](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Эпилог](#)
-

**Александра Плен
Последний императорский отбор**

Глава 1

Дорога была бесконечной. Десять дней безумной выматывающей гонки, вытряхнувшей из меня не только внутренности, но и последние крупинцы терпения, в корне поменявшей представление о величии нашей империи. В буквальном смысле слова.

Почти сразу же я пожалела о своем согласии. На самом деле выбора-то и не было. Послание моему отцу содержало не просьбу, а приказ. Одну из незамужних дочерей нужно было посадить в карету, прибывшую вместе со стражниками, и отправить в столицу на смотрины невест императора. Без вариантов.

Кроме возраста и отсутствия тяжелых увечий, других «пожеланий» не было. Граница – от семнадцати до двадцати пяти лет. Довольно либеральные требования, даже странно. Ни великой красоты, ни невинности, ни богатств, ни талантов не требовалось.

Дочерей у папы было трое. Я и мои две младшие сестренки. Но вот незадача. Анна, которой двадцать один, неделю назад успела выскочить замуж и всю наслаждалась медовым месяцем. Восемнадцатилетняя Ильма заключила помолвку (пока только с ее слов) с «любовью всей жизни», прекрасным неотразимым Альварчиком, и естественно, закатила истерику после прочтения отцом императорского указа на семейном собрании.

Остаюсь я, двадцатипятилетняя старая дева. Строго говоря, двадцать пять мне исполнится только через два месяца, поэтому фактически я подходила под указанные параметры. Если мы только не задержимся в дороге или не сломаю случайно ногу.

Хотя даже со сломанной ногой меня потащат во дворец, потому что уж слишком настойчивыми были гвардейцы, слишком категоричным приказ императора.

Не понравились мне ни тихое ругательство отца сквозь зубы, ни странный испуганный взгляд мамы, которая резко побледнела после прочтения указа. Заметив это, я очень удивилась, так как родом мама была из столицы, великолепной и неповторимой Лимпии, которую мечтает посетить каждый житель империи, не исключая и меня. Мама выросла среди роскошных дворцов, площадей, фонтанов, о которых я

только читала в газетах. А еще она некоторое время была фрейлиной вдовствующей императрицы Изольды. Там, во дворце, она и познакомилась с папой, и как только он сделал ей предложение, сразу уехала на юг, в нашу глушь, и никогда больше не вспоминала о своей прошлой жизни, ни о дворце, ни о столице, хотя мы частенько ее умоляли рассказать хоть что-то.

Съездить в столицу нам с сестрами не довелось ни разу. Во-первых, она находится на противоположном конце империи; во-вторых, у нас банально не было денег на такую дальнюю поездку. Пусть мы являемся одними из крупнейших землевладельцев королевства, имеем титул, поместье, мраморные рудники и много всего прочего, достаток в нашей семье небольшой, так как почти все забирают в виде налогов. А то, что остается, уходит на оплату работникам и развитие поместья. Мы с сестрами обходимся одной горничной на троих, сами убираем свои комнаты, Ильма, когда подросла, увлеклась шитьем одежды для слуг, а мама руководит кухней, закупает еду, торгуясь за каждый медяк.

– Это уже какой по счету? – отец отложил бумаги в сторону и обернулся к маме. На лице застыло озабоченное выражение.

– Последний, – выдохнула она, – десятый.

Да, забыла сказать, по древней традиции отборов всегда десять. Мне было страшно любопытно, почему именно столько? Неужели императору не может приглянуться девушка из первой или второй партии? Что именно он ищет? Точнее, кого именно? Отборы начинаются с двадцати лет, и к тридцати император должен выбрать жену. Иногда он начинает позже, иногда раньше. Например, отец нынешнего правителя женился в сорок.

Каждый год во дворец привозят несколько сотен девушек. Возникает странное чувство, что император таким способом за десять лет жаждет перезнакомиться со всеми титулованными женщинами, живущими в империи. Очень любопытно. Когда мы с сестрами спрашивали маму, как происходят отборы и что нужно императору, у нее резко портилось настроение, и она отсылала нас прочь, дав работу или поручение.

Отец с мамой повернулись ко мне. Видя их хмурые лица, я забеспокоилась.

– Ничего страшного, – криво улыбнулась я, – съезжу в столицу и приеду назад. Вряд ли я заинтересую владыку.

Мама взволнованно поджала губы, а отец задумчиво кивнул, словно соглашаясь с моими словами. Крошечная обида кольнула сердце. Нет, я реально смотрела на ситуацию – я далеко не красавица. Когда-то давно, целую жизнь назад, я берегла кожу от беспощадного южного солнца, пользовалась кремами, косметикой, ложилась вовремя спать, старалась красиво одеваться. Тогда у меня был любимый человек, счастливое будущее, мечты. А сейчас... У меня нет ничего, поэтому и беречь нечего, особенно кожу. Я давно махнула на себя рукой. Смуглая, дочерна загоревшая, я была похожа на рудокопа. Даже не скажешь, что благородная леди.

Сестры, решив, что проблема решена и еду я, радостно выпорхнули из комнаты. Мама подошла ближе.

– Возьмешь старые платья, никаких красивых причесок и косметики, – низким тихим голосом произнесла она, – старайся выглядеть как можно хуже.

Я недоуменно округлила глаза.

– Давай я вообще не поеду, – хмуро предложила, собираясь обидеться на родителей. Такой чудовищной несправедливости я от них не ожидала. Они всегда хвалили меня, называли талантливой умницей, сокровищем. А сейчас то, что я выиграю конкурс невест и стану императрицей, ими даже не рассматривалось. Понятно, мне двадцать пять, я перестарок, плохо выгляжу, меня не выберут, но так унижать дочь...

– Не ехать нельзя. – Отец развернулся в сторону окна и кивнул. Я подошла и непроизвольно ахнула. Наш небольшой двор оккупировали два десятка имперских стражников с мушкетами наперевес. Они рассредоточились по периметру, закрыли главный выезд и боковую калитку. Желание игнорировать императорский указ пропало совершенно.

– Зато бесплатно съездишь в столицу. – Радость от этого события почему-то отдавала горечью. – Ты же всегда хотела там побывать? Вот и посмотришь.

Меньше чем за час был собран небольшой скарб. Несколько смен белья, три старых выцветших платья, расческа, зубная щетка, и так, по мелочи. В последний момент в чемодан сунула журнал со статьей об

археологии, которую в итоге мне так и не удалось прочитать из-за страшной тряски. Отец и мама со скорбными лицами посадили меня в карету и отправили на отбор, дав странное напутствие постараться не привлекать внимания.

Четверку коней меняли каждые шесть часов. Ночевала я на постоянных дворах, в окруженной стражниками спальне, внутрь никого не пускали, еду приносили они же. Я была постоянно сонная, уставшая и злая. Зато за поездку научилась есть, спать и ходить в туалет по расписанию.

«Могли бы прислать механическую повозку вместо кареты. Не обеднели бы, – бурчала я под нос, – хоть какое-то развлечение». В прошлом году в Тувии, столице нашего королевства, устроили выставку технических новинок империи. Самоходная тележка, которая передвигалась без лошадей, вызвала всеобщий ажиотаж. Нам с сестрами даже разрешили немного покататься. Правда, ехала она медленно и странно пахла, да и стоила неоправданно много. Даже наш добряк король не заинтересовался покупкой, что уж говорить о папе.

Как бы там ни было, к концу поездки я относительно успокоилась. Если не могу повлиять на ситуацию, нужно попытаться найти в ней положительные стороны. А их было предостаточно. Столица империи Лимпия заслуженно считалась самым прекрасным городом на свете. Говорили, что она парит в облаках, что фонтаны и памятники украшены драгоценными камнями, а мостовые выложены розовым мрамором даже в бедных кварталах. Что император ест с золотых тарелок и купается в золотой ванной. Что на праздниках он бросает в толпу не медь и серебро, а настоящие драгоценные камни и золотые монеты. Но самое интересное для меня – в музеях столицы представлены бесценные реликвии, собранные за сотни лет правления династии Амедалов. Вот их-то я и собиралась посмотреть. Историей и раскопками я увлеклась сразу же, как только выбралась из пленок. Мне было четыре года, когда я выкопала первый глиняный горшок в карьере на территории нашего поместья. После тяжелых событий, произошедших со мной семь лет назад, я на время забросила раскопки, но сейчас понемногу возвращаюсь к своему увлечению в свободное от работы по дому время.

В столицу мы приехали глубокой ночью. Стражники предупредили, что останавливаться на ночлег в таверне смысла нет,

так как осталось совсем немного. Я только вымучено кивнула. Полусонную меня вытащили из кареты, подхватили под руки и повели в громадное темное здание. От усталости я ничего не соображала. Меня раздели, расплели волосы, облачили в ночную рубашку и положили в кровать. Я отключилась, как только коснулась головой подушки.

И в первую же ночь мне приснился странный сон. Словно ко мне в комнату кто-то стучится. Настойчиво, громко, требовательно. Я так устала, что даже во сне отвернулась и накрыла голову одеялом, отмахнувшись от назойливого визитера, так до конца и не поняв, был это сон или явь.

Глава 2

Разбудила меня горничная. И, по-моему, очень рано.

– Вы приехали самой последней, леди Токамак. – Упрек в ее голосе удивил несказанно. Можно подумать, я виновата в том, что так далеко живу. Наше королевство находилось на самой южной границе империи. Южнее – только бескрайний океан и пустынные каменистые острова.

Пока девушка раздвигала шторы, я смогла рассмотреть покои, куда меня поселили. Ну что ж – все в высшей степени роскошно. Даже слишком. Огромная кровать с балдахином, стены затянуты галлийским шелком, самой дорогой тканью в империи, изысканная резная мебель розового цвета с бледно-желтыми разводами в виде завитков. Даже не знаю, какое дерево обладает подобным эффектом. На полу пушистый белоснежный ковер.

– Я помогу вам умыться и позавтракать, – продолжала горничная, протягивая розовый пеньюар, – через час подойдет камеристка. Она поможет подобрать платье и сделать прическу. Через два часа первый отбор.

Придется встать – нежиться в постели мне не дадут. Вспомнились стражники в тавернах, те тоже будили спозаранок. Невесты императора, по-видимому, находятся на самой нижней ступени иерархии во дворце.

– А сколько всего девушек приехало? – поинтересовалась я вскользь.

– Много, – отрезала горничная недовольно, отбивая всякую охоту продолжать разговор. Камеристка так же не стала себя утруждать любезностью.

– Вы собрались одеться в это убожество? – воскликнула она, когда я показала ей привезенное из дома платье. Пришлось самой распаковывать чемодан и вытаскивать свою одежду – о багаже никто не побеспокоился, с ночи он стоял у порога забытый всеми.

– Для всех невест приготовлен отдельный гардероб, – произнесла женщина, – вы можете взять лишь личные вещи, все остальное предоставлено дворцом. Приказ императора, – добавила она злорадно,

увидев возмущение на моем лице. Я заметила, что и гвардейцы, и работники дворца очень любили эту фразу и вставляли ее почти везде, с поводом и без.

Ладно, приказ так приказ. План мамы по превращению меня в пугало дал первый сбой.

Одев на меня первое попавшееся ничем не примечательное платье, камеристка выпихнула в коридор. Там уже толпились претендентки, выстраиваясь в линию. Моей соседкой оказалась миленькая светловолосая девушка, и она была одета почти в такое же платье, какое было на мне, только другого цвета. Да что говорить, все были одеты примерно одинаково.

– Так эти платья, – я весело хмыкнула, – достались нам от предыдущих невест? А император исключительно рациональный.

– Думаю, императору нет дела, во что нас одевают, – поддержала смешком она, – скорее казначей постарался. Марианна.

– Зои, – представилась я и добавила на тон ниже: – Зато хоть белье новое.

Утром, войдя в гардеробную, сначала я удивилась, что все платья были подогнаны под мой размер. Как это можно сделать за одну ночь? Теперь поняла. Если до нас было множество смотрин, то и подходящих размеров тоже множество. И уж, конечно, нашлась девушка такой же комплекции, как и я.

Нас привели в большой пустой зал с длинной балюстрадой, ограждающей балкон, и выстроили в две шеренги полукругом. Я осмотрелась. Девушек было около сотни, может, чуть больше. Блондинки, брюнетки, рыжие, низкие, высокие, стройные, полненькие. Были настоящие красавицы, были и, скажем так, не слишком. На любой, самый предвзятый вкус. В этот последний отбор девушек привезли с периферии, дальних бедных королевств. Отлично – не хотелось бы скандалов из-за разницы в социальном положении.

Прошлый же, для покойного отца нынешнего императора, наоборот, начинался с конца, и императрицей стала уроженка столицы.

Разномастная группа нервно топталась на месте, украдкой переглядываясь. Я стояла спокойно и ровно. Если сейчас проходят десятые смотрины, значит, Его Императорское Величество желает чего-то особенного, необычного. Или просто тянет время, не желая связывать себя узами брака. В любом случае от нас ничего не зависит.

– Доброе утро, леди, – к нам подошел церемониймейстер, важный пожилой мужчина, с умным холеным лицом и благородной сединой на висках, одетый в расшитый золотом камзол, – сегодня вы не встретитесь с Его Императорским Величеством, – отовсюду слышались разочарованные вздохи, – я сам произведу первый отбор.

«Неудивительно, – подумала я, – зачем еще императору с такой толпой разговаривать, тратить свое драгоценнейшее время».

– Девушкам, которым не посчастливится перейти во второй тур, будут выданы утешительные подарки. Кто захочет, может остаться на несколько дней, посмотреть столицу, потом их отправят домой.

«Это мне как раз и нужно, – обрадовалась я, – обидно было бы вот так уехать, только переночевав».

После этого мужчина направился в начало шеренги и начал медленно идти справа налево, рассматривая девушек.

– Вы нам не подходите, леди Анжела, сожалею, – произнес он, стоя напротив пухленькой круглолицей девицы. Так мгновенно разрыдалась, словно с самого начала готовилась к подобному. Церемониймейстер пожал плечами, кивнул кому-то вбок, и к девушке подошли два высоких гвардейца, взяли под локотки и, невзирая на вопли несчастной, повели на выход. А здесь не церемонятся с невестами. Кстати, стражников вокруг было очень много. Они стояли в коридорах, у дверей, по периметру комнаты. Даже странно. Зачем в самом сердце столицы такое количество охраны?

Я находилась ближе к концу, поэтому смогла в полной мере насладиться представлением. Некоторые несчастные уходили сами, других пришлось выпроваживать. Тенденцию я заметила уже после первых десяти отсеянных. Убирали всех слишком. Слишком толстых, слишком худых, слишком высоких и слишком низких. По красоте предпочтений не было. Только однажды церемониймейстер отправил на выход девушку, у которой было родимое пятно странной формы на шее. Скорее всего, после девяти предыдущих смотрин у Его Величества (а соответственно и у его приближенных) выработался определенный вкусовой ценз. Рост – от и до, вес – от и до.

Как я мысленно ни бахвалилась, что мне все равно, но сердечко все же екало и дрожали коленки. Росту во мне было немного, но коротышкой я не была. Комплекция тоже средняя. Скорее худощавая, чем в теле. Ни родинок, ни уродств. Руки, ноги, голова, небольшая

грудь, обычное лицо, миленькое в юности, сейчас выглядевшее уставшим, с крошечными горестными морщинками в уголках губ. Все-таки уже двадцать пять. Средней длины волосы, не густые и не тонкие. Коротко обрезанные ногти без украшений. Ни особой красоты, ни очарования молодости, как у других невест. Церемониймейстер на секунду задержался возле меня, дружелюбно улыбнулся и пошел дальше.

«Баронесса Зои Фредерика Токамак. Ну, привет, Зои», – вдруг донеслось откуда-то сбоку. Я вздрогнула и недоуменно повернулась, сначала влево, потом вправо. Слева церемониймейстер разговаривал с очередной претенденткой, справа стояла Марианна, девушка, с которой мы сюда пришли. Она, кстати, тоже прошла во второй тур.

– Привет, – недоуменно произнесла я. Марианна радостно заулыбалась.

– Мы же здоровались, – звонко ответила она, – а... может, у вас есть традиции приветствовать по два раза? Тогда, привет еще раз!

Девушка светилась счастьем, настроение было самое что ни на есть победное, словно ее уже выбрали и завтра свадьба с императором.

«Неужели... Нашел?» – едва слышимый шепот с безграничным удивлением в тоне. Да что ж такое! У меня галлюцинации?

Додумать не позволили. Церемониймейстер закончил первый тур, встал посередине и объявил, что завтра в десять часов поутру Его Императорское Величество соизволит пообщаться с претендентками лично. После этого разрешил нам уйти.

Девушек осталось меньше трети. Я быстренько подсчитала в уме. Даже если с каждой он поговорит десять минут, то на тридцать девушек (а приблизительно столько и оставалось) ему потребуется около пяти часов. А если по полчаса, то потратит весь день и вечер. Для занятого человека слишком долго. Мне даже стало по-человечески жаль императора. Нелегкое это дело – выбирать себе жену. И так десять раз за десять лет.

– Ты пойдешь на прогулку? – поинтересовалась я у Марианны.

– Конечно, – поддержала она меня, – ни разу не была в столице, живу далеко. Всегда мечтала посетить Лимпию.

– Как и я. – Настроение чуть повысилось. Мне задержка только на руку – очень хотелось посмотреть город. А отбор? Рядом со мной такие красавицы... Вот взять хоть Марианну. Юная белокурая

семнадцатилетняя девушка с нежной кожей, голубыми глазами, ямочками на щеках. Восторженная и милая. Чем не императрица?

Весело переговариваясь, мы направились в свои покои. Встретиться договорились сразу же после обеда, заодно и расспросим маршрут.

Камеристка заявила, что в столице абсолютно безопасно, у них придерживаются свободных нравов, одиноким девушкам позволено ходить где угодно без сопровождения.

– Главное, не выходите за второй круг, – произнесла странную фразу, – и ничего с вами не случится. – Немного подумала и добавила: – да и в третьем, думаю, тоже.

Марианна оказалась более знающей, чем я. Мне родители почти ничего не рассказывали о столице, словно она была зачумленной, а вот мама Марианны не была столь скрытной. Оказывается, город поделен на кольца, точнее, на полукольца, основа которых идет от императорского дворца. В первом полукольце – дворцовые парки, административные постройки, конюшни. Во втором – самые дорогие магазины, рестораны, музеи; в третьем живут богатейшие аристократы и приближенные императорской семьи, там же расположены лицеи, университеты, гарнизоны гвардейцев и прочее. И так далее. Последний круг – самая окраина, беднота, порт, черные рынки. Он где-то десятый. Туда мы точно не сунемся. Районы были отделены друг от друга неприступными заборами, ворота охраняли стражники.

По словам Марианны, в первом и во втором круге никогда не бывает никаких происшествий, здесь так же безопасно, как во дворце. Даже сам император частенько гуляет здесь без охраны.

– Неужели не боится? Наверное, многие хотят от него избавиться, – произнесла я, не подумав. Марианна пораженно кашлянула и схватила меня за руку.

– Ты с ума сошла! – прошипела она, оглядываясь по сторонам. – Как можно говорить такое?! Никто не посмеет навредить владыке. Он единственный!

– Ну конечно! – скривилась иронично я. – Незаменимый, бесценный, уникальный. Бред все это! Незаменимых людей нет.

В нашей семье привыкли разговаривать об императорской семье без лишнего пиетета, так сказать. Мы говорим то, что думаем и об их тирании, безграничной власти, и еще о многом таком, о чем нельзя

упомянуть вслух. Слишком часто приходилось испытывать последствия императорской диктатуры на своей шкуре.

Но лишь посмотрев в глаза Марианне, я вспомнила, что не дома, здесь царят другие порядки и нужно держать рот на замке.

– Прости, забылась, – буркнула тихо, – давай сегодня не будем обсуждать правителя. Еще наговоримся о нем.

Мы продолжили неторопливый путь и вскоре опять принялись непринужденно болтать, обсуждая увиденные красоты. Полчаса нам потребовалось, чтобы выйти за пределы построек дворца, и еще полчаса, чтобы добраться до главной обзорной площадки. Потом мы синхронно ахнули и замерли в восхищении. Отсюда открывался ошеломительный вид. Дворец действительно парил в небе. Вплотную к нему примыкали неприступные исполинские скалы. Казалось, он вырастает из них, является их продолжением. Гранитные глыбы нависали над самой крышей, обнимая стены гигантскими руками. Вокруг скал и над кровлей пенились белоснежные облака, они и укутывали шпили, купола, создавая самый невероятный вид на свете.

Да и сам дворец производил сногсшибательное впечатление. Он сливался с горной грядой, причудливо образуя единое целое. Массивные сводчатые колонны веером соединяли дворец с горными утесами. В самом дворце скульптуры невозможно было охватить взглядом, но сейчас, отойдя от него на приличное расстояние, они престаи перед нами во всей красе.

Я была потрясена и очарована. Уже из-за одного этого вида можно было приехать в столицу. Выматывающее путешествие полностью себя оправдало.

– Пойдем дальше, – Марианна потянула за руку, – я еще хочу посмотреть на знаменитый фонтан двадцати королевств. Он должен быть недалеко.

На самом деле в составе империи было девятнадцать королевств, но для гармоничного звучания выбрали целое число.

Я подчинилась, но некоторое время шла спиной вперед, не желая расставаться с дивной, лишающей самообладания картиной. Я никогда не видела гор, у нас на юге природа пустынна. Степи и редкие низенькие лесочки, вот и весь пейзаж. На все наше королевство была одна-единственная, не слишком полноводная река, которая добегала до моря тонким ручейком, так как многочисленные каналы забирали всю

воду для полей. В городках и поселках жители пользовались водой из колодцев. В нашем поместье колодцев было пять, но все равно воды катастрофически не хватало. Берегли каждую каплю. Мы даже мылись и стирали одежду в одном из оросительных каналов. Вода из колодцев использовалась только для питья и готовки. Здесь, на севере, воду не экономили. Я с восхищением и потрясением рассматривала фонтаны, искусственные водопады, небольшие декоративные пруды, которые нам встречались на каждом шагу.

За пару часов мы сделали обзорную экскурсию по первому и второму полукругу, не задерживаясь более нигде. Решили, что еще успеем заглянуть в архитектурный и музей исторического наследия. Хотя Марианне музеи были не слишком интересны, гораздо более ее привлекали шикарные наряды, выставленные в витринах магазинов.

– Даже не верится! Завтра мы увидим самого императора! – воскликнула девушка, раз в сотый, наверное, за последний час. Я только устало вздохнула. Ее наивные представления о прекрасном и великодушном императоре раздражали. Для меня он был что-то вроде солнца – высоко, недостижимо, непонятно и очень опасно.

Могущественный последний отпрыск великого рода был (исходя из статей в газетах) красив, умен, щедр и благороден. Кладезь всевозможных достоинств и идеальных качеств. Он держал (в своем-то молодом возрасте) всю империю в кулаке, правил мудро и справедливо. Девятнадцать королевств империи уважали (считай, боялись) его власть. Он трудился на благо народа двадцать часов в сутки, забывая про сон и еду.

«Наверное, именно поэтому ему и невесту некогда выбрать», – подумала я скептически.

Не то чтобы я не верила журналистам. В своей жизни я не видела ни одного человека, в ком собрались бы вместе все вышеперечисленные достоинства. Но ведь и императоров мне не доводилось видеть. Напрягали лишь несколько моментов – монополия на огнестрельное оружие, огромное количество имперских стражников (даже в нашем захолустье, а в столице они и вовсе были на каждом шагу), цензура, непомерные налоги и... много чего другого. Да, насчет «несколько» это я погорячилась.

Например, мой отец владел обширными пахотными землями, соляными шахтами и мраморными рудниками. Со стороны должно

казаться, что моя семья чрезмерно богата. Ан нет. Львиная доля прибыли уплывала нашему королю, а от него шла в имперскую столицу. И так же обстояли дела у всех. Будь ты дворянином, купцом или мелким лавочником. Две трети золота мы отдаем. Куда девается столько добра? И почему все провинции исправно платят, не возмущаясь? Эти вопросы я стала задавать отцу, лишь только немного выросла и осознала действительность. Папа сказал, что император защищает нас от катастрофы. От нашествия монстров, которые опустошили наш мир несколько сотен лет назад во время кровопролитной войны.

Оказывается, вся империя, от северных гор до южного океана, боится каких-то страшных существ, которые живут на другой стороне континента. Три сотни лет назад эти монстры нашли проход в наш мир и развязали кровопролитную войну. Они были злыми, очень жестокими и неуязвимыми. На картинках в исторических книгах завоеватели выглядели подобно паукам. Громадные, сгорбленные, передвигающиеся на четвереньках, одетые в странные доспехи. Жуткое зрелище. Когда я впервые увидела их в учебнике, пару ночей подряд не могла уснуть.

Так вот. Первый Амедал каким-то невероятным способом победил монстров, загнал их на другую сторону континента и запечатал проход. Во время битв он был простым генералом. Но благодарный народ, объединившийся после разрушительной войны, избрал его своим первым императором.

Это та история, которую мы все учили в детстве. Которую воспевают в песнях и рассказывают в балладах. Которую передают из уст в уста, из поколения в поколение.

Но и это не все. Только потомок Амедала сможет сдержать новое нашествие орды. Лишь он, единственный из всех живущих людей, обладает какими-то необычными свойствами (в книжках я так и не нашла, какими именно), которых боятся монстры. Поэтому все входящие в империю королевства безропотно позволяют править этой семейке, отдают в столицу большую часть доходов и даже не помышляют о революциях.

И так сотни лет подряд. Хорошо устроились Амедалы.

– Он совсем молодой! Всего тридцать! И такой красавец! – опять воскликнула Марианна. Я очнулась от раздумий.

– Знаю, – произнесла, улыбнувшись. Инаугурация, состоявшаяся десять лет назад, прошла с большим размахом. Волны докатились даже до нашего захолустья. Портреты новоявленного императора украшали каждый столб на площади, каждую стену магазинов или административных зданий. Газеты расхваливали Его Императорское Величество на все лады. Адриан Четырнадцатый, император (далее шли перечисления стран и народов почти на полстраницы, общая территория занимала весь обитаемый континент), единственный сын и наследник, наша надежда и опора. Я знала, что предыдущий император скончался пятнадцать лет назад. До совершеннолетия Адриана империей правила его мать, которая после инаугурации удалилась в дальнее имение.

– А ты действительно хочешь стать императрицей? – поинтересовалась я у Марианны.

– Конечно! – с абсолютной уверенностью заявила та. – Только представь – стать самой влиятельной и богатой женщиной империи, жить в этом прекрасном дворце с императором. Ты разве не хочешь?

– Не особо, – пожалала плечами. Вынужденная поездка в столицу была для меня скорее бесплатной экскурсией, чем надеждой на брак. Во мне не было ничего интересного. Смуглая, темноволосая, с карими глазами и узким подбородком, я была типичной представительницей женщин южных провинций. Ну, может быть, могла похвастаться здравомыслием, хладнокровием и хорошей памятью. Мой род не слишком знатен и не слишком богат. Да, образование у меня было неплохое, и то только потому, что я увлекалась историей и много читала с детства. В азартные игры (которые иногда мы устраивали с сестрами) мне катастрофически не везло. Боюсь, и сейчас не повезет. До нас было множество отборов, и если император не нашел невесту среди первых красавиц империи, то вероятность найти среди нас стремится к нулю. Я не стала делиться своими подозрениями с Марианной, еще расстроится.

– Ну и зря! Я крупно поссорилась со старшей сестрой, которая тоже хотела поехать, – продолжила разговор девушка, – вот она удивится, когда я выиграю конкурс.

– Да ты оптимистка, – улыбнулась я, – а сколько у тебя сестер?

– Одна, – ответила Марианна, – и два брата.

– Повезло, – вздохнула я. Мне очень хотелось иметь брата. Сестры не разделяли мое увлечение археологией, а с братом мы бы ходили вместе в мраморный карьер на раскопки. Как с... Нет! Не хочу вспоминать!

Уставшие, мы вбежали за ворота первого круга, когда солнце почти село. На севере темнело рано, мы спешили как могли. Да и замерзли прилично. Хоть сейчас и лето, в столице, у самых гор, температура даже днем редко поднималась выше восемнадцати градусов.

– До завтра! – Марианна махнула мне рукой и побежала на третий этаж. Я жила на втором, в апартаментах номер одиннадцать. Камеристка утром поведала, что номера к дверям приколотили специально для невест. В остальное время комнаты пронумерованы не были.

В спальне на столике стоял не слишком аппетитный остывший ужин, горничной не наблюдалось. Да я и не надеялась, что она меня дождетя. Сама сниму платье и расплету волосы. Руки не отвалятся. К невестам здесь относились как к неизбежному злу. Минимум уважения и обслуживания. За десять лет (по закону императору следовало жениться сразу после инаугурации, значит, он начал искать невесту давно), наверное, мы надоели слугам до чертиков. Но мне это только на руку. Не люблю слишком назойливого внимания и суеты.

Глава 3

Утром камеристка приготовила элегантное шерстяное платье. Убрала наверх волосы и даже брызнула духами. Ну, конечно, сегодня встреча с самим императором! Нужно быть на высоте. Когда я вышла в коридор, то увидела, что на высоте были все девушки. Одна другой краше. Если и в этот раз император не выберет себе невесту, я реально засомневаюсь в его благоразумии.

Нас выстроили в коридоре шеренгами по двое и повели на аудиенцию. На этот раз мы шли не по двору, а по запутанным дворцовым лабиринтам. На каждом повороте в залах и у дверей стояли стражники. Да и нас сопровождало не менее десяти, словно мы были не невесты, а засланные убийцы. Церемониймейстер объявил, что разговор с императором будет происходить в малой библиотеке, куда нас и вели.

Нам даже разрешили присесть. Для такого случая поставили в коридоре, вдоль стен, стулья. Все это напоминало какой-то странный нелепый фарс. И смехотворный, и драматический одновременно.

– Завтра у вас выходной, – когда все расселись, церемониймейстер сделал всеобщее объявление, – сможете заняться чем угодно. Для желающих состоится экскурсия по городу. Вам покажут знаменитые здания столицы, расскажут историю строительства. Вы сможете посетить музеи, магазины. Все, что выберете, – он добавил с улыбкой, – в разумных пределах, будет оплачено из казны. А послезавтра состоится бал в честь невест. – Девушки заметно оживились и зашумели. – Его Императорское Величество потанцует с каждой претенденткой.

На этой торжественной ноте верный слуга властителя подошел к первой девушке и повел ее в библиотеку. Вызывали по алфавиту. Мне не повезло – мое имя было ближе к концу, поэтому за три часа терпеливого ожидания я успела помаяться от безделья, поболтать с Марианной, рассмотреть картины на стенах, пересчитать щели в паркете, трещинки на потолке и даже немного подремать.

– Баронесса Зои Фредерика Токамак, – вдруг объявил церемониймейстер, я перепуганно подскочила и покачнулась: ноги

затекли, – прошу следовать за мной.

Мы вошли в библиотеку. Не знаю, чего я ожидала от встречи с Его Императорским Величеством. В голове было пусто. Зато сердце колотилось, как ненормальное. Никогда в своей жизни я не могла даже предположить, что увижу Его – великого и ужасного императора. Тем более вот так, буднично.

Единоличный властитель обитаемого мира спокойно и мирно сидел в кресле у окна, перелистывая какие-то бумаги. Позже я догадалась, что это досье на каждую из девушек. Сейчас он читал мое.

Слухи не соврали. Император действительно был очень красив. Темноволосый широкоплечий молодой мужчина лет двадцати пяти – двадцати семи. «А он выглядит гораздо моложе тридцати», – подумала я рассеянно. Ровный орлиный нос, пожалуй, был немного длинноват. Зато высокий лоб, темные прямые брови и густые ресницы делали его просто неотразимым, а ямочка на подбородке и вовсе очаровывала. Император поднял голову.

– Доброе утро, баронесса. – Мужчина улыбнулся одними губами. Выразительные карие глаза оставались серьезными. Встал, коротко поклонился и опять сел. Я зачарованно улыбнулась в ответ, понимая, что он специально давал мне время себя рассмотреть. – Присаживайтесь.

Я осторожно присела на краешек стоящего напротив него кресла и осмотрелась.

Комната была странной. Во-первых, дворцовая малая библиотека была в несколько раз больше бального зала в родительском поместье. Во-вторых, расставленные в глубине шкафы с книгами утопали во тьме. Тьма так же пряталась по углам и широкому балкону во всю стену. Открыто было всего одно окно, у которого мы сидели, другие были плотно зашторены. Мое кресло стояло боком, и яркое солнце било прямо в глаза. Император сидел немного дальше, спиной к остальной комнате.

– Вам понравилась столица? – Я перевела взгляд на императора. Какой конфуз – он начал разговор, а я бесцеремонно рассматриваю комнату вместо того, чтобы почтительно смотреть на владыку и внимать с благоговением.

– Да, Ваше Императорское Величество, – ответила вежливо, мысленно отмечая, что ему доложили о моей вчерашней вылазке, –

столица – прекрасный величественный город. Счастье жить здесь и каждый день видеть эту красоту.

Император иронично хмыкнул и опять углубился в досье. Он почти не смотрел на меня. Даже странно. У меня сложилось ощущение, что его не интересовали ни мой внешний вид, ни фигура, ни какие-то другие качества. Конечно, тысячи девушек прошли мимо него за время подбора невест. Примелькались.

«Привет, Зои» – тихий, чуть слышный голос. Скорее мужской, чем женский. Я вздрогнула и напряглась. Опять этот голос в голове. Искося глянула на императора – тот читал. Перевела взгляд вглубь комнаты.

«До сих пор не верю, что ты меня слышишь, Зои. Это так? Слышишь?»

Слышу, слышу. Не буду же я об этом кричать на всю комнату. Только вот почему император не слышит? Или это очередная проверка? Что вообще происходит?

– Почему не приехали ваши младшие сёстры? – Я чуть не подпрыгнула в кресле. Голос императора, раздавшийся рядом, прозвучал неожиданно громко.

Я кашлянула.

– Ваше Императорское Величество, – как бы поизящнее выкрутиться. Хотя... чего я переживаю? В досье уже все написано, значит, нужно говорить правду. – Одна из моих младших сестёр уже замужем, другая помолвлена. Вы же понимаете, первая девичья любовь крепче гранита. Было бы слишком бессердечно разлучать влюбленных.

Уголок рта императора пополз вверх.

– Несомненно, – ответил он, – это крайне жестоко.

– Поэтому для исполнения вашей воли, – продолжала я как ни в чем не бывало, – подходящей по возрасту оставалась лишь я. – И добавила непринужденно: – Двадцать пять мне исполняется через полтора месяца. Впереди уйма времени. Смотря на то, с какой скоростью проходит отбор невест и как быстро вы избавляетесь от девушек, я думаю, что успею вернуться домой еще до дня своего рождения.

Сзади донесся сдавленный кашель церемониймейстера. Впервые за все время нашего разговора император внимательно уставился мне в глаза.

– Вы рассчитываете вернуться? – Он склонил голову набок. – А как же мечта каждой девушки стать императрицей?

Я на секунду задумалась, подбирая слова.

– Отвечу вопросом на вопрос, хоть это и невежливо, – произнесла осторожно, – неужели Ваше Императорское Величество думает, что все девушки на свете мечтают одинаково?

Глаза императора на секунду вспыхнули, но не успела я моргнуть, как властитель уже опустил голову и уткнулся в досье.

– Нет, не думаю, – буркнул он равнодушно, не отрываясь от занятного чтения моей биографии. Я пожала плечами и перевела взгляд в окно. Вдруг мне показалось, что на меня кто-то смотрит. Пристально, оценивающе. Взгляд напрягал и пугал, я даже непроизвольно поежилась. Еще раз тщательно осмотрела комнату. В темноте за шкафами точно кто-то был. Странно. Если там находились стражники, опасаясь за безопасность императора, то почему прятались? Ведь их грозный вид скорее бы отбил всякую охоту навредить правителю.

«А ты забавная...» Опять этот странный шепот.

Как-то однажды на местной ярмарке мы с сестрами встретили сумасшедшего. Он разговаривал сам с собой, выкрикивал то, что голос в голове приказывает ему сделать, рычал и катался по земле. Вскоре его забрали стражники. Неужели и меня ждет дом скорби?

– Почему вы не замужем в таком... – начал говорить император и запнулся, а я мысленно продолжила не произнесенную фразу «преклонном возрасте». – Вы были дважды помолвлены.

– Не сложилось, – ответила коротко и ровно.

Я не любила вспоминать о своих неудавшихся помолвках. Первую я заключила в семнадцать лет с другом детства по большой любви. Роберт был моим ровесником, сыном богатого землевладельца, нашего соседа. Мы были знакомы с детства, вместе учились дружить, любить, мечтать. Вместе танцевали первый танец на городском балу в шестнадцать лет, наш поцелуй был первым и у меня, и у него, вместе учили имперский язык и раскапывали кости в отцовских карьерах. Наша любовь росла постепенно, как яблоня, которую мы посадили опять же вместе в двенадцать лет, углубляясь корнями в землю, расширяясь ветвями в стороны, вытягиваясь вверх, к солнцу.

Он подарил мне на помолвку дорогуший набор инструментов для археолога, заказав его из самой столицы. Это был самый лучший

подарок за всю мою жизнь. И пусть у его отца не было титула, родители были рады нас поженить. Роберт был красивым, обаятельным и образованным юношей. Прекрасным наездником, постоянным партнером моих археологических раскопок. У нас были одинаковые взгляды, увлечения, желания и устремления. Я безумно любила его со всем пылом первой девичьей любви.

Год помолвки пролетел незаметно. Мы позволяли себе лишь невинные поцелуи закрытыми губами и прогулки в саду наедине. За неделю до свадьбы мы с Робертом обнаружили в карьере останки какого-то древнего существа. Радостный азарт подогревал желание как можно скорее начать раскопки, но на носу была свадьба, и мы договорились подождать. За два дня до торжества работники рано утром нашли Роберта со сломанной шеей на дне карьера. Видимо, он хотел сделать мне подарок и выкопать череп, часть которого виднелась наверху каменоломни, но не удержался и свалился вниз.

Даже сейчас, после семи лет, прошедших с того случая, мое сердце сжимается от боли, как только вспоминаю его горящие предвкушением глаза и слова о том, что свадебный подарок я запомню надолго. Увы, он оказался прав.

Я была раздавлена его смертью. В странном оцепенении проходили дни и месяцы. Я застыла в своем бесконечном горе, никого не хотела ни видеть, ни слышать. Внутри кровоточила рана, и только когда в моем теле не осталось ни капли крови, она начала затягиваться. Мама рассказывала, что почти год не могла до меня достучаться. Роберт забрал с собой в могилу мое сердце, душу и способность любить. Потому что за семь последующих лет ничего даже отдаленно похожего на симпатию я не испытывала ни к одному мужчине.

Родители не оставили попыток устроить мою судьбу. И следующим претендентом на руку старшей дочери барона Токамак стал молодой граф Кауз. Через три года после смерти Роберта я впервые вышла в свет. И на очередном балу заметила молодого человека удивительно красивой наружности. Блондины были редкостью в нашем южном краю. А этот просто картинка – высокий, светловолосый, голубоглазый, обаятельный, веселый. А еще богатый, образованный, да и целовался неплохо. Чувствовался опыт. Этим мы в основном и занимались на немногочисленных свиданиях. Я открыла для себя иную увлекательную сторону общения.

Граф был вдовцом и представлял собой довольно выгодную партию. Я не любила его, меня убедили родители. Да и детей хотелось, своих. В двадцать один год у мамы уже было двое. Все вокруг твердили, что лучшего жениха мне не найти. Я даже собиралась поддаться на уговоры жениха и начать с ним спать до свадьбы, уж очень любопытно было узнать эту грань супружества, но не успела – за месяц до торжества я случайно застала графа с горничной в конюшне, он был со спущенными штанами, она – с задранными юбками.

Наверное, мы с императором двигались параллельно. Я со своими воспоминаниями, а он – с чтением досье, потому как закончили мы на одном и том же месте.

– Вы уволили её? – вопрос выдернул меня из воспоминаний.

– Наоборот – подарила лучше платье, – ответила со смешком.

– Почему?

– Из благодарности, естественно. – И пояснила: – Представьте, если бы я застала их после свадьбы. Все было бы гораздо хуже. А так Мария показала мне истинное лицо будущего мужа и уберегла от непоправимой ошибки.

На самом деле я была не так уж равнодушна, как хотела казаться. Я не любила графа и соответственно не испытывала ревности. Но гордость у меня была, как и свое собственное видение порядочности и чистоплотности.

Император странно скривился, словно хотел улыбнуться, но сдержался в последний момент, потом бросил взгляд на часы и произнес:

– Извините, баронесса, разговор доставил мне бездну удовольствия, но я вас сильно задержал.

Мне так изящно указали на дверь? Его Императорское Величество привстал с кресла и коротко поклонился. Я не стала задерживать очередь из невест и тоже поднялась. Наверное, на моем лице проявилось сожаление, это было так очевидно...

– Не переживайте, у нас еще будет время пообщаться. – Услышав его слова, я вспыхнула и неуклюже присела в реверансе. Как неловко получилось! Я считала себя уравновешенной и рассудительной особой, это Марианна пылко заявляла о желании стать императрицей,

восхищалась императором, пела ему дифирамбы. Я же говорила себе, что ни за что не очаруюсь владыкой. И вот – немного очаровалась.

Пока я шла к выходу, спину по-прежнему буравил тяжелый взгляд.

– Обернись! – вдруг громко произнес... император? Я резко обернулась и вытаращилась на спокойно сидящего в кресле читающего владыку.

– Вы что-то хотели, Ваше Императорское Величество? – Мужчина поднял голову и непонимающе скривился.

– Нет, – ответил он и добавил снисходительно: – Еще раз до свидания, баронесса.

Жарким огнем вспыхнули щеки. Его насмешливый удивленный взгляд... Как же стыдно! Император, наверное, подумал, что я не хочу уходить, хочу привлечь внимание. И только выскочив за дверь, я позволила себе усомниться. Голос... По-моему, он был не императорский...

Что ж, встреча состоялась. Самое страшное позади. И да, по-моему, я прошла в третий тур, так как вышедший за мной церемониймейстер посоветовал завтра присмотреть красивое бальное платье и напомнил, чтобы не сэкономила – это подарок императора.

Я кивнула и подошла к Марианне. Ее еще не вызывали, поэтому девушка нервничала и сидела как на иголках. Она была последней в списке, я подождала, пока она выйдет, и пересчитала оставшихся. Итого пятнадцать человек.

Мы договорились пообедать вместе, а потом отправиться погулять по дворцовому парку. Хотелось бы тщательней рассмотреть сам дворец, но, увы, на просьбу об экскурсии по покоям один из стражников посоветовал мне сосредоточиться на крыле для невест. Лучшего места для экскурсий не найти. Я только хмыкнула. Нет так нет. И так мест для прогулок было предостаточно.

– Как тебе ОН? – с придыханием поинтересовалась Марианна, когда мы вышли в парк. – Правда – самый красивый мужчина на свете? И такой внимательный! Ласковый, добрый...

Особой доброты и внимательности я не заметила. Да и ни к чему они императору, более важны такие черты характера, как решительность, сила воли или даже жесткость. Да и как можно узнать человека по десятиминутному разговору?

– Хм, – потянула я задумчиво, – красивый, не спорю. А насчет доброты...

Мы, провинциалы, императорскую «доброту» частенько чувствуем на своей шкуре. Ежегодное повышение налогов, долговые ямы для неспособных их заплатить, ужесточение наказаний за критику императорских указов, увеличение количества военных на улицах... И прочее, прочее, прочее.

Но Марианна меня не слушала, да и ответов на свои вопросы не ждала. Ей нужно было выговориться. Не помню, может быть, и я в семнадцать интересовалась лишь красотой, и все мысли были лишь о замужестве? Отрезок в три года, период помолвки с Робертом и два года после его смерти, стерся из памяти, оставив после себя лишь светлый образ прекрасного юноши и криво зарубцевавшуюся рану на сердце.

Увы, боль делает нас сильнее. Любая, но особенно боль от потерь. И чем больше потеря, тем сильнее в итоге мы становимся, совладав с ней. Как ни горько это признавать, но это так. После смерти Роберта... Нет, неправильно... После того как я пережила смерть Роберта, я стала другой, повзрослев сразу на десяток лет. Ужимки, пустой флирт, кокетство, пышные наряды и украшения стали мне неинтересны. Да, я сглупила с графом, посчитав, что дети важнее, но нет ничего важнее себя, чувства собственного достоинства.

– А о чем он с тобой разговаривал? – Я очнулась от задумчивости. Марианна не стала ждать ответа, сразу же продолжив: – Император сказал, что я очень красивая. Представляешь? И добавил, что мои дочери обязательно унаследуют мою красоту и очарование. Как думаешь, это намек на то, что я стану его женой? – Я открыла рот, чтобы ответить, но девушка перебила: – Мы с императором будем самой красивой парой...

Я мысленно застонала, страстно желая, чтобы завтра у императора выскочил прыщ на лбу и он стал не таким совершенным.

– А ты заметила что-нибудь необычное в библиотеке? – твердо прервала наивный восторженный бред Марианны. Мне не давал покоя тяжелый пристальный взгляд из темноты. – На балконе никого не было? За шкафами?

– Нет, – ответила Марианна, ни на секунду не задумываясь, – как я могла осматривать комнату, когда передо мной сидел он?!

Действительно, о чем это я? Казалось, двадцатипятилетняя я и семнадцатилетняя Марианна находимся на разных полюсах. Между нами не восемь лет, а целое поколение. Я чувствовала себя рядом с ней даже не старшей сестрой, а умудренной опытом престарелой дуэньей. Слушая (уже порядком надоевшие) восхваления девушки, я думала о своем. Разговор действительно был ни о чем. Пристрелочный, как говорят охотники. Более серьезный будет позже и с другими кандидатками. Он что-то ищет в нас. Что-то особенное, нужное лишь ему одному. А может быть, я слишком подозрительна? И император просто стремится найти любимую девушку? А так как у него совершенно нет времени на свидания, то и организовал эти смотрины?

Глава 4

– Сколько можно спать? Вставайте! – раздался над ухом громкий визгливый голос. Я резко вынырнула из сна и перепугано подскочила с кровати. Снилось, как обычно, какая-то муть. За окном едва-едва пробивался рассвет. Наверное, часов пять. Не больше. И зачем же в такую рань меня будить? Горничная отошла раздвигать шторы. На подносе стоял обычный скудный завтрак.

– Лидия, – я спокойно встала и запахнула пеньюар, – прошу вас, приходите в мою комнату не раньше восьми. Двух часов с головой хватает для того, чтобы позавтракать и привести себя в порядок.

– Все во дворце встают в пять утра, – грубо рявкнула горничная. Да что это с ней сегодня?

– Все слуги, вы имеете в виду? – доброжелательно уточнила я и добавила: – Но я же не служанка. Ведь так? Смотрины у императора начинаются не раньше десяти, нет смысла одеваться и завтракать так рано.

– Как вам будет угодно, – горничная резко дернула шторы назад и пошла на выход, – спите дальше. Приду в восемь.

– Спасибо, – вежливо произнесла я уже в закрытую дверь.

«Странные здесь слуги», – мысленно сделала вывод, подходя к окну и опять раздвигая шторы. Ложиться смысла не было. Я немного посмотрела на утренние построения стражников на площади перед дворцом и направилась в ванную комнату. Приехав в столицу, я принимала душ дважды в день, утром и вечером, как ребенок, радуясь возможности не экономить воду.

Камеристка не пришла. Подождав некоторое время, я направилась в гардеробную комнату.

Дома нас не баловали. Мы привыкли самостоятельно одеваться и укладывать волосы. Я заплела косу и уложила узлом на затылке. Темное, простого покроя платье до середины икры, которое я выбрала, удобные туфли на низком каблуке, шляпка с короткими полями как нельзя лучше походила под экскурсию по столице, обещанную нам церемониймейстером.

Пятнадцать девушек разной степени растрепанности ожидали во дворе. По-видимому, все камеристки обошли утром невест стороной. Еще одно испытание? Странные развлечения у Его Императорского Величества. Нас посадили в вереницу открытых карет по шесть девушек в каждой, и мы отправились на экскурсию по столице.

Газеты не ввали. Вот куда деваются налоги, которые сотни лет платят подконтрольные королевства. Каждое здание, каждая улица, каждый фонтан или сквер поражали воображение, представляли собой образец изящества и роскоши. Золото, серебро, мрамор прямо под ногами. Витрины магазинов представляли собой сказочные декорации. В шелк и кружева были одеты куклы и манекены. А драгоценные камни были вставлены вместо глаз.

Я не могла прийти в себя. А музеи! Глаза разбегались от невозможности за всем уследить и все рассмотреть. Мы зашли в отдел археологии, и я пропала. Тот час, который нам выделили на музей, пролетел как одна минута.

– Леди Токамак, – ко мне подошел стражник, – все ждут лишь вас, нужно ехать дальше, в салоны.

– А можно я останусь здесь? – умоляюще произнесла я. – Мне не нужно платье, у меня и так их много. В гардеробной нет места.

Стражник замялся. Наверное, нормальные невесты не высказывали раньше таких просьб, и он растерялся.

– Я сама доберусь до дворца, – видя, что он почти сдался, дожимала я, – найму экипаж. Не стоит за мной присматривать. Церемониймейстер Его Величества сказал, что мы можем сами выбрать, чем заняться. Ведь так?

– Так, – выдавил расстроенный парень. Я подхватила его под локоть и направила на выход.

– Всего хорошего и до завтра, – мне не терпелось вернуться к громадным древним ископаемым, жившим на этой территории миллионы лет назад, мумии которых были выставлены в зале. Они так прекрасно сохранились в ледниках гор, что мне казалось, сейчас оживут и съедят заживо. Было и жутко, и красиво одновременно.

– Неужели вам нравятся эти монстры? – задал вопрос гвардеец, когда я почти довела его до выхода.

– Безумно, – произнесла я искренне, и в ответ получила странный выразительный взгляд от парня. Так смотрят на сумасшедших. Я

улыбнулась и подтолкнула его в спину. – Идите. Девушки заждались.

А сама побежала назад.

По-моему, сюда. Или нет? Не помню, направо или налево? Я нырнула в неприметный узкий коридор, высматривая указатели. Но указателя в крыло археологии почему-то не было. Зато, пройдя еще десяток шагов, я вдруг заметила небольшую скромную вывеску «История правления династии Амедалов». Заинтересованно направилась по стрелке. Узнать, чем же так знаменит императорский род, показалось важнее древних ископаемых. Звук моих торопливых шагов гулко разносился по пустым коридорам. Ни охранников, ни посетителей. Никого. Если бы не указатели, здесь можно было бы легко потеряться. Марианна еще вчера рассказала, что столичные музеи были «не для всех». Во-первых, во второй круг могли заходить лишь аристократы и королевские стражники. Во-вторых, даже знать могла попасть сюда по специальному разрешению из дворца. А студенты столичных университетов пускали лишь в отдельные залы. Неудивительно, что сейчас в музее я была одна.

Экспозиция начиналась с портрета первого Амедала – императора Виктора. Я пристально вгляделась в изображение, мимоходом отметив, что нынешний император по сравнению со своим далеким предком выглядит настоящим красавцем. В первом же императоре не было ничего милого. Жесткое, даже жестокое, волевое лицо. С одной стороны, интересное, мужественное, с другой – отталкивающее своей грубостью. Тяжелые надбровные дуги, крупный нос, сжатые губы, прищуренные глаза. Настоящий грозный военачальник, надменный и безжалостный. Тем не менее сходство поражало. Меня всегда интересовала наследственность, способность людей и животных передавать совокупность внешних и внутренних особенностей своего вида. Археология, которой я увлекалась, лишь краем затрагивала генетику. Эта наука у нас только-только начала развиваться. Я вспомнила статьи, которые успела прочитать в научном вестнике, и попыталась найти доминантные и рецессивные признаки, как учили там. В итоге весело хмыкнула и отвела взгляд – слишком мало информации. Я видела всего двоих Амедалов, для сравнения нужно хотя бы десяток, а лучше больше. Да. Оба темноволосые, кареглазые. У обоих длинный нос, широкие брови, внушительное телосложение. Но то, что в первом Амедале выглядит отталкивающе, у последнего

сглаживалось мягкостью и обаянием. Даже та самая милая ямочка на подбородке, которая меня умиляла в теперешнем владыке, у первого Амедала выглядела грубо и неуместно.

Подпись под портретом гласила, что Виктор Амедал был выдающимся генералом и остановил многолетнюю кровопролитную войну, возглавив объединенное королевское войско. Это я и так знала, как и то, что он закрыл проход между континентами. Жаль, не говорилось, как и каким способом он это сделал.

А вот и он – наш кошмар во плоти. Я вздрогнула, увидев знакомого с детства по картинкам монстра. Или это его скелет? За толстым стеклом в глубине застыло нечто невообразимое. Крупное существо, похожее на паука, с горбом на спине, длинными конечностями и страшной оскаленной мордой стояло на четвереньках. Кости блестели серебром. Или это были доспехи? По бокам у монстра находились странные приспособления, похожие прямоугольные ранцы. На голове отростки в виде усиков.

Жуть.

Если хроники не врут, то Амедал действительно герой. Стало хотя бы понятно, за что его восхваляют. Почему же до сих пор мы боимся возврата монстров? Император на троне искусственно поддерживает страх в королевствах, или существует реальная угроза прорыва? Триста лет прошло – пока все спокойно. Лишь гвардейцев все больше и больше, а налоги все тяжелее.

Я задумчиво обошла небольшую экспозицию, внимательно читая надписи.

А вот и о строительстве дворца. Столицу основали на месте прорыва монстров. Странно. Зачем так близко к опасности?

Наш мир представлял собой огромный неправильной формы материк. Единственный в бесконечном океане. Горы на севере разделяют его на две неравные части. Северная гораздо меньше южной, по крайней мере, так написано в учебниках. Неужели наши мореплаватели не смогли морем обойти горы и пробраться на другую сторону? Это же самое простое, что приходит в голову. Да, северные ветры сильны, как и шторма. Рыбаки предпочитают рыбачить южнее. Во-первых, под парусами в шторм не особо поплаваешь; во-вторых, существует императорский запрет на плаванье в северных морях. Я случайно о нем узнала от нашего короля. Значит, император опасается

того, что монстры приплывут морем? Или того, что люди могут увидеть на той стороне материка?

Столько вопросов, и ни одного ответа!

До создания империи на континенте существовали мелкие разрозненные королевства, постоянно воюющие друг с другом за воду и плодородные земли. Каждое разговаривало на своем собственном диалекте, не было ни общего языка, ни письменности. А также дорог, телеграфного или газетного сообщения. После окончания войны Амедал объединил все королевства в империю, ввел новый язык, общий для всех. Начали бурно развиваться наука, культура, образование. За триста лет была построена не только прекрасная величественная Лимпия, но и многочисленные школы, университеты, военные академии. В общем и целом империя оказала огромное положительное влияние на развитие мира. Значит, и император не тиран и диктатор, а умный дальновидный правитель? Странное чувство. Неужели я ошибалась насчет него и всего происходящего в империи?

Но зачем ему столько стражников, оружия, денег? Зачем тюрьмы, цензура, казни?

Дьявол! Я со стоном выпрямилась и огляделась. В зале стало совсем темно. Срочно пора во дворец. Жаль, что я так и не побывала в археологическом крыле. Надеюсь, еще смогу это сделать. Даже если вылечу со следующего тура, у меня останется еще день.

И бал! Совсем забыла!

А утром я узнала от Марианны, что нас, невест, осталось семь.

– Но вчера же не было отбора... – с удивлением пробормотала я, и вдруг до меня дошло. Все эти дни, встречались мы с императором или нет, нас проверяли. Хамское отношение горничных и камеристок, грубость стражников, одинаковые платья, не слишком приятная еда, досуг и прочее. Все это были проверки. Учитывались любые мелочи – как мы себя ведем в быту, как реагируем на грубость, что делаем, куда ходим, сколько императорских денег тратим. Стало немного жутко. За нами всё время подглядывают?

– Бал состоится в три часа пополудни, – произнесла Марианна, когда мы вместе завтракали, – ты еще можешь попытаться взять карету и съездить выбрать платье. Я, например, вчера обошла три магазина, чтобы найти подходящий наряд. Сначала хотела купить самое

дорогое, – у девушки загорелись глаза, – оно было достойно императрицы. Белоснежные тончайшие кружева, расшитые голубыми и розовыми бриллиантами, сверху пелерина из меха горностая.

Марианна тяжело вздохнула.

– Но в последний момент мне вдруг показалось, что я буду выглядеть в нем слишком вычурно и броско. Куплю, когда точно стану невестой.

Я хотела сказать, что, скорее всего, именно это и позволило ей пройти в следующий тур. Скромность и благовоспитанность. А может, и нет. Это лишь мои догадки.

– Не хочу никуда ехать. Пойду в том, что найду в гардеробной, – произнесла рассеянно. В голове все время прокручивались воспоминания о том, что я вчера узнала в музее. Ни о чем другом не могла думать.

Глава 5

– Я могу выбрать книги в библиотеке? Где она находится? – поинтересовалась у камеристки, когда та пришла меня одевать и причесывать.

– Что вы хотите почитать? Я сама принесу вам книги.

– А библиотека?

– Вам не разрешено самостоятельно бродить по дворцу, – отрезала женщина грубо, распахивая гардеробную дверь.

– Тогда принесите мне книги по истории империи, – спокойно произнесла я и уточнила: – Желательно древней истории.

– Если найду, – буркнула камеристка и вынесла два платья, белое с пышной, украшенной вышивкой юбкой и розовое шелковое, с розами по подолу. – Какое будете одевать?

– Ни одно из них. – Я прошла в гардеробную. Вчера вечером я присмотрела красивое темно-синее платье, простого покроя, но удивительно элегантное. Не знаю, было ли оно в гардеробах других невест, но из-за обманчивой простоты вряд ли кто-нибудь на него польстится. Тем более я слышала от Марианны, что все девушки вчера купили себе бальные платья. Значит, в синем я буду не одна.

Камеристка с удивлением на меня покосилась. Потом небрежно пожала плечами, мол, делайте что хотите, и взяла его.

Я оказалась права: платье необычайно мне шло. Его кажущаяся простота преобразила меня во взрослую, уверенную в себе женщину, глаза засияли ярче, а темные волосы приобрели теплый шоколадный оттенок. Плотная ткань туго обтянула грудь и талию, красиво очертила верх бедер. Далее юбка расширялась и ниспадала широкими складками.

Даже камеристка уважительно кивнула, признавая мою правоту. Прическу она сделала под стать платью. Никаких накрученных локонов и бантов. Волосы убраны вверх и закреплены черепаховыми гребнями.

Я сидела в кресле и рассматривала себя в зеркале, пока прислуга добавляла последние штрихи образу. И вдруг мне пришла в голову ошеломляющая мысль. А если случится невероятное – я пройду

конкурс и стану императрицей? Направляясь сюда, я ни на секунду не задумывалась о такой возможности, а сейчас, после трех дней, мне почему-то стало казаться, что это вполне реально.

Смогу ли я полюбить этого красивого недостижимого мужчину? Смогу ли я спать с ним, целовать, ласкать его, как это делает жена (мама с отцом никогда не прятались от нас детей, целуясь и обнимаясь везде, где только можно), рожать ему детей?

После смерти Роберта я была уверена, что больше никогда никого не полюблю. Мое сердце окаменело, даже мысль о возможной любви приносила боль. Другой момент – императору не отказывают. И моего мнения никто не спросит. Тогда остается лишь любовь к детям. Тоже немало.

Нас опять вели запутанными длинными коридорами, словно специально хотели сбить с толку, чтобы в одиночку мы никогда отсюда не выбрались. Семь девушек, оставшихся после трех дней отбора. Все красавицы как на подбор, юные, белокурые, очаровательные. В почти одинаковых белоснежных и розовых платьях, в кружевах и бантах, с завитыми локонами и диадемами на головах. Я шла, и мрачные мысли бродили в голове. Среди девушек я выделялась, и очень сильно. Во-первых, я была темноволосая и смуглая. Остальные шесть – блондинки. Значит ли это, что император предпочитает именно светловолосый тип? Тогда почему осталась я? Во-вторых, мне двадцать пять, остальным не более восемнадцати. В-третьих, я одна из всех не хочу замуж за Амедала, другие только и делают, что представляют себя его женой, поют комплименты и восхищаются красавцем императором. В-четвертых, я единственная дала хоть какой-то отпор горничной, другие, как рассказывала Марианна, даже рта боялись открыть, молча снося и хамство, и грубость. Было и в-пятых, и в-шестых. А еще голос, звучащий в голове... Одна я его слышу или нет? Попытка аккуратно выведать это у Марианны ничего не дала, она лишь непонимающе округлила глаза. Все это очень настораживало, поэтому в зал я вошла с хмурым выражением на лице и тревогой внутри.

Странно, но размер бального зала был таким же, как и прошлая малая библиотека. Три огромных окна точно так же расположены справа. И балконы по периметру. Конечно, шкафов с книгами нет, вместо них расставлены кушетки, стулья и вазы с цветами. А может,

мне показалось? Может быть, комнаты во дворце похожи одна на другую, как две капли воды? И таких комнат бесконечное множество? Я тряхнула головой и прошла дальше, не заостряя внимание на подозрениях.

Кроме нас в зале находилось шестеро молодых мужчин, одетых в форму. Скорее всего, аристократы из военного лица. Император молодец, позаботился о том, чтобы девушки не скучали, когда он будет танцевать с одной из нас. В углу на небольшом возвышении расположились музыканты. Сейчас играла легкая веселая мелодия. Вдруг она затихла, дверь распахнулась, и вошел император. В парадном камзоле, с офицерскими золотыми нашивками, высокий, стройный, красивый. Даже я невольно залюбовалась, что говорить о других – девушки восхищенно заахали.

Сзади шел церемониймейстер, постукивая тростью по паркету. Император коротко всем поклонился и махнул рукой музыкантам. Заиграла быстрая мелодия. «А он не теряет времени зря, – подумала я со смешком, – быстрее начнем, быстрее закончим». Церемониймейстер что-то прошептал на ухо властителю, и тот подошел к Инессе, молоденькой семнадцатилетней дочери барона из восточных земель. Протянул руку, приглашая на танец. Словно по сигналу, военные одним общим порывом двинулись к нам.

Танцевать я любила всегда и с удовольствием это делала, как только представлялась возможность в нашей маленькой провинции. Папа отпускал нас в город на праздники и сам частенько устраивал музыкальные вечера, еще бы – три дочери на выданье! Сейчас мне в партнеры достался молодой парень, светловолосый, улыбочивый. Мы весело разговаривали обо всем на свете. Генрих был вторым сыном какого-то графа, учился в морском лицее и собирался стать капитаном.

– Вы такая красивая! – восхищенно произнес он в конце танца. – Я бы хотел, чтобы моей императрицей стали вы.

– Молодой человек, – строго произнесла я, пряча улыбку, – тренируетесь в искусстве флирта на невестах императора? И сколько балов уже у вас было?

– Этот второй, – скромно потупился офицер.

Значит, ему девятнадцать или двадцать. С восемнадцати все юноши империи обязаны пройти обязательную военную службу, которая длится минимум пять лет. А максимум – кто как захочет.

Например, мой отец, старший сын барона Токамак, семь лет охранял императорский дворец, ходил по этим коридорам и даже, вероятно, присутствовал на императорских отборах, танцевал с невестами... Но когда встретил маму, влюбился без памяти и уволился из гвардейцев в чине капитана. Мама с радостью согласилась уехать из столицы на юг с молодым мужем. Странно, но это и все, что я знаю о знакомстве родителей. Ладно, отец. Все гвардейцы дают клятву императору о неразглашении. Но мама? Она же была простой фрейлиной. Или и фрейлин обязуют молчать? Одни тайны кругом.

Танец закончился, я присела в реверансе и отошла к девушкам. Нам предложили напитки и закуски. Значит, император не планирует протанцевать все танцы без остановки? Я взяла бокал с соком и только собиралась пригубить, как вдруг почувствовала знакомый тяжелый взгляд в спину. Такой же, как в библиотеке. Я резко обернулась, едва не расплескав сок. Внимательно осмотрела бальный зал. Император разговаривает с церемониймейстером, тот что-то читал в блокноте. Молодые офицеры непринужденно общались между собой. Девушки обступили Инессу и выспрашивают у нее подробности танца с императором. Взгляд не пропадал. Я подняла глаза и посмотрела на утопающие в темноте балконы, опоясывающие зал.

Неужели кто-то наблюдает за нами оттуда? Кто? И зачем?

«Ты права. Я тут, Зои».

Кожа вмиг покрылась мурашками. Сердце бешено заколотилось, как у птицы, попавшей в силки. Я схожу с ума?

– Позвольте вас пригласить. – Я вздрогнула и непонимающе уставилась на протянутую руку. Императорскую. Дьявол, даже не заметила, как подошел владыка.

– С удовольствием, Ваше Императорское Величество. – Я могла бы собой гордиться – голос звучал ровно и даже немного заинтересованно. Моя смуглая рука странно смотрелась на белоснежной императорской ладони, чужеродно и неправильно.

Мы плавно танцевали, изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Погода, красоты столицы, искусство музыкантов. Все в высшей мере достойно. Император почти не смотрел на меня, казалось, его мысли витают в другом месте. Неужели так скучно пройдет второе свидание?

– Ваше Императорское Величество, – произнесла я решительно, – вы знаете, что находится за горами, которые разделяют континент?

Император вздрогнул и с безграничным удивлением уставился мне в глаза.

– Никто точно не знает, – ответил он, медленно растягивая слова, и я уверенно осознала, что сейчас он врет. Странное ощущение. – А почему вы интересуетесь?

– Простое любопытство, – я лукаво улыбнулась, – империи триста лет. Мы живем в развитом государстве. Знаем математику и физику. Я даже слышала, что в столичных мастерских скоро создадут механических летающих птиц, способных поднимать человека ввысь. И не знаем о том, кто живет и что происходит рядом с нами, на другой стороне материка.

– Никто не может преодолеть эти горы, леди Зои, – в тоне императора проскользнул холодок, руки, державшие меня, напряглись. – Они упираются в небо и тянутся через весь наш мир, разделяя его пополам. Ну, вы это и так знаете, – добавил с улыбкой, – как я слышал, вы девушка образованная.

Я кивнула, принимая комплимент. Да, я читала о страшной катастрофе, потрясшей планету миллионы лет назад. Вроде бы как ученые выдвинули теорию о схождении двух материков. В месте их столкновения выросли эти высоченные горы, которые сделали северную часть полностью сухопутно недостижимой.

Каких размеров та часть? Что за моря омывают ее? Может быть, земля непригодна для человека? А как же монстры, напавшие триста лет назад? Они как-то выживают? Большая часть нашего южного континента – безжизненные пустыни, растянувшиеся на тысячи километров на юг, запад и восток. Рек очень мало. Крупных всего две. Ученые и путешественники, исследовавшие планету, не нашли более никаких следов людей, ни за пустынями, ни на маленьких островах, разбросанных в океане.

Если у нас главный враг – это жара и недостаток пресной воды, то, думаю, в северной части наоборот – холод и снег. Но, увы, что там происходит – неизвестно никому.

– А другой способ попасть на ту сторону есть? – я дожимала императора, пусть это было и не совсем вежливо, но любопытство – страшная штука.

– Нет, – отрезал он, – много раз мы пытались преодолеть горы, но они тянутся от одного конца до другого, а высота такая, что уже на середине пути не хватает кислорода для дыхания. По морю тоже нельзя, по крайней мере, пока корабли перестанут использовать паруса для движения против ветра. – Император заинтересованно всматривался в мои глаза. – Обещаю, что когда построят первый корабль на паровой тяге, вы, как и мы все, удовлетворите свое любопытство.

– Ясно. – Я опустила голову. Хотелось еще спросить о железных птицах, которых изобретают в императорских мастерских, о которых писали в ежегодных журналах. Смогут ли они пересечь горы, и не для этого ли их создают? Как вдруг услышала в голове «Зоиии, не увлекайся». Я дернулась и наступила императору на ногу.

– Извините, – пролепетала испуганно, оглядываясь, – вы ничего не слышали?

Император остановился и удивленно на меня уставился.

– Что именно?

Я криво улыбнулась и помотала головой – еще не хватало признаться властителю, что слышу голоса.

– Простите, наверное, мне показалось. Слишком перевозноуалась.

Музыка закончилась, император повел меня к девушкам, искоса бросая внимательные взгляды. Потом поклонился и отошел в сторону. Я схватила со столика бокал с напитком и судорожно отхлебнула. «Красавица моя». Да что такое! Я дернулась, бокал выскользнул из руки и со звоном разбился о мраморный пол. Все в зале обернулись. Стыдно-то как! Подбежали слуги, принялись убирать, оттеснив меня в сторону от осколков.

«Я был прав. Нашел», – прошептал голос еще раз, и тягостное, мучавшее меня весь танец ощущение взгляда исчезло. Стало легче. Ко мне подошел очередной кавалер, еще один красавец офицер, и я приняла его любезное приглашение. Остальная часть бала миновала без странностей. Я танцевала, наслаждалась разговором, прекрасной музыкой, изысканными закусками и напитками, в общем, чувствовала себя превосходно. Император более ко мне не подходил, но не раз и не два я замечала его испытующий взгляд в мою сторону.

– Завтра состоится приватный разговор с Его Величеством, – сделал объявление церемониймейстер, когда император,

попрощавшись с девушками, удалился. Все дружно ахнули. Стало понятно, что это одно из последних, если не последнее испытание.

Личный долгий разговор...

До сегодняшнего момента император не выделял ни одну из девиц. Со всеми был одинаково вежлив и корректен. А ведь это последний отбор. Император всегда выбирает жену на десятом.

Я твердо решила разузнать хоть что-то. Иначе уеду домой умирать от любопытства. Нужно будет придумать, как обмануть стражу и пробраться внутрь дворца. А медал явно что-то скрывает. И про горы, и про завоевателей. И конечно, о том, какая именно девушка ему нужна.

Глава 6

С утра я сидела как на иголках. Девушек забирали по одной и уводили в императорское крыло. Камеристка, выгнав Марианну из моей комнаты, где мы завтракали, заявила, что каждой невесте приказано находиться в своих апартаментах и никуда не перемещаться.

Только когда на часах стукнуло в двенадцать, ко мне зашел знакомый молоденький стражник, тот, что был с нами на экскурсии.

– Я провожу вас на встречу с императором, леди Токамак, – произнес он почтительно. И повел по бесконечным коридорам. Мы петляли около десяти минут, у меня не раз мелькала странная мысль, что он просто запутывает, проходя по одному и тому же месту несколько раз. Наконец мы остановились перед массивной двустворчатой дверью, похожей как две капли воды на десятки предыдущих дверей, которые мы миновали. Да и коридор показался до боли знакомым. Пусть в нем повесили другие картины, постелили ковры другой расцветки и убрали стулья, я узнала его. В этом коридоре я сидела три часа перед первой встречей с императором. Значит, разговор будет опять проходить в том самом зале. Если бы я не знала, как бесконечно богат Амедал, я бы подумала, что в его дворце одна-единственная комната, он в ней и живет, и работает, и проводит балы. Еще одна странность. Которая уже по счету?

– Проходите, вас ждут. – Стражник распахнул створки, и я вошла.

Ну конечно! Тот же зал, он же бывшая библиотека, он же бальный. Теперь здесь кабинет. Дубовые книжные шкафы, комоды, у окна стоит массивный письменный стол. Перед ним два удобных кожаных кресла друг напротив друга. Неужели они успели даже стены обтянуть другой тканью? Перевесить шторы? Сменить мебель? И все за одну ночь? Главное – зачем?

– Присаживайтесь, баронесса. – Император кивнул на кресло, развернутое лицом к комнате. Сам он стоял у окна, засунув руки в карманы. – Вот сюда.

Я молча уселась на указанное место. Тяжелый знакомый взгляд появился сразу же, как только я вошла. Стараясь не обращать на него внимания, я осмотрелась. Как и прежде, два окна из трех были плотно

задернуты шторами, балконы и дальние углы утопали в тени. Мое кресло освещало солнце, более никаких светильников не было. В центре – огромный ковер с замысловатым узором.

Я всегда старалась подмечать мелкие, никому не интересные детали. Именно они добавляют важные штрихи в общей картине. Вот и сейчас я увидела, что лепнина на потолке в районе левого балкона отличается от остальной. Наверное, скульптор, делавший этих ангелочков, решил схалтурить, или был пьян, или так было задумано им изначально. Потому что на одной из рук амурчика было четыре пальца. Даже переставив мебель и перетянув стены, не думаю, чтобы за одну ночь слуги смогли полностью сменить лепнину на потолке. Это слишком сложно. Четырехпалый ангел присутствовал и на балу. И сейчас. И скорее всего, находился там и в первую встречу с Его Императорским Величеством.

Поежившись от смутного тревожного чувства, я повернулась к мужчине. Тот смотрел на меня не отрываясь, с какой-то странной сосредоточенностью. Впервые за четыре дня я удостоилась полного безоговорочного внимания Его Величества. Я тоже решила не отводить глаз. Он был очень красивым, наш император. Именно таким, какие всегда нравились мне. Темноволосый, высокий, широкоплечий. С открытым лицом, твердым, решительным взглядом и военной выправкой. И если раньше, стоя в кругу молоденьких девушек, я стеснялась так явно проявлять интерес, то сейчас мы были одни и я могла себе позволить столь неприличное внимание.

Он молчал, я молчала. Кроме бесспорной привлекательности, он производил впечатление умного и воспитанного, и вежливого человека. Не наряжался в расшитые золотом камзолы, не обвешивал себя драгоценностями, не улыбался без причины, не сыпал сомнительными комплиментами, как это делал граф Кауз. Стоп. Неужели он мне нравится? Я мысленно хмыкнула. Скорее да, чем нет.

Недавно, буквально перед отъездом, у нас с мамой состоялся не очень приятный разговор.

– Ты стала слишком властной для женщины, – сказала она мне, – черствой, холодной, безэмоциональной. Это плохо. Наверное, мы с папой виноваты в этом.

– Перестань, – оборвала я ее, скривившись, не желая выслушивать нравоучения, посчитав себя взрослой для нотаций.

– Ты одела сердце в броню и не позволяешь себе чувствовать, – продолжала мама, невзирая на мое неприятие, – трудно тебе будет сойтись с кем-то. Тебе нужен человек, равный по характеру или сильнее, – улыбнулась она грустно.

Я тогда ничего не ответила, только подумала, что в моем окружении подобных нет, и со смешком предложила себе поискать в столице. Разве я предполагала, что мои мысли станут материальными?

И сейчас, глядя на императора, я с удивлением размышляла о том, что, скорее всего, я нашла этого самого мужчину. Равного по силе характера.

– Вы очень любознательная девушка, – наконец произнес император задумчиво. Медленно отлепился от подоконника, подошел и сел напротив меня. – Неужели у вас нет других увлечений, кроме как интересоваться историей империи и завоевателями?

Камеристка проговорила о моей просьбе? Или узнал о посещении музея?

– Я много чем увлекаюсь, Ваше Императорское Величество, – хотелось бы, чтобы в моем голосе не так явно сквозила ирония, – но вы это и так знаете. Вы же читали мое досье.

Император улыбнулся. Его лицо преобразилось, засияло теплым чарующим светом. А он другой сегодня. Словно расслабился, отпустил поводья, позволил себе быть, наконец, милым.

– А более практичные желания есть? Выйти замуж, например? – И добавил вкрадливо: – За меня?

Мысли заметались с бешеной скоростью. Это предложение? Или констатация факта? Что же делать? Я никогда не думала... Не планировала... Я стану императрицей?!

Неосознанно вцепилась в подлокотники. Мне нужно успокоиться. Срочно. Император с мягкой улыбкой ждал ответа, а я... решила придерживаться выбранного прежде ироничного стиля.

– Ваше Величество, – я с трудом, но смогла обуздать свой голос, – после трех неудачных помолвок...

– Трех? – приподнял бровь мужчина.

– Да, – более уверенно произнесла я. – Третью помолвку родители держали в тайне, так как и после двух обо мне пошли не слишком хорошие слухи в королевстве, а после неудачной третьей меня бы и вовсе подвергли анафеме.

– И за кого же вы собирались замуж в третий раз, баронесса? – Император приготовился развлечься за мой счет. Удобнее сел и вытянул длинные ноги.

– Я заключила ее полгода назад с торговым партнером моего отца, ему было шестьдесят пять лет, – придется раскрыть постыдную тайну. – Он похоронил двух жен до меня, имел пятерых взрослых сыновей и трех дочерей.

– Неужели вы так сильно отчаялись, если собирались выйти замуж за подобного кандидата?

Я задумчиво покусывала губы.

– Вы красивая умная девушка, баронесса, – продолжал император, – даже в двадцать четыре года вы могли найти хорошую партию. Что заставило вас принять его предложение?

Я вспомнила осуждение родственников и знакомых, когда я отвергла графа по «надуманному», как им казалось, поводу. Нет, не родителей, те всегда поддерживали меня во всем. Вспомнила череду вечеринок местной знати, на которые меня перестали приглашать, вспомнила свою лучшую подругу Анну, которая через пару месяцев приняла предложение любвеобильного графа, несмотря на мои советы не делать этого.

– Возможно, здесь, в столице, девушка после двух неудачных помолвок еще привлекательна на рынке невест. Но у нас на юге свои законы. Все, что мне оставалось, это надеть чепчик и воспитывать племянников, а я хотела своего ребенка. – Было тяжело говорить такое совершенно незнакомому человеку. Третий жених согласился на самое главное – если у меня не получится забеременеть с ним, он даст возможность получить ребенка другим способом, даже от любовника, обещав прикрыть титулом и поддержкой.

Все, что позволил себе император, это мимолетно коснуться моих судорожно сжатых пальцев. В комнате воцарилась тишина. Мне все больше и больше нравился этот человек. Было приятно и интересно с ним беседовать. И пусть любовь не вспыхнула в одночасье, я считала, что уважения и симпатии достаточно для крепкого брака. Ну и что, что мы не будем бросаться друг другу в объятия, как это делают мои родители? Так даже лучше.

– Если я правильно понял, то и третья помолвка сорвалась, – мягким тоном произнес владыка. Он старается меня приободрить? Я

криво улыбнулась.

– Незадолго до венчания у барона Вагнуса случился сердечный приступ. Он умер на руках детей и внуков. – Я пожала плечами и произнесла наигранно: – После этого события я решила: не судьба, значит, не судьба. Меня начали называть проклятой невестой, в шутку, конечно. Так что замужество – последнее, чем я могу интересоваться.

– Вы так сильно хотели детей? – император странно на меня смотрел. Вопрос был очень деликатный, из разряда личных, но я ответила.

– Да, хотела и сейчас хочу. – Я посмотрела ему прямо в глаза. – Дети – продолжение нас. Мы смертны и обретаем реальное бессмертие только через потомков. Наше тело, память, цели, увлечения, любовь живут в них. Их детях, их внуках, правнуках. И так до бесконечности.

Император задумчиво склонил голову.

– Я не думал об этом в таком русле, – произнес он, потирая подбородок.

– Вы считали, что фраза «продолжение рода» так банальна? – хмыкнула я. – Передать титул, богатство, земли... и все? Да. Я хочу детей, хочу стать бессмертной, хочу оставить частицу себя в этом мире, хочу испытать безусловную, бескорыстную, божественную любовь, которая может быть только между родителем и его ребенком.

«Если больше не получится испытать любовь с мужчиной», – продолжила мысленно.

Сердце колотилось как ненормальное. Я открылась полностью, так, как никогда и ни перед кем не открывалась. Даже с родителями я держала некоторую дистанцию. Что же случилось сейчас? Почему этот диктатор и тиран (как я его называла ранее) вдруг стал лучшим другом? Мне казалось, что я знаю его всю жизнь. Участливую улыбку, понимающий взгляд, ласковые руки. У меня не укладывалось в голове. Как может этот человек быть таким добрым со мной и жестоким с подданными? Налоги, тюрьмы, цензура...

Император зачарованно смотрел мне в глаза. Его губы подрагивали, словно он хотел что-то сказать. Но не решался. Потом встал и низко поклонился. Я растерянно поднялась следом за ним.

– Я не ошибся. Вы будете прекрасной императрицей, леди Зои. – Последний Амедал взял мою руку, теплые губы коснулись кожи. Что это он сказал? Я буду?... Кем?

Я ошеломленно хлопала глазами, не в силах поверить в то, что сейчас услышала. Еще полгода назад после того, как сорвалась моя третья помолвка, я считала свою жизнь конченной. Старая дева, проклятая невеста, ходячее несчастье, как меня только не называли за глаза.

– Встретимся завтра, – император нехотя отступил, – а сейчас вас проводят в покои.

Он по-военному поклонился и крикнул: «Блум!» В комнату сразу же вошел стражник.

– Леди Токамак. – Я пошла за ним, словно во сне, с трудом передвигая ноги. Императрица. Я стану императрицей! Самой влиятельной женщиной в империи! Я столько всего смогу сделать! В наших провинциях не хватает средств на сиротские приюты, на одиноких стариков, лишившихся дома. Общественные больницы в ужасном состоянии. И так много бедняков. В периоды засухи крестьяне погибают от жажды и голода. Даже мы, богатые землевладельцы, пару раз находились на грани гибели. Я была уже взрослой и помню то время, когда на всей территории королевства не выпало ни одного дождя несколько лет подряд. Поля превратились в каменистые пустыни. Колодцы высохли, бесконечные пожары уничтожали леса и поселки. Мы не мылись месяцами, вода была ценнее золота. И сколько раз наш король ни посылал запросы о помощи к императору, тому не было до нас никакого дела. А здесь, в столице, обычные мостовые выложены дорогостоящим мрамором, тем, который мы с огромным трудом добываем в самых глубоких карьерах. Фонтаны, украшенные золотом и серебром, бесконечно льют драгоценную пресную воду.

«Приди в себя, Зои, – мысленно дала себе пощечину, – мечтать будешь потом. Тебя выбрали императрицей, но ты так и не знаешь, почему». Что есть во мне, чего нет в других девушках? Или император просто влюбился? Странно, но такая простая мысль мне не приходила в голову. Императоры не имеют права влюбляться, это известно всем.

И голос... За время разговора с императором я ни разу его не услышала, хотя взгляд ощущала постоянно.

Мы снова шли по дворцовым коридорам. Но нет, они уже были не такие хитрые и запутанные. В памяти всплывали знакомые повороты и залы. Здесь мы проходили, и здесь. Вдруг мне в голову пришла идея.

Что, если я сейчас смогу избавиться от сопровождения? Несомненно, сама смогу найти ту самую библиотеку/кабинет/бальный зал. Узнаю что-нибудь тайное, а если нет – просто исследую комнату. Что особенного в ней, если все встречи с императором проводятся одним и тем же месте?

– Блум, – произнесла я в спину стражника, тот вздрогнул и обернулся, – ты можешь быть свободен, я сама дойду.

– Велено доставить в целости и сохранности в крыло невест, – упрямо нахмурился стражник, развернулся и пошел дальше. Я поплелась следом.

– Да вон уже дверь, – я тронула его за плечо. Впереди маячили двое гвардейцев, стоящих боком, охранявшие двустворчатые двери, ведущие в «наше» крыло. – Я не потеряюсь.

Если сейчас не сбегу, то шанс может и не представиться более. Блум неуверенно замер.

– Иди уже, – подтолкнула я его, – чего мне здесь бояться?

– Ладно, – сдался стражник, – хорошего дня, леди Токамак.

Он поклонился и выжидающе уставился на меня. Отличненько. Я медленно, едва переставляя ноги, направилась к гвардейцам. Хорошо, что сейчас они о чем-то увлеченно разговаривают. Раз обернулась, второй. Наконец! Когда до двери оставались считанные метры, Блум повернулся и потопал назад. Я мгновенно шмыгнула за портьеру. Замерла, стараясь погасить колебания ткани. Когда шаги затихли, выглянула – никого. Стражники по-прежнему болтают и меня не видят. Мелкими перебежками я помчалась в покои Его Величества. Чуть заслышав шорох, пряталась. То за штору, то за колонну, то и вовсе забегая в какие-то пустые комнаты.

Наконец знакомый коридор. За дверью тихо. То ли император покинул кабинет, то ли ждет очередную девушку. Хотя о чем это я? Он же выбрал меня! Воспоминание больно стукнуло по голове, словно свалившийся ниоткуда камень. Я уже и подзабыла о столь значительном событии. Точнее, старалась не вспоминать. Слишком невероятно и дико. Подумаю об этом после.

На цыпочках я пошла дальше вдоль стены и наткнулась на незаметную крутую лестницу. Точно, в комнате же балконы! Лестница, наверное, вела к ним. Я поднялась на второй этаж и удивленно застыла. Передо мной предстала скала. Настоящая, гранитная. Острые

края кто-то старательно отшлифовал, чтобы не пораниться. Но это точно был кусок горы. Он уходил вверх и терялся за потолком. Значит, я была права! Дворец напрямую соединен с горной грядой. Становится все интереснее.

Если б я не остановилась и не начала рассматривать скалу, я бы ничего не услышала. Звук доносился из щели между скалой и стеной. Я подошла на цыпочках ближе. За стеной спорили. Один из голосов был точно императорским, а другой...

– Ты нарочно это сделал! – я прислонила ухо к щели, голоса стали более четкими. – Ты выбрал ту, которую выбрал и я.

Это император? О чем он?

– Ты не прав. – Этот голос был грубее и жестче. Где-то я уже его слышала. – Я выбрал ее раньше, просто имя не говорил до этого момента. Да и вообще, о чем мы спорим? Я настоящий император, а ты лишь марионетка, которую я поставил вместо себя. Ты во всем обязан мне подчиняться!

С ума сойти! Император – ненастоящий? Тогда кто же он?

– Хватит! Я слушаю тебя уже пятнадцать лет. Ты управляешь империей, моей жизнью, надоело! Ты заставляешь меня принимать идиотские законы, появляясь здесь раз в неделю, а то и реже. Что ты знаешь о родном мире, если не живешь здесь? Ты сказал, что я должен буду жениться тогда, когда и ты. Чтобы наши дети родились примерно в одно и то же время. Так вот, я решил, что Зои подходит мне идеально. Она единственная девушка, которая заинтересовала меня за все то время, пока ты искал свою суженную.

Значит, речь все-таки обо мне.

– И сейчас я ее наконец нашел! – рявкнул другой голос. Я даже поежилась, столько силы и страсти было в нем. – Ты знаешь предсказание. Когда император найдет слышащую, миры объединятся, и как следствие, я... – Он сразу же поправился: – Мы будем править всем миром!

Почему я рассчитывала, что, подслушав разговор, наконец смогу найти ответы на свои вопросы? Все еще больше запуталось.

– Я люблю эту девушку, – прозвучал голос императора, точнее, того, кого я знала как императора, – а тебе все равно, для тебя она лишь слышащая.

И как, интересно, он смог влюбиться за четыре дня? И это после десяти отборов. Но почему-то внутри неожиданно потеплело. И пусть мое сердце молчало, мне было безумно приятно, что такой красивый, умный, благородный человек влюблен в ничем не примечательную меня. И кто это «слышащая»? Я?

– Ты с кем разговариваешь, щенок?! – Второй голос зазвенел от ярости. – Я уничтожу тебя одним щелчком пальцев!

– И как долго ты будешь искать приемника, похожего на тебя? – в голосе моего кавалера прозвучала насмешка. А он тоже зубастый. – У твоего дяди две дочери, а бывший император, твой отец, смог заделать сына лишь одной из фавориток.

За стеной воцарилось грозное молчание. Даже отсюда я чувствовала напряжение, разлившееся в комнате. Кусочки головоломки начали потихоньку вставать на место. Там, за скалой, скорее всего, проход на северную сторону континента. Настоящий потомок Амедалов стоит с той стороны двери (как он туда попал, еще предстоит узнать), с нашей – тот, кого я знаю как императора. Амедал как-то удерживает проход, чтобы завоеватели (те монстроподобные существа на картинках) не ворвались в наш мир. И теперь эти двое мужчин вцепились в одну женщину, то есть меня. Значит ли это, что голос, который звучал у меня в голове, принадлежит настоящему владыке? Он тоже слышащий?

– Предсказание, скорее всего, выдумка. Ты сам когда-то давно озвучил эту вероятность, – произнес голос поддельного императора спокойно и доброжелательно, – если даже завоеватели ворвутся, мы выиграем войну. Сейчас в нашем распоряжении огнестрельное оружие, пушки, катапульты. У нас огромная, хорошо обученная армия. Мы не такие, какими были триста лет назад.

– Ты глупец, Макс. – Значит, императора, которого я знаю, зовут не Адриан, а Макс? – Они обладают умениями, которые тебе и не снились. Если мы развились за триста лет, то и они не сидели на месте.

Что ж, логично.

– Ты же говорил, что они примитивные, – теперь в голосе Макса звучало сомнение, мое сердце тревожно забило. Сейчас, в эту самую минуту, решалась моя судьба, но странное дело, меня, главную участницу спора, никто ни о чем не спрашивал.

– Были примитивными триста лет назад, – устало произнес настоящий император, по голосу было заметно, что и он не хочет конфликтовать с... братом, племянником? – А сейчас кто знает? Неужели ты будешь рисковать миллионами жизней лишь из-за упрямства? Если опять разразится война, погибнут многие, и это будет на твоей совести, Макс. Я выбрал тебя своим преемником, потому что ты был самым достойным и честным среди всех других претендентов.

– А я думал, потому что больше всех похож на тебя внешне. – Похоже, Макс сдался. Амедал точно знал, на какие струны нужно нажать. Мне почему-то стало грустно. Пусть я и не любила его, но вежливый молодой человек, которого я успела узнать за эти дни, привлекал меня гораздо больше, чем какой-то неизвестный Амедал, наследник и прямой потомок.

– Я поговорю с ней. Кого она выберет, тому и достанется, – прозвучал в тишине голос настоящего Адриана.

– Зои выберет тебя, – тихо произнес Макс. Я удивленно сглотнула – почему это? – Она честная и благородная девушка. И конечно, скорее пожертвует собой, чем позволит кому-то умереть.

Мне стало страшно. Ноги задрожали, и я обессиленно опустилась на пол. Что происходит? Я и половины из их разговора не поняла... Чем я жертвую? Свободой? Жизнью?

Нет! Точно не соглашусь на эту авантюру, одного раза достаточно. Теперь я кое-что знаю и меня так просто не уговорить. Если даже я не стану женой Макса (ну и плевать), уеду к родителям, подальше от дворца, гор и странного жуткого императора, говорящего из скалы.

– Я приведу ее завтра утром, – через некоторое время произнес Макс.

– Сегодня! – отрезал настоящий император.

– Ты слишком жесток, Адриан, – от звука знакомого голоса мне захотелось плакать, – позволь девочке в последний раз насладиться солнечным светом. Она любит археологию, я дам ей гвардейцев и разрешу посетить археологический музей.

– Ты можешь ей рассказать или спрятать. Увезти из дворца, и мне до нее не добраться.

– Я не сделаю этого! Ты прав, Адриан, я слишком честен, чтобы так поступить. Я давал клятву империи. Долг превыше всего?

За стеной воцарилось молчание. Меня продали без моего согласия. Грудь сдавило так, что стало трудно дышать. Неосознанно я стала разменной монетой в этой неизвестной мне игре. Я сжала кулак и изо всей силы стукнула им о скалу. Боль отрезвила.

– Я ухожу. И так слишком долго был на этой стороне. – Голос настоящего императора источал холод, – Завтра буду в десять. Надеюсь, ты не обманешь и приведешь мою императрицу. Остальных девиц запереть и не выпускать. И начинай искать себе жену, похожую на Зою. Темноволосую.

Я не помнила, как добралась до своей комнаты. Наверное, повезло, дворец был пуст. Даже стражники убрались от дверей. После того как император огласил свою волю, дворец словно вымер. Я упала на кровать, не раздеваясь. Не хотелось ни есть, ни спать, ни ехать в археологический музей, в который меня усиленно звали.

Ничего не хотелось. Мысли возвращались к подслушанному разговору. Страшила до дрожи в коленках предстоящая встреча с настоящим Амедалом. В моем воображении он уже представлялся монстром не лучше тех, которых я видела на картинках.

Глава 7

Блум пришел без десяти минут десять. К тому времени я была одета, причесана и почти спокойна. Горничная и камеристка на удивление любезно и уважительно себя вели, словно уже все знали. Бессонная ночь не лучшим образом отразилась кругами под глазами и бледным потухшим видом. Но мне простительно – вчера император назвал меня невестой. Любая бы девушка нервничала.

Император, точнее, его преемник, встретил в коридоре. Он выглядел не лучше меня, уставшим и осунувшимся.

– Доброе утро, баронесса, – Макс коротко поклонился, – ты свободен, Блум.

Гвардеец щелкнул сапогами и удалился. Мы остались одни. Молчание затягивалось. Я вопрошающе смотрела на красивого, притягательного во всех смыслах мужчину, пусть это было и невежливо. А он старательно отводил взгляд. Все-таки какое поразительное сходство. Он точно родственник Амедала, возможно, даже близкий. В таких вопросах я не ошибаюсь.

– Я должен сказать очень важную вещь, баронесса, – наконец произнес Макс сдавленно, – она удивит вас, даже шокирует.

– Я внимательно слушаю, Ваше Императорское Величество. – Мой голос даже не дрогнул. Кто подготовлен – тот вооружен.

Мужчина едва заметно скривился, словно мои слова его задели.

– Я не император, – сказал он. Как же трудно изобразить удивление, но я справилась. Мои брови взлетели вверх, я прикрыла рот ладошкой, приглушая испуганное восклицание. Весь мой облик выражал безмерное удивление и шок.

– Я его сводный брат по отцу, бастард прошлого императора, – продолжал Макс, смотря на меня. Его спокойный невозмутимый вид не смог меня обмануть. В глубине глаз притаилась боль.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

Значит, мой ровесник. Я так и думала. Он выглядит слишком молодо для тридцати.

– Но где же настоящий император? – Наверное, этот вопрос первым должна задать ничего не подозревающая девушка.

– Сейчас вы с ним встретитесь, баронесса, – с трудом выталкивая слова, произнес Макс.

Пусть я не любила этого человека, но за четыре дня он успел завоевать мое уважение. И мы еще посмотрим, как пойдет разговор с настоящим величеством. Я уже заочно возненавидела его. Если он захотел со мной поговорить, значит, от моего решения тоже что-то зависит, меня будут уговаривать, убеждать... Не потащит же он меня в свое логово насильно?

– Следуйте за мной. – Макс прошел мимо двери кабинета и направился на лестницу. Значит, там, на втором этаже, есть дверь? Я вчера ее не заметила. «Неудивительно, – подумала я, поднимаясь по ступенькам, удерживая рукой подол платья, – ты не увидела бы даже стадо быков, пробегающих перед твоим носом».

Дверь все-таки была. Одностворчатая, темная, хорошо замаскированная за портьерой. Шагнув на балкон следом за Максом, я неуклюже споткнулась. Как бы я ни была подготовлена к увиденному, картина, представшая передо мной, заставила пораженно ахнуть. Наконец я увидела то, что так тщательно скрывали ото всех.

Ткань, закрывающая стену, была отодвинута в сторону. В глубине черного нутра скалы таилась рваная вертикальная трещина. Узкая, шириной не более двух метров. Разрыв был словно затянут прозрачной пленкой. Аномалия, или еще что. Воздух постоянно колебался, дрожал, искажая фигуру того, кто находился на той стороне. И пусть я не совсем четко видела стоящего мужчину, я узнала его сразу. Да, это он, настоящий Адриан Амедал Четырнадцатый, наш император.

Какой же сильной должна быть кровь, чтобы через сотни лет пронести неизменными черты лица и даже взгляд? Тяжелый, опасный, пригибающий к земле.

В это мгновение я, наверное, должна была всплеснуть руками, заорать что-нибудь, закатить истерику, но я вдруг обрела невиданное спокойствие. Сзади меня, почти вплотную к спине, стоял Макс. Я почувствовала его поддержку. Злой и страшный император там один, а мы здесь вдвоем. И никто не сможет убедить меня перейти на его сторону.

– Позвольте представить вам, баронесса, Его Императорское Величество Адриан Четырнадцатый, – отстраненно произнес Макс, – присаживайтесь. – Он указал на одинокое кресло, расположенное напротив проема, и добавил, понизив голос: – Я буду рядом.

Как только я села, мужчина, находящийся по ту сторону, шагнул вперед, выйдя наружу. Я инстинктивно отшатнулась назад, упираясь в спинку. Почему я думала, что он не сможет перешагнуть барьер? Наивная.

Император внимательно и безэмоционально рассматривал меня, скользя тяжелым взглядом по лицу, плечам, груди. Мне хотелось прикрыться, а лучше вскочить и сбежать в крыло невест. Как минимум. А как максимум сесть в карету и нестись во весь опор домой, на юг, под крыло к родителям, как маленькой испуганной девочке.

Я подавила невольную дрожь и выпрямилась, стараясь не показывать страха. Император действительно был точной копией своего древнего предка и очень похож на Максимилиана. Такой же высокий, темноволосый, широкоплечий, красивый той грубоватой мужской красотой, которая особенно привлекает женщин. Но если Макс располагал к себе дружелюбием, обаянием, благородством, то в этом человеке эти качества отсутствовали напрочь. Его глаза внушали страх. Они были не карие с теплым шоколадным оттенком, как у брата, а темные, как предгрозовое небо. Хотелось спрятаться от его хищного взгляда. И да. Я уверена – это он смотрел на меня все эти дни.

– Наконец я увиделся с вами воочию, баронесса, – хриплый низкий голос раздался надо мной. Я поежилась. – Ты можешь идти, Макс, я сам поговорю с леди Зои.

Я испуганно обернулась и посмотрела на подставного императора, стоящего за моим креслом. Он выглядел растерянным и явно не хотел уходить.

– Иди, – с нажимом повторил Амедал, – это приказ.

Волшебное слово. Макс послушно шагнул к двери. Я закусила губу. Увы, теперь хотя бы понятно, что рассчитывать на его защиту не стоит. Только на себя. Мягкость и доброта – оборотная сторона нерешительности и слабости.

– До встречи, – уныло поклонился Макс, – баронесса. Адриан.

Дверь закрылась. Я, незаметно выдохнув, повернулась к императору. На жестком хищном лице застыла ироничная ухмылка.

– Вы влюблены в него? – Вопрос застал меня врасплох. Я даже не успела ничего сообразить, как император с невероятной проницательностью сам же и ответил:

– Не влюблены, это хорошо. Хоть и не важно.

Я удивленно моргнула. А он умен, это радует. Все-таки договориться с умным человеком проще, чем с глупцом. Адриан отошел назад, за пленку, уселся в кресло, стоящее в глубине, и произнес:

– Нам предстоит важный разговор, баронесса. Я не могу долго находиться на вашей стороне, поэтому будем говорить так, через барьер.

Не зная, как реагировать и как себя вести, я промолчала. Молчание – золото. Так любила говорить моя бабушка, и была права. В любых случаях, когда тебе страшно, когда впереди неизвестность и мрак, когда твое неосторожное слово может привести к беде, – просто молчи и жди. Все само разрешится.

– Где же ваше извечное любопытство, леди Токамак? – насмешливо произнес мужчина. – Неужели так испугались, что онемели?

– Жду, когда вы перейдете к сути, – ответила холодно, – я по-прежнему ничего не понимаю.

И это, к сожалению, было правдой. Кусочки подслушанного вчера разговора не давали четкой картины. Догадываюсь, что этот проход образовался от какого-то катаклизма, произошедшего много лет назад. Понятно, что через него в наш мир проникли монстры и развязали войну. Но почему настоящий император там, а не здесь? И почему я должна выйти за него замуж? И что значит слышащая?

Я думала, что моя дерзость разозлит, но мужчина даже не обратил на нее внимания, словно мои слова для него ничего не значащие звуки.

– Хотите разобраться? – поинтересовался он небрежно. Я молча кивнула, император взмахнул рукой, очерчивая уходящий в темноту коридор за своей спиной, и произнес: – Наверное, вы уже догадались, что это – туннель на другую сторону континента.

Я кивнула еще раз.

– Наши ученые так и не выяснили, сколько ему лет. Возможно, этот проход был создан еще в то время, когда материки сошлись, возможно, он возник гораздо позже из-за землетрясения, но только триста лет назад его обнаружили твари. Как бы там ни было, мы знаем лишь то, что когда мой первый предок генерал Виктор Амедал собрал войско для последней битвы, монстры почти опустошили наш континент. Они с легкостью захватывали королевства одно за другим, похищали женщин и детей. Половина знакомого вам мира долгое время была пустыней. Только на юге оставались еще поселения.

Историю я знала. Знала и то, что до возникновения империи на континенте располагалось множество королевств, которые постоянно враждовали между собой. Из-за этого завоевателям и удалось легко покорить наш мир. Не было ни нормального руководства, ни четкой организации сопротивления.

– И какие они, эти завоеватели?

– Жуткие, – проскрежетал Амедал, – твари, одетые в непроницаемые доспехи. С оружием, стреляющим издалека, умеющие читать мысли.

«А он со всей страстью ненавидит их», – вскользь подумала я и произнесла скептически:

– И как же ваш предок смог их победить, если они были такие сильные?

Император злобно оскалился.

– Сейчас покажу.

Я заинтересованно подалась вперед, стараясь не пропустить ни единого слова. Наконец мы добрались до самого интересного. Император встал, опять шагнул через барьер, остановился у моего кресла, вытащил из кармана что-то маленькое. То ли камешек, то ли кристалл, и приставил к своей голове.

«Вы меня слышите, баронесса?» – раздался знакомый голос внутри. Я поражено уставилась на Амедала. Тот хитро усмехнулся.

– Но как?!

– С помощью этого. – Император раскрыл ладонь. Да, это был кристалл, грязно-желтого цвета, мутный, немного приплюснутый. – Приставляете его к виску и можете общаться с кем угодно.

– А я могу отвечать вам?

– Можете, – согласился император снисходительно, с улыбкой рассматривая мое вспыхнувшее от потрясения лицо, – но только когда камень приложен к моей голове. Немного неудобно, – добавил он, – так как камень всего один. Вот когда их будет много... – Он на мгновение прикрыл глаза, словно в экстазе. – Попробуйте.

Император опять прижал камень к виску.

«Почему для общения вам нужен камень, а мне нет?» – я мысленно задала вопрос. Мужчина нахмурился, на лицо набежала тень.

– А вы умеете задавать важные вопросы, – сквозь зубы проскрежетал он. Молча сунул камень в карман и направился к своему креслу на той стороне. Уселся и начал нервно постукивать пальцем по подлокотнику.

Я спокойно и чинно сидела, ждала ответа, но внутри бушевала настоящая буря. После его слов я с трудом сдерживалась, чтобы не вскочить и не начать бегать по балкону от переполнявших эмоций. Я могу мысленно общаться! Я не сошла с ума. И голос в моей голове был голосом Его Императорского Величества. Но как? Я имею отношение к императорскому роду? Или что-то другое? Почему Амедал переходил на мою сторону, чтобы заговорить? Камень не работает через барьер?

– Раньше род Амедалов тоже умел слышать и разговаривать без камня, – нехотя начал говорить он, прервал мои внутренние метания, – но недавно эта способность пропала.

– Почему?

– Увы, не знаю, – пожал он плечами. Я чувствовала, что император недоговаривает, но не могла понять, что. Темно-серые глаза выражали абсолютную уверенность, и если он врал мне, то убежденно и невозмутимо.

– Почему тогда у меня сохранилась эта способность?

– Потому что ты мой дальний родственник, а в женщинах эта способность проявляется чаще, чем у мужчин.

Видя мой скептический вид, император пояснил:

– Мои предки были очень... скажем так, любвеобильны, у моего деда, прадеда и так далее, было много любовниц, и как следствие, бастардов. Плюс первый Амедал, воюя далеко от жены, тоже, скорее

всего, не был монахом, – император тщательно подбирал слова, – у него могли остаться потомки. Ты одна из них.

Все очень странно. Прошло триста лет, более четырнадцати – пятнадцати поколений, кровь должна была разбавиться настолько, что давно не осталось бы никаких следов от способности императорской семьи. Плюс ни мои родители, ни я даже близко не были внешне похожи на Амедалов. С другой стороны, император сказал, что в женщинах эта способность проявляется сильнее.

– Значит, все эти отборы невест, длящиеся по десять лет, организуют для того, чтобы найти «слышащую»? – уточнила я. Император кивнул. – А как вы проверяете мужчин?

– Все восемнадцатилетние юноши проходят военную службу и дают клятву императору, – ответил Адриан, – на площади, перед дворцом.

– Но вы, таким образом, проверяете лишь малую часть населения, – ахнула я, – нужный человек со способностями мог родиться простым крестьянином.

Император кисло скривился.

– Конечно, мог бы. Поэтому мои предки и искали триста лет, с того самого момента, как основалась империя. Увы, я не в силах бесконечно ездить с камнем по континенту и проверять всех. Не могу далеко удаляться от дворца, точнее, от проема.

Вот мы и добрались до самого интересного. Я сцепила руки в замок и нахмурилась.

– Почему?

– Потому что только я охраняю барьер, – ответил Адриан с почти незаметной ноткой самодовольства, – только я стою между той и этой стороной, защищаю наш мир от тварей. Это было первое предсказание, которое дала шаманка генералу Виктору. «Император остается на той стороне». На этой жили братья и сестры, не наследующие трон. Они и правили империей от его имени. К сожалению, у моего отца один законный отпрыск – я. Поэтому пришлось выбрать Макса. Он очень на меня похож, народ не заметил подмены. Для газет его лица достаточно. Все остальные дают клятву о неразглашении.

Я с трудом подавила ни с того, ни с сего вдруг возникшее неуместное сочувствие к императору. Да, тяжело знать, что вся твоя

жизнь подчинена долгу.

– Мы сотни лет искали «слышащую», – продолжал он, – на заре империи основателю и освободителю Амедалу Первому были произнесены два пророчества, – я заинтересованно подалась вперед, – тогда, в древние времена, еще верили гадалками и предсказателям. Дикие нравы, – пожал плечами мужчина. – Первое ты слышала.

– И что во втором?

– Дословно оно звучит так: «„Слышащая“ императрица соединит миры». – Император немного помолчал, позволяя мне переварить услышанное. – Поэтому понимаешь, как важна твоя роль в мире?

– Вы считаете, что эта императрица – я? – Как я ни старалась выглядеть невозмутимой, голос сорвался на последнем слове. Не хочу! Не хочу быть избранной, особенной, незаменимой! Хочу быть простой скромной девушкой. Самой обычной, обычнее некуда.

– Я не считаю. Я знаю, – с непоколебимой уверенностью произнес император, и меня пробрала дрожь от его ответа. – Мой отец, дед, прадед и так далее проводили бесконечные смотрины, стараясь охватить всех женщин империи. Проверяли камнем. «Слышащую» не находили, и приходилось жениться на обычных женщинах. Женились поздно, поэтому детей было мало.

«Скорее, детей было мало не потому, что браки были поздними, – подумала я, – а потому что девушки, кому не посчастливилось привлечь внимание Амедала, тосковали на чужой земле вдали от родных. Что за жизнь у них была? Там, за гранью?»

– Но почему мы слышим этих монстров? – Я попыталась взять себя в руки. Спокойно, Зои. Еще ничего не решено. – Значит ли это, что там, на другой стороне континента, живут одни «слышащие»?

– Не знаю, – отрезал император, видно, тема была ему неприятна, – мой предок и выиграл войну только потому, что мог отслеживать приказы их военачальников с помощью захваченного камня, а также мог сам отдавать приказы этим монстрам. Он заманивал их в ловушки и уничтожал. Скорее всего, на той стороне находятся залежи этого минерала и у всех правителей есть в распоряжении подобные камни. С их помощью они и переговаривались.

Как же много недосказанности в его словах! А у меня слишком мало предположений, чтобы видеть всю картину целиком. Мне бы

взять несколько дней для обдумывания. Но кто же мне их даст? Я вижу, каким алчным блеском горят глаза императора. Дай ему волю, он бы потащил меня к алтарю исполнять пророчество сегодня же.

Да и не верю я каким-то там предсказаниям. В нашу провинцию лет пять назад приехала знаменитая гадалка и осталась жить в соседнем с нами городке. Ее называли ведьмой, проклинали и боялись, но тем не менее регулярно бегали узнать судьбу. И девушки, и парни, и даже король посылал к ней слуг. Моя младшая сестра тоже ходила. Звала с собой, но я отказалась, заявив, что шарлатанам никогда не верила. Ильме нагадали, что скоро она встретит прекрасного молодого человека и влюбится без памяти. Тот будет красив и богат. Через месяц сестренка на балу познакомилась с Альвересом Риаго.

Он был... Насчет красоты – да, довольно смазлив, а вот что до богатства... Ну, наверное, когда они поженятся, богатым он станет, так как папа пообещал отдать в виде приданого мраморный карьер. Так что свои предсказания делаем мы сами, это точно.

Но не стану же я делиться своими сомнениями с императором? Особенно с таким грозным.

– Зои, вы обязаны родить мне минимум двух детей, а лучше больше. – Я ошеломленно уставилась на Его Величество. Обязана??? Нет, я не против детей, готова даже на троих-четверых, но любые принуждения звучат как вызов. Родители, зная мой характер, никогда не позволяли в своих просьбах ни слова «должна», ни тем более «обязана». Я уже было открыла рот, чтобы возмутиться, но, увидев кривую насмешливую улыбку, сдержалась.

Мой гнев его скорее забавлял, чем злил. Не дождавшись от меня словесной реакции, Адриан продолжил:

– Я нашел вас, вторая часть пророчества исполнится, мы наконец справимся с тварями и завоюем континент, – с убежденностью, граничащей с фанатизмом, произнес он.

– Но... – Я не знала, что ответить. Говорить, что пророчество не про меня, – глупо. Я действительно слышала императорский голос в голове. Что еще придумать, чтобы избежать свадьбы с этим жутким человеком?

– Любви с первого взгляда не случилось? – Император изволил шутить? – Ничего страшного. У нас будет много времени, чтобы узнать друг друга ближе. Вся жизнь.

– Есть ли другие способы... – Мой дрожащий голос жалобно задрезжал и сорвался. Почему я веду себя, как испуганный ребенок? Стало стыдно за свой страх.

– Нет, – отрезал мужчина, – мы триста лет ходим по тонкому лезвию. Раньше первенцев берегли как зеницу ока, они жили здесь, во дворце, пока не умирал их предок там. Сейчас же я остался один. Случись что-нибудь со мной, и наш мир будет обречен... Землетрясение или нападение монстров. Я могу заболеть, в конце концов. – В глубине души я понимала, что он прав, но так не хотелось признавать это.

– Вы можете взорвать тоннель и навсегда закрыть проход, – не слишком хорошее предложение, но других не было. Император саркастически хмыкнул, скривив тонкие губы.

– А если твари найдут другую лазейку? Мы каждый миг будем ждать нападения? – Аргумент был веским, даже слишком. – Исполним пророчество, и более не будет никаких причин так жить. Не будет непомерных налогов. – Я удивленно распахнула глаза. Император пояснил: – А вы думаете, куда идут деньги? На вооружение, на армию, которую нам приходится держать на всякий случай. И здесь, и там.

А он умеет убеждать. И так тонко чувствует настроение. Случайно мысли не читает? Я подозрительно уставилась на умное скуластое лицо.

– Представьте, сколько всего мы сможем сделать для империи, если исполним пророчество. Мы захватим вторую часть планеты, наконец наступит мир. Или вы еще триста лет хотите жить в напряжении? Каждый день ожидая атаки?

«Ну, я вряд ли проживу триста лет», – хотела сказать я, но в последний момент прикусила язык. Трусливые неубедительные отговорки, унижительные для взрослой, умудренной опытом девушки, какой я считала себя. Долг превыше всего? Но ведь еще можно торговаться! Не знаю почему, но императору очень нужно мое согласие.

Я мысленно ухмыльнулась. Держитесь, Ваше Императорское Величество.

– То есть вы хотите сказать, что когда я стану императрицей, то буду жить на той стороне гряды, в стране монстров, в холодном замке на осадном положении, с минимумом слуг, один на один с незнакомым

человеком, без друзей и родных? – мое возмущение было почти искренним. – Неудивительно, что ваши женщины чахнут от тоски. Кто в здравом уме согласится на это?

Его Императорское Величество насмешливо улыбнулся. Конечно, он гораздо опытнее и с легкостью раскусил мои не слишком искусные уловки.

– Чего вы хотите? – раздался обманчиво спокойный голос.

– Узнать вас ближе, – произнесла я, нервно сжимая ладони, – можно отложить свадьбу на месяц-два? Устроить длительную помолвку?

– Нет, – категорично рыкнул император, – пророчество должно быть исполнено как можно скорее. Я и так долго ждал.

– Тогда хотя бы дайте время привыкнуть к вам и не сразу... – я запнулась и покраснела. Император понимающе ухмыльнулся.

– Сколько времени вы хотите? – Я на мгновение задумалась.

– Полгода.

– Месяц, – отрезал император, – я могу взять вас сразу, но не буду этого делать. Видите, со мной можно договориться.

Хоть что-то выторговала... Пусть маленькая, но победа.

– Надеюсь на ваше благородство, – произнесла я, вставая. – Могу я увидеться с родителями перед отъездом?

Император расхохотался. Эхо гулко отразилось от темного глубокого коридора за его спиной, в тысячу раз повторяя его смех. Было так жутко, что я поежилась.

– И что вы им скажете? – произнес император весело, – выдадите государственную тайну? Я думал, вы умнее, леди Токамак.

– Не считаю ничего предосудительного в том, чтобы любить родителей, – ответила холодно.

– Завтра вы станете моей женой, – жестко произнес мужчина, – у меня будет не слишком много времени, буквально несколько часов. Самое долгое в этой процедуре – сделать достаточное количество фотографий, чтобы удовлетворить интерес народа и представить им новую императрицу. Газеты разойдутся по всем королевствам. Надеюсь, ваши родители узнают вас на снимках?

Я в шоке уставилась на владыку. Мои родители не приедут на свадьбу?

– Но ведь... – голос дрогнул. Как же хотелось уговорить императора подождать, пригласить родных, хотелось ощутить твердую руку отца, ведущую меня к алтарю, услышать мудрые наставления матери, веселые подтрунивания сестер. – Может быть, моя мама или папа тоже «слышащие»? И когда они приедут, то вы сможете их проверить.

– Возможно, – кивнул император, – мы пригласим их потом, после свадьбы. Но для пророчества нужна только ты. Мне нужна императрица.

Заметив мое потухшее лицо и скорбный вид, император добавил веско:

– Я распоряжусь подготовить грамоту об освобождении баронства от налогов на двадцать лет. Надеюсь, достаточно для свадебного подарка?

– Достаточно, Ваше Императорское Величество. – Я благоразумно не стала продолжать настаивать, и так мужчина все больше и больше раздражался. Встала, присела в реверансе.

– Я знал, что выбрал благоразумную девушку. – Амедал перешагнул барьер и очутился рядом со мной. Протянул руку и взял подбородок, приподнимая лицо. Я инстинктивно отшатнулась, вырываясь из его рук.

– Вы обещали не трогать меня, – дрожь в голосе выдала меня с головой. Мужчина саркастически скривился.

– Ты девственница, что ли? – И увидев мой бегающий взгляд, добавил: – Не ожидал. В двадцать пять лет-то. Забавно.

– А мои вещи... – голос опустился еще ниже, и теперь из горла доносился хриплый шепот.

– Ночью через проход на ту сторону доставляют еду, питье, одежду, оружие и много всего прочего. Твои вещи передадут так же.

– Значит, до завтра, Ваше Императорское Величество? – мне очень сильно хотелось убежать. Дать себе передышку, пусть небольшую. Вместить в голове все, что узнала, приучить себя к мысли о замужестве, найти положительные стороны в нем. Ведь они есть... наверное...

– Иди, – кивнул император, задумчиво рассматривая мое лицо.

Я быстро поклонилась и шмыгнула за дверь. Прислонилась спиной к стене, глубоко выдохнула. Разговор с императором стоил

нескольких лет жизни. Так я еще никогда не нервничала. Даже когда отказывала графу Каузу, была спокойнее. Большую часть жизни я думала, что выйду замуж по любви, как и мои родители. Потом – ради того, чтобы у меня были дети. Затем – почти смирилась с судьбой старой девы. Почему же сейчас меня вгоняет в ужас одна только мысль, что я стану женой последнего потомка Амедалов? Я же должна радоваться? Я стану самой главной женщиной в империи, исполню пророчество, и главное – у меня будут дети... Но радоваться почему-то не получалось.

Мужчина, которого я еще вчера знала как императора, сидел на верхней ступеньке лестницы и смотрел вниз застывшим взглядом. Когда хлопнула дверь, он обернулся и замер, испытующе вглядываясь в мое лицо. Потом встал, шагнул вперед и взял мои руки в свои. Дружеское тепло немного рассеяло тьму, сжимавшую сердце.

Макс повел меня за собой и усадил на первую ступеньку. Я послушно села, понимая, что еще чуть-чуть, и я разрыдаюсь у него на груди, как маленькая девочка.

– Я никогда не думал, что полюблю, – произнес Макс тихо, я замерла, ловя каждое слово, – мое положение... не то, чтобы жениться на любимой женщине. Я не позволял себе никаких чувств на протяжении жизни. Я знал, что мне не суждено создать нормальную семью, любить и быть любимым. Все, что мне было предназначено, – быть отражением императора. Как в зеркале, я должен был делать все, что он скажет.

Его голос, негромкий, хриловатый, тоскливо вторил моему похоронному настроению. Но как бы мне ни было жаль Макса, себя было жалче. Мне хотелось, чтобы он не признавался мне в любви, а помог, сделал что-нибудь стоящее, то, что помешало бы мне жертвовать собой. Но увы. Он так же ставил долг на первое место, как и я.

– Меня забрали во дворец в десять лет. Никто не спрашивал моего желания или нежелания. Более я никогда не виделся с мамой, – продолжал говорить лжеимператор. – Я учил себя не показывать эмоции, не увлекаться, дистанцировался от любых чувств, но... – Макс поднес мою ладонь к своим губам и чуть коснулся кожи. – Но вы... Вы такая же, как и я. Вы словно созданы для меня. Мне близки и понятны ваши порывы, действия, увлечения, – он сглотнул. – И я впервые

позволил себе присмотреться повнимательнее. Адриану всегда нравились блондинки, на третий день он сказал, что, скорее всего, нашел невесту, осталось кое-что проверить. Я обрадовался, как мальчишка – я тоже смогу выбрать жену. Кто ж знал, что мы выбрали одну и ту же.

В груди неприятно заныло. Зачем он все это говорит? Мне сейчас нужно собраться с мыслями, подготовиться к войне с императором, учиться отстаивать свое я, торговаться, договариваться, а вместо этого Максимилиан выливает на меня свои уныние и жалобы.

Да, права была мама. Я стала слишком холодной и жесткой, совсем не женственной. Я протянула руку и тронула ладонь Макса, тот с силой сжал ее в своих руках.

– Если не хотите выходить замуж, я помогу. Мы что-нибудь придумаем, – вдруг быстро произнес он. – Отвезу далеко-далеко, на край континента, спрячу, Адриан никогда вас не найдет.

Я удивленно округлила глаза. Он все-таки сказал их, сказал те слова, которые я ждала! Спасибо, мой дорогой друг, но властителю не отказывают, ведь так?

– Если существует хоть малейшая вероятность того, что Амедал прав, – глухо ответила я, покачав головой, – я должна исполнить пророчество. Иначе всю жизнь буду жалеть. Особенно если разразится еще одна война.

– Я не сомневался, что вы так поступите, – как-то обреченно произнес Макс, выпуская мою руку. – Он знает, на какие струны надавить, чтобы заставить всех действовать так, как ему нужно.

На то он и император. А я еще удивлялась после первого разговора с Максом, почему это я не почувствовала во властителе ни цинизма, ни жестокости, которые должны неизменно присутствовать в характере правителя такого ранга. Ничего, теперь я прочувствую их в полной мере на своей шкуре.

Мы еще немного посидели в тишине, думая каждый о своем. Могла ли я представить, что жизнь так круто изменится? Я еще не успела сжиться с мыслью, что меня выбрали невестой императора, как вдруг – разговор с настоящим Амедалом и странное пророчество. За несколько дней мир перевернулся с ног на голову. А сегодня вообще обрушился вселенской катастрофой.

Хватит ныть! Я решительно тряхнула головой. Впереди месяц. Постараюсь полюбить Его Величество. А если не получится, то хоть узнаю лучше. Еще совсем недавно я считала, что для брака достаточно уважения и приязни. И еще я спасу мир от угрозы монстров и у меня будут дети. Во всех, даже в безвыходных ситуациях, есть положительные стороны.

– Пойдемте? – Я энергично встала. Макс с восхищением посмотрел на меня снизу вверх.

– Я не ошибся, – он порывисто поднялся и протянул согнутую в локте руку, – вы будете прекрасной императрицей, леди Зои.

Я благодарно склонила голову, принимая поддержку. И какие бы чувства ни бушевали внутри, я твердо шагнула вперед.

– Адриан уже распорядился насчет свадьбы, – Макс вел меня по коридорам в сторону, противоположную от крыла невест, – сегодня вы переночуете в покоях императрицы. Утром вас приготовят к церемонии. Его Императорское Величество придет точно к началу. Ему нельзя здесь долго находиться.

– Почему?

– Адриан говорил, что не хочет надолго оставлять проход, – пояснил Макс.

Я кивнула, приняв такое объяснение, чувствуя, что еще одно «почему» канет в пустоту. Видимо, правды я не дождусь ни от императора, ни от его сводного брата.

– Сначала – храм, потом – съемки для газет. Вам придется несколько раз переодеться. – Я удивленно приподняла бровь. Макс пояснил: – Фотографии будут печатать в течение нескольких месяцев в различных изданиях. Как будто вы с императором в разное время посещаете мероприятия, и так далее.

– Можно отправить письмо родителем?

Мой вопрос почему-то вогнал Макса в смущение, лицо исказилось.

– Понимаете, – замялся он, – я давал клятву о неразглашении, как и все вокруг...

– Я не собираюсь ничего им говорить, – прервала его быстро, – только напишу несколько слов о том, как я рада и счастлива, успокою их. – И, видя, что он еще мнетяся, добавила: – Дам почитать перед тем, как запечатать.

– Хорошо, – кивнул он и остановился недалеко от двустворчатой резной двери. По обе стороны от нее стояли гвардейцы – мои надзиратели. – Завтра целый день я проведу в своих покоях. Во дворце будет настоящий император, поэтому поддельному нечего делать на свадьбе. Попрощаемся здесь.

– Лучше до свидания, – я протянула руку. Макс взял ее и поднес к губам. – Было приятно познакомиться. Вы... – я хотела сказать «самый лучший император», но в последний момент сдержалась. Пусть мы стояли вдалеке от гвардейцев, слух у них был отличный.

Макс грустно улыбнулся и выпустил мою руку.

– Подождете, пока я напишу письмо? – он кивнул.

Я вошла в покои императрицы. Стараясь не замечать бьющую в глаза роскошь, сразу направилась к письменному столу, стоящему у окна гостиной. Быстро нашла листок и карандаш.

«Дорогие папа и мама. Император совсем не такой, каким мы представляли. Он умный, добрый, щедрый и очень красивый, – на самом деле я, скорее, описывала Макса, а не настоящего Амедала, – я обязательно буду счастлива с ним. Он пообещал пригласить вас в столицу через несколько месяцев. Тогда и увидимся. Поцелуйте за меня сестер. Зои».

И только когда я тщетно старалась заснуть в огромной императорской кровати, то вспомнила, что явно покорило в логичных объяснениях Амедала. Он сказал, что ищет «слышащую» триста лет, со дня основания империи. А как же фраза о том, что способность слышать без камня императорский род утратил совсем недавно? В каком случае он соврал, в первом или во втором?

Глава 8

Свадьба почти не отложилась в моей памяти. Меня переодевали, красили, меняли прическу, крутили и вертели, как куклу. А главное – все время торопили, пусть и не так грубо, как это делали слуги в пору, когда я была одной из невест, но все-таки... Наряды были великолепные, драгоценности роскошные. Но я даже не успевала ими полюбоваться, как меня поднимали и выталкивали в очередной зал для фотосессии.

Свое «да» в храме при дворце я сказал не задумываясь, почти впопыхах. Повиноваться, хранить верность, любить, почитать. Слова пролетали мимо меня. Обязательный поцелуй после того, как нас объявили мужем и женой, был похож на прикосновение к холодному мрамору.

Император был мрачен, немногословен и очень спешил. К концу церемонии он уже потирал висок, а когда закончили фотографировать, ему самому требовались румяна из-за болезненного зеленоватого вида. Еще одна странность.

Как только фотографов выпроводили, Адриан молча схватил мою руку и потащил за собой. Сердце оборвалось. Хотелось еще раз увидеть Макса, Марианну. Хоть кого-то, с кем я была близка, но вряд ли мне позволят. Мы почти вбежали по лестнице на балкон знакомого зала. Ткань была отодвинута, проход зиял чернотой. Император приблизился к пленке и хрипло произнес:

– Ты же добровольно идешь со мной? Ты согласна исполнить пророчество и объединить миры? – Я непонимающе уставилась на теперь уже мужа. Странные вопросы, мы же все обсудили еще вчера. И пусть усталость от свадебного марафона валила с ног, в голове был хаос, я умудрилась коротко кивнуть.

– Согласна.

Император шагнул вперед, и мы пересекли границу. В туннеле было темно и странно пахло. Точнее, не пахло вовсе. Ни пылью, ни камнем, ни затхлостью или чем-то другим, как в пещерах или карьерах. Воздух был стерильным и безвкусным.

– Нам нужно пройти совсем немного. – Адриан упорно тащил за собой, словно боялся, что я сейчас развернусь и брошусь назад. Впереди тусклым пятном светился выход на другую сторону. Действительно, расстояние небольшое, пару сотен метров. Мне казалось, горы гораздо больше и шире. На той стороне в проеме тоже была пленка из колеблющегося воздуха. Не успела я ничего сообразить, как мы пересекли ее и ввалились в маленькую пустую комнату без окон с окованной железом дверью. Она была заперта на огромный засов. По обеим сторонам горели факелы. Я подошла к двери и тронула пальцем стальные петли. Слабая защита от монстров.

– Теперь ты в полной моей власти. – Голос Амедала выдернул меня из задумчивости. Странные многозначительные интонации заставили обернуться и вопросительно приподнять бровь. Император стоял, загораживая щель в горе со сложенными на груди руками. У меня в голове мелькнула догадка.

– Без моего согласия вы не смогли бы притащить меня сюда?

– Умная девочка. – Он шагнул вперед и сильно сжал мои плечи. Я изо всех сил старалась не заорать и не отшатнуться. Вблизи его лицо выглядело еще более отталкивающим, как у зверя, собирающегося вцепиться в горло. Только вот я себя овечкой не считала. И всегда умела дать сдачи.

– Отпустите, – процедила сквозь зубы, – сейчас же. Вы обещали меня не трогать.

Его руки причиняли боль. Скорее всего, останутся синяки, но не это главное. Сейчас основное – не поддаться. Не склониться, не показать испуга или смятения. Иначе я окажусь в его постели сегодня же ночью. Бесправная, униженная и беспомощная.

– Слову императора можно верить? – холодно поинтересовалась я, неотрывно смотря в глаза теперь уже мужу. По спине тонкой струйкой бежал пот. Я была как натянутая тетива, готовая к выстрелу. Да, он император, его власть безгранична, но и я чего-то стою.

– Можно, – веско произнес властитель через долгую паузу. Затем медленно провел по плечам, опустил ладони вниз, крепко сжал мои руки, словно беря в плен, и добавил язвительно: – Не расстраивайся сильно, брачную ночь придется отложить. Мне не нужна зеленая немочь в постели, ты и так... не совсем в моем вкусе. А тут еще и тошнота со рвотой...

Я с силой сжала зубы, гася внутри волну возмущения. Он лишь дразнит меня, выводит из себя, провоцирует. Сам, кстати, быстро пришел в норму, бледность исчезла, как и болезненный вид.

– А она обязательна? Тошнота? – Дождавшись его кивка, сухо поинтересовалась: – Всем становится плохо при переходе? – И опять ироничный кивок. – Почему?

Император пожал плечами.

– Другой климат, наверное, не знаю. – Опять врет. У меня, как у имперской ищейки, выработался нюх на его ложь.

– И сколько длится адаптация?

– Около месяца. У кого-то больше, у кого-то меньше. Тебя ждут тошнота, рвота, головная боль, отдышка и так, по мелочи.

Я горько скривилась. Кто бы сомневался. Месяц. Именно месяц мне и дал император на привыкание к себе, зная, что все это время я буду бесполезна и как жена, и как любовница, и как исполнительница пророчеств, так как не смогу встать с постели. Он исключительно рационален, мой муж.

– И за этот месяц постарайся в меня влюбиться, Зои. Так будет проще для тебя.

– А для вас? – не удержалась от вопроса я.

– Мне все равно, – бросил император, одним движением отбрасывая засов с двери. С той стороны ожидаемо стояли гвардейцы. Они поклонились и отступили, давая нам проход.

Мы шагнули в скудно обставленную комнату. Камни, камни и еще раз камни. Пол, стены, потолок. Леденящий холод заставил поежиться.

В комнате не было окон, по углам висели газовые светильники, дающие мигающий неяркий свет, отбрасывающие на стены жуткие размытые тени. Я словно попала в какую-то мрачную злую сказку. С тоской оглянулась назад, бросая быстрый взгляд на дверь, ведущую в мой мир. Ее уже запечатали, навесили замки, гвардейцы с оружием наперевес встали поперек.

– Нет-нет, даже не думай, – усмехнулся император, еще сильнее сжимая руку, – без моего приказа дверь не откроют.

Я покачнулась, дрожь охватила тело. Мне было холодно, страшно и бесконечно одиноко в этом новом для меня мире.

– Вскоре тебе станет еще хуже, – император направился в один из коридоров, ведущих из комнаты, таща за собой, – нужно успеть

показать дворец и представить слугам.

Мы шагнули на лестницу и начали подниматься наверх. Уже потом, гуляя по замку, я выяснила, что он построен ярусами прямо в горе, узкий, шириной не больше десяти метров, вытянутый в линию. Длинные коридоры заканчивались лестницами. Вход в мой мир был на втором этаже, на третьем жили слуги, находилась кухня, прачечная, другие хозяйственные постройки, на четвертом располагались личные апартаменты императора и императрицы, столовая, кабинет, тренировочный зал.

– Слуг немного, – объяснял император, пока мы поднимались по двум пролетам, – замок небольшой, слишком трудно долбить комнаты в скале.

– А почему нельзя было построить замок рядом с ней, как на той стороне? – клацая зубами, поинтересовалась я.

– Мало места, – отрезал Амедал грубо, отбивая всякую охоту к дальнейшим расспросам.

Лестницы наконец закончились, и мы вошли в небольшой зал с камином. И тоже без окон. Как бы мне ни хотелось взглянуть на эту часть континента, придется подождать.

Нас ждали. В комнате стояло около тридцати человек. Мужчины, женщины, совсем молоденькие девушки. Они обеспечивают Его Императорскому Величеству комфорт на этой стороне? Вон кухарка с помощницами, полная пожилая женщина в фартуке. А это, наверное, горничные. Четыре милovidные особы, стреляющие лукавыми взглядами в нашу сторону. Представительный мужчина впереди в дорогом камзоле, скорее всего, управляющий.

– Представляю вам свою жену, императрицу Зою Фредерику Амедал. Ее приказы должны выполняться так же, как и мои. Ее желания, комфорт и любые прихоти – ваша первоочередная задача...

Он еще что-то вещал, а я рассматривала застывшие хмурые лица. Что заставило этих людей бросить дом, родных и переехать сюда, на эту сторону? Жить в этом жутком каменном мешке без окон, тепла, света?

– Золото, – ответил на мой вопрос император, когда мы вошли в кабинет, немного поплутав по темным коридорам, – ты даже не представляешь, на что способно золото, много золота. За пять – десять

лет службы каждый может купить дом в столице или небольшой постоялый двор, а за десять – поместье в одном из дальних королевств.

– А как же тайна? Не боитесь, что кто-нибудь может рассказать о том, где они служили?

– Не боюсь, никто не посмеет рассказать. Достаточно было нескольких показательных демонстраций.

Император кивнул на два кресла, стоящих посреди кабинета. Я уселась спиной к камину, меня постоянно знобило.

– Каких демонстраций? – сухо поинтересовалась, медленно обводя взглядом комнату. Здесь, как и в императорском дворце Лимпии, не жалели ни золота, ни мрамора, ни дорогих тканей. Кричащая роскошь, скорее излишняя, чем уместная. Кабинет должен быть лаконичен и строг, а не сиять, как бальный зал, золотой лепниной на потолке, огромной хрустальной люстрой, белоснежными коврами на полу, мраморными фигурами обнаженных женщин, застывшими в углах комнаты в разных позах. Я помимо воли скривилась. С другой стороны, вынужденный постоянно обитать здесь император заперт в холодном замке, вдали от дома и родных. Незавидная участь. Пусть развлекается как хочет.

Амедал уселся напротив меня и хмуро скривился.

– Недавно я узнал, что бывший офицер, служивший здесь, проговорился жене. Не осталось никого... – Он принялся, словно напоказ, загибать пальцы: – Ни офицера, ни его молодой жены, ни двух его детей, ни матерей, ни отцов, ни братьев, ни сестер с обеих сторон. В контракте четко указано – до третьего колена.

– Вы чудовище, – меня пробрала невольная дрожь.

– Я?! – Император сузил глаза, в них разгоралась ярость: – Он был предупрежден. Он получил деньги. Дал клятву. – Владыка рубил словами, словно топором, бравируя своей жестокостью.

– И сколько было подобных демонстраций? – прервала его я.

– Достаточно для того, чтобы все, кто на меня работает, знали, что с ними и с их семьями случится, если они откроют рот.

Вот почему ни мама, ни отец никогда не рассказывали об императоре, как мы с сестрами их ни просили. Вот почему мама, выросшая в столице, уехала как можно дальше на край континента, и вот почему, когда пришло приглашение на отбор невест, родители так испугались.

– Если вы искали «слышащую», то к чему было продолжать отбор? Вы меня нашли в первый же день.

– Ты считаешь, у меня много развлечений в этой тюрьме, где я живу? – зло прошипел Амедал. – Конечно, я бы выбрал тебя в любом случае, будь ты уродиной или невежественной деревенщиной.

– Зачем тогда остальные?

На лице императора расцвела странная ухмылка.

– Тебе же нужны фрейлины? – Мерзкие пошловатые интонации в голосе заставили похолодеть. Макс говорил, что Адриану нравятся блондинки, а остальные шесть девушек белокурые.

– Не особо, – медленно выдавила из себя.

– Нужны, – с нажимом повторил он, – а мне нужны послушные, кроткие, слабые девушки, трусливые и бесхарактерные, которые будут молчать и исполнять мои прихоти. Я отобрал именно таких. Они придут через несколько дней. Жду не дождусь.

Да у него тут планируется цветник? Все комфорта Его Императорского Величества? Не много ли – шесть фавориток?

– И как вы собираетесь переместить их сюда? Сами говорили, что нужно добровольное согласие.

– Они и согласились. На работу фрейлинами императрицы. Проблем не будет.

Я с ужасом вспомнила восторженную семнадцатилетнюю Марианну, которая больше всего на свете хотела остаться во дворце, рядом с императором. Неужели и мама? Я споткнулась на этой мысли. Она же несколько лет была фрейлиной предыдущей императрицы? Надеюсь, ее минула сия участь. Или нет?

Я глубоко вздохнула и прикрыла глаза, решительно отбрасывая, отрезая себя от вида самодовольного мужчины, развалившегося в кресле. Как же я смогу полюбить это чудовище за тот месяц, который мне отведен? Пока он не дает мне ни единого шанса даже на симпатию. Жутко разболелась голова, то ли от усталости, то ли начала проявляться обещанная загадочная болезнь, настигающая при переходе через барьер.

– Я предупреждал, – холодный голос императора заставил внутренне содрогнуться.

От сильной головной боли начало подташнивать. Я со стоном закрыла глаза, впиваясь ногтями в ладони.

– Остальное потом, – раздался надо мной голос императора, – тебе совсем плохо. Позову слуг.

Сил хватило лишь на то, чтобы согласно угукнуть. Хлопнула дверь, меня подняли на руки и куда-то понесли. Опустили на мягкую постель. Ловкие тонкие пальцы, по всей видимости, женские, освободили от платья. К губам поднесли какое-то питье. Я сделала пару глотков и отключилась.

Глава 9

В итоге я заболела по-настоящему. Сказался ли стресс, жуткий постоянный холод или переход на эту сторону – не знаю. Неделю я провела в кровати, выкашливая легкие, нос был заложен, из глаз текли слезы. Ни тошноты, ни рвоты, обещанной императором, не было, может быть, потому, что я ничего не ела. За двадцать пять лет своей жизни я ни разу не болела простудой. Да и как болеть, если зим у нас нет, а единственная пакость, которая может уложить в постель, – солнечный или тепловой удар.

За мной ухаживала молоденькая горничная, звали ее Битрисс. Ей было двадцать два года, у нее были светлые (как и ожидалось) волосы и хитрые бегающие глаза.

Первый вопрос, который я задала ей слабым голосом, был все о том же. И ее ответ не отличался от императорского. Хоть в чем-то он не соврал.

– Я подписала контракт на пять лет, Ваше Императорское Величество, – тон у девушки был далеко не унылый, даже наоборот, радостный и беззаботный. – После службы я смогу купить таверну или гостиный двор. Стану богатой невестой. Что такое пять лет? Мелочи... – Она смущенно заулыбалась, мечтами уже находясь за стойкой в своей таверне, пояснив: – Я пятая дочь в семье обычного конюшего, приданого у родителей нет.

Битрисс приносила мне какие-то настойки, давала дышать над горячим чайником, кутала в меха. Забота принесла плоды, через несколько дней мне стало легче.

Однажды я проснулась совершенно здоровой. Некоторое время лежала на кровати, прислушиваясь к себе. Ни головной боли, ни насморка, ни першения в горле. Красота!

В комнату вошла Битрисс. Как она узнает, что императрица проснулась? Какое-то специальное работничье колдовство?

– Доброе утро, – я улыбнулась, – а скажи-ка мне, в замке есть хоть одно окно?

– Нет, Ваше Императорское Величество, – удивленно приподняла брови девушка, – зачем оно вам?

– Ну как же, – разочарования в голосе скрыть не удалось, – интересно, что на этой стороне. Какая природа, животные...

– Пф, – фыркнула она, зажигая дополнительно еще несколько светильников, чтобы в комнате стало хоть немного похоже на утро, – зачем смотреть на горы? Еще и монстров, не дай всевышний, увидим.

Да, покои императрицы были роскошно обставленными, но то, что отсутствовали окна, убивало всю прелесть. Мне постоянно как будто чего-то не хватало. Света, тепла, воздуха. Я чувствовала себя в клетке. Не помогали ни пейзажи, развешенные на стенах, ни белоснежные шкуры на полу, ни веселенькая цветная ткань, которой были обтянуты стены.

Встав с кровати, я сладко потянулась.

– Не переживайте, леди, – Битрисс подала мне теплый шерстяной пеньюар, – им сюда не пробраться. Стены толстые, окон нет, дверей тоже. Нам Его Императорское Величество еще по приезде сказал. Бояться нечего.

Я и не боялась. Наоборот – мне было ужасно любопытно.

Хотелось умыться, выпить чаю, съесть чего-то посущественнее ложки размазанной по тарелке каши, прогуляться. Хоть по коридорам. Я прошлась по комнате и распахнула дверь гардеробной. Все невестины и свадебные платья перекочевали сюда, плюс добавилось еще кое-что. Длинные меховые накидки, теплые шали, пушистые шапочки, варежки, сапожки и много всего прочего.

Я непроизвольно поежилась. Как же здесь холодно! Я, всю жизнь прожившая на юге, впервые увидевшая снег только по приезде в столицу на горных вершинах, постоянно мерзла. Ни разожженный камин, ни толстые шкуры на полу, ни пуховое одеяло не могли меня согреть.

– Я принесу завтрак, леди Зои, – Битрисс странно на меня посматривала, искоса, с нескрываемым любопытством, – вам бы не вставать с постели. Рано еще.

– Почему?

– Так... все болеют при переходе. А для вас только неделя прошла. Вы разве не чувствуете?... Тошноту, головокружение? – Голос звучал подозрительно заботливо.

Точно! Месяц! Почему тогда я отлично себя ощущаю? Я досадливо прикусила язык. Лучше пусть я буду как все, болеть и

стонать, чем император решит, что месяц для привыкания ни к чему, и уже завтра заявит на меня права.

– Императрица умеет терпеть боль и никогда не покажет слабости перед слугами, – низким хриплым голосом произнесла я, вскинув голову, – подготовь утреннее платье и шаль.

А сама, немного покачиваясь, словно мне тяжело передвигать ноги, проплыла мимо согнувшейся в поклоне девушки в сторону ванной комнаты.

К вечеру в мои покои появился император. Впервые за неделю.

– Я слышал, ты неплохо себя чувствуешь? – Он присел на краешек кровати, пристально вглядываясь в мое лицо. Я даже знаю, от кого он это «слышал». Битрисс еще и доносчицей подрабатывает? Предприимчивая девушка.

Хорошо, что он застал меня в кровати, а не в кресле у камина, где я провела почти целый день, читая журнал об археологии, тот, который приехал со мной из дома.

– Не скажу, что очень неплохо, – слабым голосом ответила я, – скорее сносно.

– Тогда пообедаешь со мной?

Мысли перепугано заметались. С одной стороны, я была рада выйти наконец из покоев, за неделю мне они до смерти надоели. С другой – если император увидит, что болезни никакой нет, неизвестно, сдержит ли он свое обещание не трогать меня.

– Пообедаю, – в конце концов произнесла я, склонив набок голову, – если вы расскажете, зачем я вам нужна. И что могут «слышащие».

Адриан иронично скривился.

– Кое-что расскажу. А некоторые тайны ты услышишь и увидишь лишь после того, как станешь настоящей женой.

– После брачной ночи?

– Именно.

– Что же, – произнесла я, сильнее натягивая покрывало на грудь, – придется месяц маяться любопытством.

– Уже меньше, – хмыкнул иронично владыка и встал. – Битрисс поможет одеться и покажет столовую.

Я с тревогой проводила мужа взглядом. Не нравился мне его настрой. Казалось, только стоит дать слабину – он вопьется в горло и

сожмет зубы. Его лицо могло быть красивым, если бы не эта постоянная жутковатая гримаса и похотливый блеск в глазах. Вспомнился Макс, такой похожий на мужа и одновременно совершенно другой. Он уже стал для меня далеким печальным воспоминанием, словно после нашей последней встречи не неделя прошла, а год.

Столовая находилась недалеко от покоев императора и представляла собой не слишком большую квадратную комнату с неизменным камином и деревянными панелями на стенах. Стол был рассчитан максимум на десятерых. Действительно, гостей здесь принимать не придется.

– Сам я в основном обедаю у себя в кабинете или личных покоях, – пояснил император, подавая мне руку и усаживая напротив. Как же скучно, наверное, ему живется. Ни балов, ни праздников, ни друзей, ни родных. Вот почему он такой озлобленный. Ух ты! Я стараюсь его оправдать? Найти положительные стороны? Так, глядишь, и до симпатии доберусь.

Слуги принесли суп.

– Не пора ли нам познакомиться поближе, Зои? – Я напряглась, Амедал, наоборот, выглядел расслабленным и довольным.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, для начала, давай называть друг друга на ты. Ты можешь называть меня Адриан, я тебя Зои. Согласна?

Я молча кивнула. Это такая малость, которая даже не стоит упрямства с моей стороны.

– Отлично, – император ласково улыбнулся, – будем продвигаться потихоньку, день за днем. Завтра придумаем что-то новое для сближения. Возможно, даже поцелуй.

Я испуганно уставилась в темные, почти черные глаза. Он будет меня приручать? Как щенка? Какой еще поцелуй?

– У меня есть еще три недели, Адриан.

– Ты все равно станешь моей. Сейчас или через три недели. Неважно. Привыкни к этой мысли, – император нахмурился, словно что-то вспомнив. – Да, запомни – я не люблю просьбы и слезы. Моя мать, живя здесь, все время рыдала и умоляла ее отпустить. Это страшно бесило отца. Но она была слабой и безвольной, не такой, как ты.

Слуги поменяли блюда, поставив передо мной тарелку с небольшой кучкой отварных овощей, а перед Амедалом огромный, хорошо прожаренный кусок мяса. Я сглотнула слюну, опуская голову, пряча голодный взгляд. Я бы тоже не отказалась от стейка, но пока «болею», придется употреблять полезную для желудка пищу.

Некоторое время мы молча ели.

– Когда придут фрейлины? – Мне очень хотелось увидеть хоть кого-нибудь, кроме Битрисс и императора, поболтать с Марианной. Надеюсь, смогу упросить мужа ее не трогать.

– Они уже прибыли, моя дорогая, – ответил с загадочной улыбкой император, – просто переносят переход гораздо хуже тебя. Все лежат по своим комнатам и стонут.

– Оу... – я сдавленно кашлянула.

– Поэтому любовницы пока мне недоступны. Но если так хорошо себя чувствуешь, так, может, поторопим брачную ночь?

Его пошлый откровенный цинизм свернул внутренности в узел. Гнев затопил сознание, в глазах потемнело. Хотелось взять стакан с водой и выплеснуть в ненавистное ухмыляющееся лицо. Какая симпатия, тем более любовь? Тут бы не прирезать друг друга за этот месяц.

– Как же я жалею, что дала свое согласие на наш брак и на переход сюда, – мой голос был похож на шипение змеи, – если бы...

Император не дал мне закончить. Он вскочил и изо всех сил ударил кулаком по столу, так, что подскочили тарелки. В глазах плескалась бешеная ярость, на скулах расцвел красные пятна. Мне показалось, сейчас он меня просто убьет. Долгую тягостную минуту мы смотрели друг на друга, как заклятые непримиримые враги.

– Есть много других способов заставить добровольно перешагнуть барьер, – убийственно спокойным тоном произнес он, – например, доставить в Лимпию твою семью и допросить. Я ведь до сих пор не знаю, как обошел клятву твой отец или мать. Кто-то из них обязательно был «слышащим»...

Я сглотнула вязкий комок в горле.

– То, что я даю тебе вольность так со мной разговаривать, скорее исключение, чем правило. Долго это не продлится. Я далеко не добряк и могу взять тебя прямо здесь, на столе, если захочу. – Его ноздри расширились и затрепетали. – А почему бы и нет?...

Амедал решительно направился ко мне, огибая стол. Лицо алчно искажилось. Меня спасла болезнь или ее эхо. Страх, сковавший сердце, добрался до желудка и вывернул съеденное прямо на стол. Император, грязно выругавшись, отскочил назад.

– Битрисс! – заорал он. В комнату вбежала горничная.

– Отведи императрицу в ее покои. Видимо, леди поторопилась, уверив нас в отличном здоровье. Пусть еще полежит в постели неделю.

Битрисс подхватила меня под руку и вывела из столовой. Мне действительно было плохо. Голова кружилась от слабости. Только подумаю, что император сможет что-то сделать с моей семьей, и крупная дрожь сотрясала тело, замораживая все внутри.

Ночью я так и не смогла заснуть. Впервые за время нахождения здесь я очень сильно испугалась. Семья – самое дорогое, что у меня было. Отец, мама, младшие сестры. Мы всегда помогали и поддерживали друг друга. В трудные времена, а они бывали, и часто, вместе искали способы решения проблем. У нас даже были особенные «семейные советы». Например, когда случилась та страшная засуха, именно мама первая предложила поить и кормить наших работников. Мы отдавали почти всю пресную воду, которая еще оставалась в самом глубоком колодце в подвале замка. На каждого получалось меньше пол-литра в сутки. Но ни разу мама, которая занималась распределением, не дала нам, своим детям, ни грамма больше, чем другим. Отец организовал доставку морской воды для мытья и стирки. Мы жутко чесались после нее, но хотя бы не воняли. Закрома опустели, в последний год из еды была лишь рыба, добытая в море, но и ее было немного. Мы так же голодали, как и наши слуги, но никто, ни шестнадцатилетняя я, ни двенадцатилетняя Анна, ни девятилетняя малышка Ильма, не сказал ни слова против решения родителей.

К концу засухи мы были как тростинки. Но выжили, и выжили наши работники. И это была заслуга родителей. А чем помог император? Он освободил королевство от налогов на год. Но так как засуха длилась три года, мы увязли в таких долгах, что выплачиваем их императору до сих пор, как и все в нашем королевстве.

Я гордилась своей семьей и сделаю что угодно, лишь бы она не пострадала. Даже исполню пророчество, даже лягу в постель с императором. Все.

Неделю я провела в апартаментах императрицы. Не сойти с ума от безделья помогали лишь краткие вылазки, когда Битрисс отсутствовала. Я искала окно или хоть что-нибудь, что позволило бы мне немного приподнять завесу тайны этого места. На четвертом и третьем этажах гвардейцев не было. Они все были сосредоточены на первом и втором. Второй – понятно, охраняли выход на нашу сторону континента, а первый? Битрисс сказала, что из замка не выйти наружу, зачем тогда столько солдат толпятся в коридоре?

Однажды, когда я в очередной раз бродила по четвертому этажу, услышала странный шум. Какие-то стоны, шлепки, скрип. Я пошла на звуки, увидела полуоткрытую дверь тренировочного зала и заглянула внутрь. Вдоль стены было расставлено огнестрельное оружие, в углах стояли манекены, на стенах висели щиты, алебарды, перекрещенные мечи. Дальше стол... А на нем – я вовремя прикрыла рот, чтобы не ахнуть, – лежащая на спине Битрисс с раскинутыми ногами, перед ней – голый зад Его Императорского Величества.

Размашистые ритмичные движения и звучные хлопки не давали пищу сомнениям в том, что здесь происходило. Скривившись, я отвернулась и осторожно, на цыпочках, пошла назад в свои комнаты, дав слово никогда больше не заходить в это крыло.

Внутри разливалась несокрушимая уверенность – я никогда не полюблю этого человека. Просто не смогу. Я ненавижу его все больше и больше. Отвращение, презрение, брезгливость, как дикие сорняки, проросли внутри и укоренились – не выкорчевать. Я прошла точку невозврата и не в силах себя преодолеть. Я не смогу испытать даже минимальную симпатию к императору, не то что любовь.

Стало горько. Жизнь, ожидающая меня, показалась беспросветным мраком.

Глава 10

Дав мне неделю передышки, Амедал опять пригласил на ужин, прислав другую горничную, Лиззи. Тоже светловолосую, пышнотелую, миловидную. Я пообещала себе, что буду вести себя осмотрительней, стараться не показывать агрессии, по возможности быть милой и послушной. Если получится, конечно.

Мне повезло – сегодня у императора было хорошее настроение. Он любезно проводил меня к столу, отодвинул стул, сам сел напротив и дал знак слугам. Те принесли блюда. Некоторое время мы молча поглощали пищу. Император чему-то рассеянно улыбался. Я мысленно порадовалась. Битрисс постаралась или кто-то другой? Пусть спит с кем хочет, только меня не трогает.

– Дорогая, – я вздрогнула от неожиданности и подняла глаза, выжидающе уставившись в лицо мужа. – Мне доложили, что несколько раз видели императрицу на первых этажах. – Амедал зубасто улыбнулся, отрезая кусок стейка и жадно запихивая себе в рот. – Запомни – единственный способ выйти отсюда – исполнить пророчество, – намек в его словах был яснее ясного, я судорожно сжала нож в руке, – с каждым днем я все с большим азартом жду этого мгновения... Соединимся на брачном ложе, смешаем кровь. Ты ведь девственница?

Да он просто издевается! Или запугивает? Скорее второе, я ведь помню, как он сказал, что я не в его вкусе. Смуглая, темноволосая, кареглазая, я была совершенно не похожа на его светловолосых «любимец». И слава всевышнему.

– Пока я слышу лишь одни угрозы, – холодно ответила я, не отрывая взгляда от мужа, – в день перехода, помнится, ты обещал ответить на вопросы.

– И что тебя интересует, дорогая моя?

– Много чего, – ответила я сквозь зубы, окончательно теряя аппетит и откладывая приборы в сторону. Его насмешливое «дорогая» царапало кожу, как тупой ржавый нож. – Откуда берется болезнь, если это один континент? Что за колеблющийся воздух, перекрывающий

проход? Почему требуется добровольное согласие на его пересечение? Почему нет ни одного окна в замке?...

– Хватит, хватит, любопытная моя, – император хрипло рассмеялся, – все эти вопросы из серии – расскажу после брачной ночи.

– Тогда в чем смысл пророчества и что именно мне предстоит сделать?

– Помочь захватить эту сторону континента, – с полным ртом полупережёванного мяса произнес император. Меня передернуло от омерзения – воспитание и этикет обошли владыку стороной. Я вдруг отчетливо поняла, что ответов на вопросы не дождусь, только такие размытые объяснения.

– Как? – Многозначительное молчание.

– Хорошо, – смирилась я и попыталась зайти с другой стороны, – расскажи тогда про камни, как ты мысленно общаешься, на какое расстояние. Или это тоже секрет?

Амедал смотрел на меня с ленивой задумчивостью, прикидывая, что можно рассказать. Его глаза, в тусклом свете лампы и камина, казались бездонными. Тяжелый взгляд опустил на мои губы и заставил напрячься. Но сегодня император, видимо, выбрал достойное поведение, потому что если и пугал, то лишь словесно.

– Камни добывают на этой стороне континента, как я и говорил, – неторопливо начал он, – их добычей владеет правящий дом. Лишь их отпрыски умеют мысленно общаться, остальным нужны камни. Расстояние... – он пожевал губами, – зависит от размера камня. Тот, который у меня, – он вытянул из кармана знакомый желтый кристалл, – позволяет разговаривать со «слышащими» на расстоянии не больше десяти километров. Есть камни больше. Есть меньше.

Вопросов прибавилось. Что за правящий дом? Если я «слышащая», значит, я потомок этого дома? Следовательно – потомок завоевателей? Но у меня две руки и две ноги, я не выгляжу, как тот монстроподобный экспонат в музее. И если императорская семья тоже когда-то была «слышащими», то и они пришли отсюда? Кругом ложь. Надеюсь, после брачной ночи станет понятнее, сейчас я не хотела дразнить императора, задавая дополнительные вопросы и ловя его на несоответствии, зная его взрывной характер и как быстро он приходит в ярость.

– Разговаривать нужно учиться, – продолжал он, – меня учил отец, его дед, и так далее. – Видя мой вопросительный взгляд, император пояснил: – Ничего сложного. Если человек в прямой видимости – просто смотришь на него и говоришь; если он далеко, но человек знакомый, тогда посылаешь сообщение ему, представив его в мыслях. Если незнакомый – называешь полным именем и говоришь. Все.

Ничего интересного я не узнала. Да я и не рассчитывала на императорскую откровенность. Просто старалась переключить внимание мужа с предстоящей брачной ночи на что-нибудь другое, продержаться еще хотя бы две недели. Зачем? Кто знает... Самой смешно – веду себя, как испуганная малолетка. Да и физическая сторона вопроса была мне абсолютно понятна, благо как-то смогла лицезреть ее во всей красе в конюшне.

Император вновь принялся за еду, видя, что я не собираюсь ничего комментировать.

– У тебя есть библиотека? Я могу взять книги? – тихим голосом поинтересовалась я.

– Откуда? – Амедал запихнул в рот последний кусок и вытер руки о скатерть. – Замок не рассчитан на бесполезные помещения.

– Бесполезные? – переспросила я удивленно. Отец скрупулезно собирал книги, стараясь максимально расширить нашу библиотеку, а до него дед и прадед. Но видимо, для императора этот вид времяпрепровождения был неинтересен. Чем же он занимается в этом каменном мешке долгие годы? Здесь же со скуки можно умереть.

Император встал, протянул мне руку. И как бы мне ни хотелось до него дотрагиваться, я осторожно положила кончики пальцев на сгиб локтя.

– В кабинете есть несколько книг, если хочешь, может забрать их себе, – смилостивился он. Пойдем со мной – возьми. – Я позволила себя благодарно кивнуть. – Смотрю, мне досталась начитанная и образованная жена.

– Ты даже не читал мое досье? – Я удивленно вскинула голову.

– Зачем? – Император пожал плечами. – То, что нужно, я знаю. Остальное – неважно.

«Интересная логика», – пробормотала под нос я. Мы подошли к двери кабинета. Амедал достал ключ и открыл замок. Я не обратила

внимания в первый раз, но сейчас заметила эту странность. Он закрывает кабинет. От кого? Что ценного находится здесь?

Муж небрежно кивнул на кресло, я подошла и встала рядом, не торопясь сесть.

– Подожди немного, книги в спальне, пойду возьму. – Я сделала вид, что послушно сажусь, император скрылся за соседней дверью. Мне нужна минута, чтобы оббежать комнату. Что же он прячет? Быстро заглянула за статую обнаженной девушки, под крышку письменного стола. Вдруг почувствовала, как холодный ветерок коснулся шеи. Обернулась. За спиной висел огромный квадратный гобелен, на котором был выткан портрет первого Амедала, генерала Виктора. Холод шел оттуда. Я приподняла краешек и ошеломленно застыла. Под гобеленом находилось окно.

– Что ты делаешь?! – в комнате прозвучал громкий злой окрик императора. Я вздрогнула и дернула гобелен на себя, срывая его со стены.

За окном царила ночь. Сумерки плотно укрывали землю, не давая ничего рассмотреть. Только в небе мутными пятнами сияли две луны. Одна больше, другая меньше.

– Это... Это не наш мир, – прошептала я, покачнувшись. Сердце сжалось от ужаса. Я глубоко и часто задышала, судорожно глотая холодный воздух открытым ртом, стараясь не свалиться в обморок.

– Ты, как всегда, права, моя дорогая, – издевательски произнес император. В глазах плескалась бешеная ярость. – И если уж влезла, куда тебя не просят, будь добра взять себя в руки и закрыть рот.

Я не помнила, как добралась до своих комнат, не помнила, как разделась и легла в постель. Пришла в себя только глубокой ночью, меряя шагами спальню, бездумно бормоча под нос «я в другом мире, в другом мире». Многие стали понятными. И загадочная болезнь при переходе, и прозрачный барьер, и даже добровольное согласие на его пресечение. Скорее всего, это одно из условий перехода сюда.

Интересно, император хоть одно слово правды сказал, когда уговаривал меня? Я же видела его бледный вид на свадьбе, но не придала значения. Может, и монстров никаких нет? Что же тогда за существо выставлено в музее?

Зачем согласилась? Поверила? Ведь чувствовала фальшь в его словах. Почему не подумала дольше, не проанализировала

нестыковки? Хотела видеть себя спасительницей? Защитницей от монстров? Хотела исполнить пророчество? Дура!

Утром я тщательно оделась. Никаких рюшей, воланов, а главное – никакого декольте. Холодно, да и не собираюсь радовать мужа видом своей груди. Строгое шерстяное платье в пол, длинные закрытые рукава, воротник-стойка.

– Его Императорское Величество еще не завтракал?

– Нет, леди Зои, – ответила Битрисс.

– Проводи меня к нему в кабинет и передай распоряжение на кухню – я позавтракаю вместе с мужем.

– Но... – взгляд девушки заметался. Я сурово сдвинула брови и направилась к двери. Горничной пришлось последовать за мной.

Скорее всего, император ожидал другого посетителя в столь ранний час, но кроме высоко приподнятых бровей никак не выдал своего удивления.

– Нам нужно поговорить, – сквозь зубы процедила я, садясь в одно из кресел, расправляя юбку, – только теперь правдиво.

Амедал равнодушно пожал плечами. На нем были домашние теплые брюки и белоснежная рубашка, которая болталась незастегнутой, открывая впалую безволосую грудь и наметившийся животик. Ему всего тридцать, но неправильный образ жизни, отсутствие нагрузок, обильная еда и пагубные привычки уже делали его старше. Еще и злые морщины у рта. Я мысленно скривилась. Тренировочный зал... Занимается он там далеко не спортом.

Битрисс принесла завтрак. Расставила тарелки, чашки на журнальном столике и быстро удалилась, покосившись на меня недоуменным взглядом.

– Расскажи, что это за мир, – произнесла я спокойно, после того как за горничной закрылась дверь, – и что за монстры выставлены в музее. Они были на самом деле или нет?

Амедал встал, подошел к комоду, достал бутылку и два стакана.

– Будешь? – Я отрицательно мотнула головой, император криво усмехнулся. – Как хочешь.

Я терпеливо ждала, пока он нальет жидкость в стакан и сделает первый глоток. Пьет с утра? И часто он так делает? Император не торопился раскрывать свои тайны, то ли подбирал слова, то ли опять планировал вранье. Я со злостью сжала кулаки. Три сотни лет длится

этот обман. Три века императорский род удерживает девятнадцать королевств от неповиновения. Пугает людей. Как можно было так извратить историю? Получается все, что я читала и изучала всю жизнь, – пыль?

– Проще всего было бы дать тебе дневники первого Амедала, – Адриан уселся в кресло и вальяжно закинул ногу на ногу, – но не могу, они под запретом. Поэтому расскажу сам. Этот мир называется Лимпия, – я удивленно приподняла брови, – да-да, так же называли нашу столицу. Триста лет назад мой предок, его жена и несколько верных друзей прошли через барьер из этого мира в тот.

– Не было никаких напавших на нас монстров?

– Не было, – подтвердил император, – то, что ты видела в музее, на самом деле... – Он замялся, подбирая слова. – Искусственное существо, в дневниках его называют боевой робот.

– А война?

– Война была, – усмехнулся Адриан и хлебнул из стакана, – только Амедал сам ее и развязал для захвата нового мира.

– Несколько человек против целого мира?! – я неверующе уставилась в лицо мужу.

– Как писал первый Амедал, один робот с его вооружением мог в одиночку уничтожить целую армию с луками и стрелами, – ответил он, – как понимаешь, я сам не видел их в действии. Но в дневниках, которые из поколения в поколение передавались прямому потомку, говорилось именно так.

В горле пересохло. Я взяла чашку с чаем и сделала жадный глоток, стараясь удержать ее в трясущихся руках.

– Роботы умерли? Почему в музее мертвое неподвижное существо? – хрипло поинтересовалась после.

– Да, умерли... Предок писал, что через определенное время у них кончился заряд батареи. Не знаю, что это. Не спрашивай. Сейчас они такие. Просто груда странного металла. Зато выглядят страшно и пугают народ, – добавил император, рассмеявшись.

Ничего веселого в этой ситуации я не видела. Значит, война была не Амедала с монстрами, а наоборот. Амедала против всего мира с помощью монстров.

– Этот мир, Лимпия, гораздо более развитый, чем наш, – продолжил император. – Виктор описывал в дневниках странные

механизмы, летающие по воздуху, оружие, умеющее убивать на большом расстоянии, искусственно созданных существ, работающих вместо людей, и так далее, – я скептически поджала губы, – мой предок хотел вернуться сюда через какое-то время. Но у него не получилось.

– Почему?

Амедал молча встал и откинул гобелен. В комнату полился яркий утренний свет. От неожиданности я прикрыла глаза. Проморгавшись, увидела молочно-белую полупрозрачную стену, стоящую прямо перед окном. Я подошла ближе, впечатываясь носом в стекло. Стена не уходила прямо вверх, она полукуполом огибала скалу, на которой был построен наш замок. За ней смутно виднелась часть долины, усыпанная снегом, вдалеке возвышались горы.

– Что это за стена? – я посмотрела на стоящего рядом мужа. Он пожал плечами.

– Она была до меня и до моего отца. Не пропускает живых существ, сколько мы ни пробовали через нее пройти.

Я приподняла брови.

– То есть это не мы защищаемся от монстров, а они от нас? – хмыкнула, отворачиваясь и усаживаясь обратно в кресло.

Амедал шутку не оценил.

– Ты сможешь мне ее убрать, – рявкнул он, мгновенно вспыхивая злостью, – твоя кровь поможет. – «Надеюсь, не буквально», – подумала я со страхом, вжимаясь в спинку.

– Я всегда знал, что именно я завоюю этот мир! – продолжал он шипеть. – Не зря же я просидел пятнадцать лет в этом месте, в холодном каменном мешке, ожидая «слышащую». – Он произнес это слово, словно выплюнул что-то гадкое. У меня мелькнула странная мысль – он ненавидит меня так же, как и я его, или это банальная зависть? – Ни моему отцу не повезло ее найти, ни деду, ни прадеду. Только мне! Я особенный! Я властитель всего!

Всевышний! Да он же сумасшедший. Безусловно, абсолютно, категорически сумасшедший. Неудивительно, живя здесь с одной-единственной целью – завоевать, подчинить, уничтожить. Я мысленно согласилась с неизвестными обитателями этого мира – от таких сумасшедших нужно ставить барьеры.

– Как именно я смогу убрать стену? – задала вопрос спокойным, мирным тоном, дождавшись паузы между его выкриками. Адриан, тяжело дыша, мотнул головой, словно сбрасывая с себя гнев. Поднял голову и криво ухмыльнулся.

– Виктор писал в дневниках, что его жена была «слышащей», – император пристально рассматривался в мое лицо, пугая темным немигающим взглядом, – когда он воевал, она умудрилась сбежать. Предок искал ее много лет, но так и не смог найти. В итоге он решил, что она погибла. Тем не менее после того, как королевства объединились в империю, он дал поручение своим потомкам искать возможных потомков жены.

– Подожди, – я подняла руку, прерывая императора, – почему они ушли из этого мира? Почему Виктор сразу не вернулся назад? Он же хотел, так?

– Так. – Император опять присосался к бутылке, я напряженно смотрела на стремительно пьянеющего мужчину, надеясь, что смогу сбежать, пока он окончательно не превратится в животное. – Но при переходе уже на нашей стороне что-то случилось. То ли робот взорвался, то ли оборудование, которое они перемещали. Виктор не дал полной ясности. Написал, что не проверил все более тщательно, нельзя было заносить сюда какой-то «тэн». Погибло несколько его друзей, не успевших отойти от барьера. Хорошо, что Виктор с женой шли первыми. Раскапывать проход начали сразу же, но закончил только его внук, спустя сто лет. И почему-то оказалось, что выход не там, где описывал Виктор. Он поднялся на пару метров от земли.

Адриан подошел ближе, в руке болталась полупустая бутылка.

– И пусть Виктор писал в дневниках, что для нападения обязательно нужна «слышащая», Амедал Третий решил не ждать. Он собрал сильную армию, перевел ее через барьер...

Муж навис прямо надо мной. И вдруг больно схватил меня за плечо, рывком выдергивая из кресла. Я непроизвольно охнула.

– И что дальше? – произнесла спокойно, глядя в мутные глаза.

– Точно не знаю, он погиб. От армии ничего не осталось. С этой стороны поставили заслон. Следующие десять поколений предков могли лишь смотреть в окно на чужой мир и искать «слышащую». – Я медленно отступала к двери, мужчина так же медленно наступал.

– Пророчества не было? – Как же мне отвлечь его?

– Почему же? Было... Его сделала одна известная предсказательница три сотни лет назад, не в силах отказать в просьбе императору... Ее сожгли на костре, как ведьму, чтобы никому не разболтала.

Хорошая благодарность. Я уперлась спиной в дверь. Убегать дальше некуда. Император тяжело дышал, в глазах разгорался алчный огонь. Сердце испуганно заколотилось – не люблю чувствовать себя в западне.

– Что я должна сделать, чтобы исполнить его?

– Позови своих родственничков, потребуй убрать стену. «Слышащая» может разговаривать с правящей семьей напрямую, – почти касаясь моих губ, хрипло прошептал император, обдавая спиртовыми парами.

– Как? Сам же говорил, что для этого нужна или прямая видимость, или полное имя, ни того ни другого нет. – Голос срывался. Муж решил, что я вполне подойду вместо Битрисс для утреннего развлечения? Потому что его намерения были более чем очевидны.

– Придумай, как, иначе я придумаю, как тебя заставить...

Амедал впился мне в рот, намеренно стараясь причинить боль, – грубо, жадно, болезненно. Я сразу же почувствовала вкус крови из-за разбившейся губы. Мелькнула ненавистная мысль – перетерпеть, пусть делает что хочет. Рано или поздно это должно будет случиться, почему не сейчас? Ну и что, что первая брачная ночь произойдет утром и возле стены? Плевать. Может быть, получив меня, он отстанет на какое-то время?

Император буквально вгрызался в меня, сильно кусая губы, глубоко засовывая язык. Руки стискивали ребра до синяков, мучительно мяли грудь. Дрожь омерзения сотрясала тело. К горлу подступила тошнота. Нет, не могу. Ни терпеть, ни смиряться, ни угождать. Просто не умею. Я с силой мотнула головой в сторону, разрывая «поцелуй», и хрипло закашлялась. Вдруг и в этот раз получится избавиться от мужа с помощью рвоты?

Хороший был способ, но осуществлять его не пришлось – за спиной раздался громкий стук.

– Ваше Императорское Величество! – Голос Битрисс звучал взволнованно. – Откройте!

– Чего тебе?! – рявкнул муж, тяжело дыша. Я попыталась улизнуть в сторону. Не вышло. Руки императора крепко притиснули меня к себе.

– Девушке, фрейлине императрицы, очень плохо, она умирает, – лепетала горничная. – Питер сказал, что нужно срочно переправлять во дворец, в императорскую лечебницу, иначе будет поздно. Ключ от двери только у вас. Простите...

– Что ж они такие слабые, – пробормотал зло Амедал, опуская руки и отступая, я медленно, беззвучно выдохнула, – пусть бы сдыхала, невелика потеря.

Не обращая внимания более ни на что, император вышел за дверь, не став меня выгонять или закрывать кабинет на ключ. Я тяжело опустилась на пол. Меня колотило так сильно, что стучали зубы, а пальцы никак не могли соединить разорванный корсет, связать хотя бы ленты.

Спустя пару минут я более-менее пришла в норму. Даже была в состоянии подойти к столу и взять остывший пирог и чашку с холодным чаем – голодать я не собиралась. Насильно запихивая в себя еду, подошла к окну и уставилась на белесую пленку, висевшую вплотную перед окном, на расстоянии не более пары метров. Вот что муж имел в виду, когда говорил, что для строительства большого дворца нет места.

– Как же мне тебя убрать? – задумчиво пробормотала я. Попыталась мысленно позвать кого-нибудь, перебирая разные имена, распространенные и не очень. Питер, Виктор, Максимилиан, Арвен... Анна, Мария, Розамунда, Виктория, Лидия... Позвала папу и маму. Но то ли родители не обладали способностью слышать, то ли этот мир был слишком далеко от моего.

Пейзаж за окном был поразительно похож на наш. Круглое желтое солнце висело высоко в небе над горной грядой и освещало раскинувшуюся внизу долину. И пусть все виднелось словно через мутное стекло, я разглядела и тяжелые снежные наросты, лежащие на склонах, и узкую речку, которая почему-то не замерзла, и низкие чахлые растения вдоль берега. Если бы не две луны ночью, я бы и не предположила, что в другом мире.

Глава 11

Император объявился поздно вечером. Он вошел в мою комнату, как к себе в спальню, не постучавшись, резко и громко распахивая дверь. Я постаралась не вздрогнуть. С тревогой ожидая его прихода, специально не ложилась спать, перечитывая в сотый раз свой археологический журнал, почти выучив его наизусть.

Правильно расценив мой напряженный взгляд, Амедал насмешливо скривился:

– Не переживай, я слишком устал, чтобы укрощать непослушную кобылу. – Это он так назвал императрицу, свою жену? Кобылой? Я не ослышалась? Да пусть называет как хочет, лишь бы не трогал.

– Как зовут ту девушку, которой стало плохо? – ровно поинтересовалась я.

– Леди Марианна Усанте, – выплюнул Амедал, усаживаясь напротив меня в кресло, он был немного бледен, под глазами залегли тени. – Жаль, я лишился хорошенькой любовницы.

Я незаметно сжала ладони под пледом.

– Она выживет?

– Вполне. Ей стало лучше, как только мы пересекли барьер. – И пояснил неохотно: – Иногда, очень редко, встречаются экземпляры, которые не могут жить на этой стороне.

Повезло девушке.

– После твоего ухода я пробовала мысленно позвать кого-нибудь – не получилось, – осторожно, стараясь не вызвать агрессии, произнесла я, – позволишь выйти наружу и рассмотреть защитную стену более тщательно? Может, я смогу сделать с ней что-нибудь вблизи?

За две недели сидения в каменном мешке без книг, развлечений, друзей я готова была умолять о прогулке. Вдруг я действительно найду способ? Исполню пророчество и свободна. Конечно, в глубине души я знала, что и после исчезновения барьера император от меня не отстанет, но вдруг?...

– Как хочешь, – скривился Амедал, – завтра утром после завтрака жду в кабинете.

Сейчас он выглядел не злым и не опасным, скорее, очень уставшим, как в день нашей свадьбы. И как бы ни старался убедить меня в своей кровожадности, он все же отправил девушку домой, а не оставил умирать здесь. А если это не жалость, а обычный расчет? Мнимая забота о репутации? Император один на этой стороне, от недовольства слуг удерживают лишь клятва и вознаграждение. Но что такое деньги по сравнению с жизнью?

– Впервые мне интересно разговаривать с женщиной, – произнес задумчиво Амедал, я остановила рассеянный взгляд на его лице. Комплимент? С чего бы? – Внешне ты довольно посредственная, но умная. Этого у тебя не отнять.

Не зная, как реагировать на его слова, я молчала. Завтра будет новый день и новая битва, сегодняшняя закончилась, надеюсь, моей победой.

– Я переночую у тебя... – прозвучало что-то среднее между вопросом и утверждением. Стараясь не выдать страха, я удивленно приподняла бровь.

– Зачем, Адриан? – мягко, почти ласково ответила я. – Ты устал, тебе нужно отдохнуть. Сейчас позову Битрисс, она проводит. – Быстро, пока не услышала отказа, нажала кнопку на звонке. Где-то в коридоре глухо стукнула дверь. Губы императора насмешливо скривились, разгадав мою нехитрую уловку. Он дождался, пока горничная постучится, и лишь тогда встал.

– Тебе не удастся долго избегать супружеских обязанностей, Зои, – произнес он холодно, даже безразлично, – не знаю, как ты так быстро приспособилась после перехода, но мне это только на руку. Завтра ты ночуешь у меня, и это не обсуждается.

Вот и все. Император вышел. Камин погас, центр комнаты освещала лишь настольная лампа. Все остальное терялось в темноте. Начало подмораживать. Я грустно осмотрела свои хоромы. Роскошь не давала ни тепла, ни уюта. Ни мне, ни моему мужу. Десяток выдолбленных в скале комнат на нашем этаже, десяток этажом ниже. Вот и весь «величественный» императорский дворец. Не по своей воле Адриан живет здесь, следуя заветам первого Амедала, как марионетка, подчиняясь давно устаревшей привычке. Как делал его отец, дед, прадед и так далее. Хоть один правитель был счастлив за прошедшие триста лет? Хоть один женился на любимой девушке?

Мне даже стало немного жаль своего мужа.

Самое лучшее, что можно сделать для исполнения пророчества, – сжечь дневник Виктора и взорвать проход, обрушив гору. И не будет никаких барьеров, смертельных клятв, камней, позволяющих разговаривать на расстоянии, и сумасшедших идей по завоеванию других миров.

Утро я встретила в разбитом состоянии. Раздражало все – холод, темнота, одиночество, суточные ритмы, отчитывающиеся не по восходу солнца, а по стуку горничной в дверь. Сначала я не могла заснуть, а сейчас проснуться. «Даже у слуг есть контракт, они знают, что через пять – десять лет покинут это место. У меня же он бессрочный», – сквозь зубы бормотала я, дрожа от холода, наблюдая из-под одеяла, как Битрисс разжигает камин.

Император тоже не блистал оптимизмом – был мрачен, задумчив и резок. На первом этаже находились казармы. Количество комнат я даже не смогла подсчитать – конец коридора терялся в темноте. Мы подошли к внушительной, обитой железом двери. Гвардейцы синхронно посторонились, Амедал вытащил из кармана связку ключей и начал планомерно отпирать замки. Я насчитала пять штук, кроме засова.

– Отвернитесь. Ждите здесь, – сурово произнес он охранникам, – если узнаю, что кто-то высунул наружу нос, – казню без промедления.

Гвардейцы склонили голову и развернулись спинами к нам.

– Возьмите оружие, Ваше Императорское Величество, – вдруг один не глядя протянул мужу короткий мушкет, – вдруг монстры нападут.

Я едва сдержала нервный смешок. Амедал серьезно кивнул и засунул мушкет в боковой карман сюртука. Рывком дернул дверь, и мы вышли наружу. Ледяной ветер тут же подхватил меня и почти швырнул об стену. И пусть я постаралась одеться тепло, он мгновенно добрался до кожи.

Стена плотной полупрозрачной пленкой уходила вверх и закруглялась высоко над скалой, огибая ее на расстоянии около двух метров. Я подошла почти вплотную и всмотрелась в постоянно колеблющийся воздух. Что-то подобное я видела, когда переходила барьер.

– Она действительно не пропускает живые объекты? – обернулась к стоящему сзади императору.

Он молча подошел ближе и сильно хлопнул раскрытой ладонью по перегородке. Ладонь отскочила назад, словно коснулась чего-то упругого. Затем император вытащил платок и бросил – тот перелетел на другую сторону и опустился белым пятном на каменистую поверхность.

– Есть какие-то мысли? – произнес мрачно он. Я покачала головой и направилась вокруг скалы. Увидела одинокое окошко кабинета на высоте около пяти метров.

– Барьер уходит в горы через пару километров, – пояснил император и, предвосхищая мой следующий вопрос, добавил: – В глубину мы тоже рыли. Скорее всего, и там километры вниз.

Я уже тряслась от холода, но по-прежнему не хотела уходить. Когда еще мне позволят выйти наружу, увидеть солнце?

– Пойдем назад, – император крепко схватил меня за руку и дернул на себя, – здесь ты ничего не добьешься. Придется как-то самой думать. Ты же умная девочка? Найдешь способ?

– Не знаю, – огрызнулась я, выкручивая руку, не в силах сдержать брезгливость от его прикосновений. Неужели он действительно думал, что я тотчас сниму барьер одним щелчком пальцев?

Амедал заметил мое отвращение. Глаза зло сощурились.

– Хватит тебя жалеть, – прошипел он, разогревая себя злостью. Я чувствовала, как она набирает обороты у него внутри. – Мы сейчас же отправимся в спальню. Я дал тебе достаточно времени, чтобы привыкнуть.

– Ты дал мне месяц! Вот как держат слово императоры! – вырвав руку из захвата, воскликнула я, умолчав о том, что я бы и за год к нему не привыкла.

Император резко развернулся и ударил меня по щеке. Я отлетела назад и упала на землю, больно ударившись о камни.

– Я предупреждал тебя, что не потерплю неповиновения, – тихим скрипучим голосом начал говорить он, медленно приближаясь ко мне. Я спиной отползала назад, царапая руки о мелкие камешки. – Я добьюсь послушания от своей жены, чего бы мне это ни стоило. Даже если придется запереть тебя в спальне и не выпускать пару лет.

Увидев его неменяемое лицо, я сжалась от ужаса. Куда бежать? Сзади скала, впереди дверь в ненавистный дворец... Вскочив на ноги, ни о чем не думая, прыгнула налево, через барьер. И оказалась на другой стороне. Ошарашенная и дезориентированная. Император выглядел сейчас серым мутным пятном на фоне уходящей вверх черной скалы.

– Как ты это сделала?! – рявкнул он.

– Не знаю...

– Дай руку! Переведи меня на свою сторону!

– Нет, – произнесла твердо.

– Я приказываю! Я твой муж! – орал он неменяемым голосом, стуча кулаками по барьеру. Потом вытащил мушкет и направил на меня. – Я сейчас выстрелю, Зои, если не дашь руку.

– И что мы будем делать здесь, Адриан? Вдвоем захватим мир? – ехидно поинтересовалась я, судорожно пытаюсь найти способ его успокоить. Но он, видимо, нашел его сам, потому что спрятал мушкет и переплел на груди руки.

– Отлично, – выражение лица я разглядеть не смогла, но дрожащий от ярости голос расслышала хорошо, – иди сама. Найди способ убрать барьер. Иначе...

– Иначе? – повторила за ним вопрос.

– Я приглашу всю твою семью в гости. Если ты не помогла, поможет твой отец или мать. Как думаешь, я смогу их уговорить?

Меня затрясло, но не от холода, я была так напугана и разгневана, что почти не чувствовала мороза.

– Я найду способ, – твердо произнесла я, убеждая и себя, и его, – ты знаешь, что я не смогла бы убрать стену, живя в замке, значит, мне нужно было выйти в этот мир. Просто в пророчестве не все было сказано.

– Возможно.

– Ты знаешь, что для меня семья – самое важное в жизни, – продолжала я дрожащим срывающимся голосом, – дай мне время – я уберу стену.

– Месяц, – отрезал Амедал.

– Ты издеваешься?! – не смогла удержаться от крика я, изо всех сил сдерживая истерику. – Новый неизвестный мир, незнакомые люди,

чужой язык. Я буду выбираться отсюда пешком, и возможно, умру в этом ледяном холоде, без еды и огня.

Император молча стянул с себя сюртук и бросил мне. Тот упал рядом с ногами.

– Полгода, – произнес напряженно он, – это мое последнее слово. Через полгода я привезу твою семью. И постарайся выжить.

Развернулась и пошел к двери. Я подобрала сюртук и накинула себе на плечи, заворачиваясь, как в кокон. Еще раз оглядела мутную скалу-замок с единственным крошечным окошком и побрела к виднеющейся вдалеке речке, медленно и тяжело переставляя ноги. Сейчас, когда истерика схлынула, я вдруг почувствовала, что покрываюсь коркой льда. И внутри, и снаружи. Жуткий тошнотворный страх парализовал тело. Пока я спорила с Амедалом, я еще держалась, но сейчас... Хотелось упасть на камни и больше не вставать.

Что я сделала? Зачем перешла сюда, на эту сторону? Сошла с ума? Так испугалась брачной ночи, что потеряла рассудок? Как бы Амедал ни издевался, он бы не убил меня. Я его жена, императрица, наш брак был освящен в храме, все в империи видели мое лицо. Сейчас я понимала, что, перешагнув барьер и отказавшись вернуться, я обрекла себя на верную смерть.

Вода в речке оказалась ледяной. Я смогла сделать лишь пару глотков, как горло сжало спазмом. Спрятав трясущиеся руки в карманы, я направилась вдоль берега, взяв направление на юг. Куда-то же она впадает. Возможно, там найдутся люди.

В странном сонном оцепении я брела вперед и вперед. Падала, разбивала ладони в кровь, вставала и опять шла. Солнце скрылось за горный хребет, наступила тьма. Нетрудно было догадаться, что останавливаться на ночлег – верный способ замерзнуть насмерть. Разжечь костер не смогу – нет ни спичек, ни достаточного количества дров. Ни одной пещеры по пути я не видела, да и особо не присматривалась. Может, и зря... потому что сил становилось все меньше и меньше.

Как я выдержала ночь – знает один всевышний. Но как только солнце мазнуло лучом по склону горы, силы меня оставили окончательно. Я уже ничего не соображала, то ли от усталости, то ли от пронизывающего до костей холода. Оступившись в очередной раз, я поскользнулась на скользком камне и упала в речку. «А она стала

гораздо больше», – мысль мелькнула и пропала. Бурный ледяной поток подхватил и куда-то потащил, грубо срывая сюртук, сдирая сапоги, бросая на камни, ломая кости, убивая маленькую меня в кошмарном бесконечном водовороте.

Глава 12

Над головой что-то жужжало. Я с трудом приоткрыла один глаз, другой не открывался. Еще жива? Странно. Болело все – от кончиков пальцев до волос на голове. Казалось, их выдрали вместе со скальпом. Дышать было тяжело, что-то булькало в груди при каждом вздохе и простреливало в живот и позвоночник. Ни ноги, ни руки не шевелились. В порядке было лишь со слухом.

Перед глазами висело что-то похожее на огромного жука. Огромные фасеточные глаза, множество лапок, серое круглое брюшко. Существо не было похоже ни на что, виденное мной раньше. Оно щелкало, гудело, бешено трепыхалось над моим телом, облетая его со всех сторон, что-то вереща. Я бессильно закрыла глаза и отключилась.

Во второй раз пробуждение было не в пример более приятное. Было тепло, сухо, уютно, а главное – ничего не болело. Я лежала на мягко обнимающей меня воздушной перине, в каком-то полупрозрачном коконе, полностью обнаженная.

Пошевелила пальцами, подняла руку. Тонкие розовые шрамы выглядели так, словно им уже несколько месяцев. Сколько же времени я валялась без сознания? Сердце бешено заколотилось, кожа прикрылась мурашками. Муж дал мне полгода, а что, если большая часть времени уже прошла?...

Рядом что-то запищало, и я вдруг почувствовала, как в моем коконе изменился состав воздуха. Паника мгновенно отступила, словно я глотнула успокоительного. Я обернулась на шипящий звук – в комнату вошел мужчина в сером закрытом комбинезоне. Удивительно, но меня даже не напрягало то, что он видит меня обнаженной.

Мужчина подошел к ящику, стоящему рядом с моим коконом. Что-то нажал. Границы кокона начали уплывать в стороны, словно растворяясь. Я попыталась сесть, и у меня получилось. В теле не осталось даже малейшей слабости, а ведь я чувствовала, как ломались мои кости, ударяясь о камни.

– Здравствуйте. Сколько времени я здесь нахожусь? – произнесла вежливо, неловко прикрывая рукой грудь. У мужчины удивленно

поползли вверх брови. Он что-то сказал, но из всей фразы я разобрала только слово «привет» или что-то в этом роде.

– Я вас не понимаю, – мой голос непроизвольно дрогнул, – и можно мне одеться?

Для верности провела руками вдоль тела, укрывая его. Мужчина кивнул, взял с полки запакованный мешок и протянул мне. В мешке был комбинезон с уплотнением в ногах, типа подошвы, похожий на тот, в который был одет и он. Только вот как плотная теплая ткань сложилась в такой маленький сверток?

Отвернувшись, я залезла в одежду. Не получалось лишь застегнуться. Видя мои трудности, мужчина подошел ближе и провел пальцем вертикально вверх, комбинезон тут же облепил ступни, формируя ботинки, сжался по фигуре, плотно запечатывая длинную прорезь от паха до горла.

Я почувствовала себя немного уверенней. Не то чтобы я испугалась – в глазах мужчины не было ни грамма похоти или вожделения. Он был абсолютно спокоен, лишь любопытством сверкали глаза.

Он еще раз что-то сказал. Я пожала плечами – не понимаю. Он кивнул и жестом пригласил за собой. Я спрыгнула с оставшейся от кокона мягкой основы, висящей в воздухе, и пошла за ним, стараясь ничему не удивляться. Амедал предупредил, что этот мир гораздо развитее моего. Неужели правда то, что здесь умеют вылечивать смертельные заболевания и травмы?

Мы вошли в узкий светящийся коридор. И он был полностью прозрачный с трех сторон. Я посмотрела вниз и споткнулась от неожиданности – мы находились на высоте около сотни метров над заснеженным горным хребтом. Как может дом висеть неподвижно на такой высоте? Как может быть в нем так тепло, без печей, каминов и открытого огня?

Мужчина развернулся и что-то недовольно сказал. Я, смущенно скривившись, медленно и осторожно переставляя ноги, поплелась за ним. Мы вошли в... будем считать это кабинетом. По крайней мере стол и похожие на сиденья предметы там присутствовали, а еще была тьма непонятных вещей.

Мой спаситель подошел к столу, вытащил странную коробку, открыл крышку и протянул на ладони два крошечных знакомых

кристалла. Каждый по размерам где-то в два-три раза меньше, чем у Амедала. Ну, наконец знакомая вещь. Я взяла один и приставила к голове. Мужчина сделал то же самое.

– Кто вы? Как вас зовут? Как вы оказались на сфере? – в голове раздался холодный безэмоциональный голос.

– Что за сфера? Сколько времени я пробыла без сознания? – не ответив ни на один его вопрос, начала задавать свои.

Губы мужчины дрогнули в улыбке.

– Сфера – это моя исследовательская станция на Аяксе. Я наблюдатель, зовут меня Роб Карт. Сегодня утром вас нашел мой разведочный дрон.

– Сегодня? Слава всевышнему! – произнесла я потрясенно, опуская руку с кристаллом. – Я была очень изранена? Как вы меня вылечили? Кто такой дрон? Этот жук с крыльями?

– Что?! – воскликнул мужчина, округляя глаза. Я непонимающе уставилась ему в лицо. Потом перевела испуганный взгляд на опущенную с кристаллом руку. Дьявол! Я разговаривала с ним мысленно! – Ваше Императорское Высочество! Как вы здесь оказались? Что случилось? Ваш аэрокар потерпел крушение? Или вы катались на лыжах в горах? Почему не сообщили семье? Где ваши сопровождающие?

Вопросы сыпались и сыпались, меня охватывала паника. Нужно срочно придумать объяснение! Сейчас он поймет, что я не знаю ни здешний язык, ни имен родных, ни... что такое аэрокар? И какое еще императорское высочество?

– Я ничего не помню, – мысленно произнесла я, вовремя сообразив прикрыться амнезией, – наверное, сильно ударилась головой. Простите.

– Я сейчас же сообщу в столицу вашей семье, – голос мужчины дрожал и срывался, даже звуча в голове, – моя медкамера не такая современная. Вас нужно обследовать более тщательно...

Что-то невнятно бормоча, дрожащими пальцами он начал барабанить пальцами по столешнице. Я шагнула вперед и присмотрелась. Стол стал похож на большую цветную трехмерную картину с движущимися иллюстрациями, надписями. Как интересно.

– Присядьте, пожалуйста, Ваше Высочество. – Я обернулась и увидела висящую в воздухе плоскую подушку. Подошла ближе и

осторожно на нее опустилась. Подушка раскрылась, как цветок, мягко обнимая мое тело со всех сторон. – Через час за вами приедут. Желаете позавтракать?

Я неуверенно кивнула. Есть не хотелось, после кокона я почувствовала себя бодрой и здоровой, но желательно забросить что-то внутрь. Неизвестно, насколько этой искусственной бодрости мне хватит.

Мы летели над океаном на огромной скорости, внизу мелькали размытыми зелеными сполохами редкие острова. За мной приехал какой-то важный немолодой мужчина. Он сказал пару слов, которых я не поняла, кристалла у него не было, поэтому всю дорогу мы молчали. Я смотрела в окно, а он на меня, с явным, нескрываемым любопытством. Вряд ли это мой родственник. Иначе мы бы пообщались мысленно.

Где-то через час полета воздушная повозка начала замедляться. Впереди выросал громадный, не похожий ни на что виденное мной ранее, город. Он был прекрасен своей чуждой чарующей красотой. Высоченные здания иглами прокалывали небо. Непонятные тонкие серебристые завитки, сверху выглядевшие как невесомая ажурная паутина, опутывали их до середины. Что это – дороги, тоннели или декоративные украшения? На земле все было покрыто зеленью. Причем и парки, и водоемы соединялись в красивые замысловатые фигуры, заворачивались в кольца, создавая странную причудливую геометрию.

Сверху это выглядело так фантастично, что на мгновение я прикрыла глаза, сохраняя в памяти эту великолепную картину, запечатлев ее как фото на оборотной стороне век.

Мы подлетели к одному из самых высоких и величественных зданий, расположенных в центре, и сели на крышу.

Мужчина, показывая знаками идти за ним, повел внутрь. Вскоре я опять оказалась в медицинском учреждении – узнала, проведя аналогию между комнатой моего спасителя и этими странными коридорами с белоснежными светящимися стенами, по которым меня сейчас вели. Матовые сферы, коконы, опутанные трубками, похожие на тот, в котором я проснулась, и подобные ему, но совершенно другой формы и размеров, узкие ящики до потолка, мигающие огоньками,

двуногие и четырехногие механизмы, стоящие в углах... голова кругом.

Меня снова будут лечить? Но я и так чувствую себя превосходно.

Это я и пыталась мысленно сказать своему сопровождающему и единственному человеку в серебристом комбинезоне, которого мы встретили в коридоре. Увы – никто не услышал. Или кристаллы были слишком дорогой редкостью, или здесь не было ни одного слышащего, или меня не посчитали достойной разговора.

Доктор показал на большую, жутковатую на вид сферу с проемом в центре. Я послушно шагнула внутрь. Вряд ли они намереваются мне навредить после всего, что было. Одежду разрешили не снимать. И на том спасибо.

Проём закрылся, и сфера начала наполняться голубоватой вязкой жидкостью. Я испуганно увидела, как растворяются в ней ботинки, ткань комбинезона. Но коже жидкость не вредила, даже наоборот – ласково, приятно покалывала. Доктор стоял за полупрозрачным стеклом. Видя мой страх, он пытался жестами пояснить, чтобы я не боялась, а дышала, как обычно. Ничего не помогало – когда жидкость добралась до губ, я в панике забарабанила о сферу руками, сдерживая дыхание.

В плечо что-то кольнуло, голова поплыла, стало все равно. Я вдохнула густую сладковатую жидкость и отключилась.

Обнаружила себя опять обнаженной, полулежащей в мягком кресле. И абсолютно сухой. Никакой бодрости, как в прошлый раз, я не ощущала, наоборот – устала и проголодалась, словно из меня высосали все соки.

– Вы сейчас почувствуете легкое недомогание, оно скоро пройдет, – произнес доктор над головой, – мы сделали стандартное тестирование и комплексную очистку органов. Печень, почки, сосуды, кишечную систему и так далее. А также реконструкцию кожи и необходимые прививки.

Я не понимала и половины, что он говорит, но... понимала его? Без кристалла?!

– Вы как-то мне помогли выучить ваш язык?

И что там про кожу? Я перевела испуганный взгляд на плечо. Раньше там находился мой любимый шрам. Я получила его, когда вместе с Робертом раскапывала папин карьер и нам на головы свалился

кусочек породы. Мы часто смеялись над нашими идентичными метками – у меня на правом плече, у него на левом. Сейчас там ничего нет. И на ноге. И ожог от сковороды на пальце пропал. И загар. Я словно заново родилась. Дьявол!

– Нет, конечно, – улыбнулся доктор, – я вживил чип в слуховой нерв, автоматический переводчик на все известные в содружестве языки, кроме закрытых миров.

– Ладно, – вздохнула я, осматриваясь, ища одежду. Здесь, в этом мире, по-видимому, на обнаженный вид не обращали никакого внимания, но мне было неудобно. – А как меня понимаете вы?

– Вы разговариваете на древнем диалекте, который был в ходу несколько сотен лет назад, – ответил он, – я просто апгрейдил свой переводчик. И дал запрос Исе, чтобы она добавила язык во все переводчики семьи. – Видя мое непонимание, пояснил: – Она будет предлагать апгрейд каждому, кто войдет в Дом. Не переживайте, вы не останетесь непонятой. Тем более что почти у каждого члена семьи есть лимпы.

Я всегда считала себя умной девочкой, но все эти слова – реконструкция, апгрейд, Иса, лимп и так далее... Я понимала одно слово из пяти. Догадалась лишь о том, что доктор не член семьи, так как он не владеет мысленной речью. И лимп? Это, наверное, тот желтый кристалл?

– Кто такая Иса? И во что можно одеться?

Доктор кивнул, подошел к стене, что-то сделал пальцами, из стены выдвинулись блестящие полки. Он взял оттуда несколько крошечных пластин разного цвета.

– Иса – это Искусственный Интеллект Семьи Акиланосов. ИИСА. Она управляет Домом. – Мужчина протянул пластины мне. Я взяла белую и непонимающе уставилась ему глаза.

– Что дальше?

Доктор улыбнулся, осторожно прижал пластину к коже на груди и ткнул пальцем посередине. Мое тело начала окутывать дымка. Она расплзлась по коже тонким слоем, при контакте твердела и в итоге превратилась в плотную белую ткань, охватившую с кончиков пальцев на ногах по шею.

– Император приказал сразу же после репликационного бокса доставить вас в его кабинет. – Доктор что-то нажал на подлокотнике

кресла, и оно пришло в движение, спинка выпрямилась, под ноги выдвинулась пластина. Он шагнул из кабинета, кресло, на котором я сидела, поплыло за ним. Наверное, я могла бы пойти пешком, но мне было так любопытно. А переставлять ноги и одновременно вертеть головой в разные стороны – прямой путь во что-нибудь врезаться.

– Вы здесь работаете один? – не увидев во всем врачебном крыле более ни одного человека, поинтересовалась я.

– Да, редко кому требуется помощь, – ответил мужчина странной фразой. Мы зашли в какую-то прозрачную кабину. Мгновенье, и она полетела вниз. Я не удержалась от визга. До земли было не менее километра. Доктор нажал очередную кнопку – стены кабины стали непрозрачными.

– Не бойтесь, внизу есть воздушные подушки, но ни разу на моей памяти не было поломок с лифтами.

Я сглотнула вязкую слюну, стараясь унять дрожь. Что такое лифт? Нет, лучше встану на ноги. Так надежнее. Кресло за спиной сразу же превратилось в парящую в воздухе подушку. Доктор дружелюбно улыбнулся и покачал головой. Он не спрашивал ни о чем. Не интересовался моим прошлым, причиной незнания элементарных вещей, языка. Словно не имел права задавать вопросы, только отвечать на мои. Неужели я действительно принцесса? Повезло так повезло. Надеюсь, этот титул имеет какой-то вес, с ним будет проще приказать убрать стену и выполнить приказ Амедала.

Лифт мягко остановился.

– Это двухсотый этаж. – Двери раскрылись, и мы вышли в огромный пустой зал. Две стороны его занимали многочисленные двери, похожие на те, из которых мы вышли. Во всю третью стену тянулось сплошное окно от пола до потолка. В центре четвертой была расположена одна-единственная дверь. Мужчина повел меня к ней, но я опять застыла, замороженная видом раскинувшегося внизу города, не в силах оторвать взгляд от сумасшедше прекрасной картины. Куда там императорскому дворцу в Лимпии.

– Ваше Высочество, – вежливо поторопил меня доктор, – император не любит ждать. Впереди дверь в его кабинет. Секретарь проводит.

Мужчина застыл в странном полупоклоне. Я непонимающе нахмурилась. Дальше сама?

– Как вас зовут, доктор...

– Том Вилар, Ваше Императорское Высочество.

– Спасибо, Том, – улыбнулась я и решительно направилась знакомиться с высокопоставленным дальним родственником.

Доктор не соврал – усталость и недомогание прошли. Сейчас я чувствовала себя отлично, даже есть не хотелось, хотя завтракала еще утром в доме над горой. А может, те непонятная каша и густая жидкость, похожая на кисель, давали энергию на целый день? Или меня укололи чем-то, пока я плавала в медицинской сфере?

– Император вас ожидает, – почтительно произнес мужчина, стоящий в центре огромного кабинета. О, так это он меня сюда на летающей повозке. Секретарь? Помощник? Я быстро огляделась. Справа стоял стол, впереди него – пышные мягкие диваны, словно привезенные из нашего мира. Такие же вычурные, с затейливыми узорами и позолоченной инкрустацией. «Антиквариат», – подумала с улыбкой. Слева всю стену занимал большущий аквариум. Внутри плавали разноцветные рыбы, ползали какие-то неизвестные мне ракообразные, извивались странные растения. Я опять потрясенно застыла, открыв рот.

– Ваше Высочество... – голос секретаря оставался таким же вежливым, но я почему-то почувствовала себя необразованной деревенщиной. – После встречи с императором вы сможете все подробно рассмотреть.

– Да, конечно. Извините, – и шагнула в открытую им дверь. Это потом, после небольшого обучения, я узнала, что живые люди в услужении редки и не слишком нужны. На самом деле самым лучшим секретарем был бы компьютер или искусственный разум, но увы – статус превыше всего, особенно у императора. А живой слуга – это статус.

Кабинет был... в общем, я уже привыкла, что все комнаты здесь гигантские. В центре, как паук в паутине, за столом странной конструкции сидел мужчина. С ходу я не могла бы сказать, сколько ему лет. Выглядел он максимум на пятьдесят, но глаза... В них светились и мудрость, и опыт, и безмерная властность. А еще... Мне показалось, что он чем-то неуловимо напоминает отца. Подбородком или широкими скулами? А может, я придумала себе эту похожесть?

– Добрый день, девочка, – раздалось у меня в голове. Я подошла ближе.

– Здравствуйте, Ваше Императорское Величество, – так же мысленно ответила я.

Глаза императора распахнулись от удивления. Казалось, он до последнего не верил в то, что я умею мысленно общаться. Лицо сразу же стало непроницаемым, холодным, словно я случайно увидела то, что мне не полагается. Показывать эмоции вредно для здоровья императора?

– Садись, – мысленно приказал он, указав подбородком на огромное кресло справа, – откуда ты? Кто родители? Как оказалась на Аяксе? Что случилось? Мне доложили, что ты едва не погибла?

Опять вопросы, на которые я не могу или не хочу отвечать. Я медленно обвела взглядом роскошный кабинет. Древние, подходящие, скорее, моему миру вещи, были великолепно подобраны. Добротная тяжеловесная мебель, мраморный камин выглядел, скорее, декоративным элементом, чем источником обогрева, пейзажи на стенах художников, которые, скорее всего, давно умерли и стали легендами, прекрасные в своей сложности завитки паркета. Ни одного робота или летающих подушек для кресел. И главное – никаких обнаженных женских статуй, как у Амедала.

– Я жду, – проскрежетал голос в голове, – у меня нет времени на бесполезные беседы.

Пришлось ответить:

– Ваше Императорское Величество, я ничего не помню, – прекрасная стратегия, нужно ее развить и дополнить, – после удара головой о камни я очнулась в медбоксе (вспомнила слово, которое говорил доктор) с пустотой вместо памяти. Помню лишь имя – Зои.

– Жаль, – мужчина забарабанил пальцами по толстой столешнице, – если бы ты не была «слышащей», Том бы покопался у тебя в голове. Да и репликатор можно было бы использовать, но он плохо влияет на нашу семейную способность.

Мне осталось только медленно выдохнуть и порадоваться этому.

– Я дам распоряжение секретарю порыться в архивах, а тебя представлю как свою внучку из дальней семейной ветки, у которой случайно прорезался дар. – Император задумчиво перебирал

пальцами, то ли что-то печатая по столу, то ли отбивая лишь ему понятный ритм. – На Аяксе лишь один выход, в мир Саэн. Ты оттуда?

Я равнодушно пожала плечами, скрывая потрясение. Значит... миров много? И мой мир не единственный, который выходит сюда?

Император опять пробежал пальцами по столешнице. Вдруг из нее вырос небольшой полупрозрачный экран, на нем отразилось лицо какого-то парня.

– Данир, – удивительно, но император сказал это в голос, – зайти ко мне, срочно. Для тебя есть работа.

– Надеюсь, легкая и денежная? – до меня донёлся веселый мальчишеский голос.

– Нужно ввести в семью мою внучку, – продолжал император, проигнорировав вопрос, – поселишь рядом с собой, на сто девятом. Расскажешь, что и где...

И не дождавшись ответа, смахнул картинку со стола.

– Можешь быть свободна, – мысленно произнес мужчина, не обращая более на меня никакого внимания, – подождешь Данира в приемной. У меня важная встреча с минуты на минуту.

Я послушно встала и вышла за дверь, мысленно произнеся: «Спасибо, Ваше Императорское Величество». И уже выйдя из кабинета, поняла, что даже не узнала имени императора. Как же я буду к нему обращаться?

Аквариум манил к себе невероятно. Не обращая внимания на секретаря, который встал при моем появлении, я направилась к прозрачному чуду. В нашем мире таких огромных резервуаров не было. Если папа и привозил нам живых рыбок со своих поездок к морю, то они жили или в банках, или в ведрах, пока не умирали от старости. Здесь же внутри находился целый мир с закрытой экосистемой, высотой более трех метров, шириной около десяти, а глубиной... Один всевышний знает – противоположной стены я не разглядела.

Вдруг краем глаза я увидела, как в приемную кто-то вошел. Точно, у императора же встреча! Сначала я обратила внимание на походку. Мужчина шествовал, словно нет ничего и никого вокруг, уверенно и неотвратно, как корабль под парусами, стремительно рассекая волны. Я немного развернулась, присмотрелась внимательней и сразу же мысленно скривилась – посетитель был блондином. На вид двадцать

пять – тридцать лет, смазливый, даже слишком, высокий, стройный, широкоплечий. Как же я не люблю блондинов! Мой любимый тип – темноволосые, темноглазые мужчины, такие как Роберт или Макс. А блондины... С ними связаны неприятные воспоминания. Граф Кауз был светловолосым, и Альварес, жених Ильмы, тоже. Будущий родственник мне сразу не понравился своей слащавостью, голубыми глазками, холеными ручками и обаятельной кокетливой улыбкой. И что сестренка в нем нашла?

Я беззвучно фыркнула и отвернулась к аквариуму, продолжая наблюдать за посетителем в отражении. Он был какой-то неестественно идеальный, холеный, в безупречно сидящем серебристо-сером костюме необычного кроя без единой складочки, словно его шили прямо на нем. В ухе что-то поблескивало. Переводчик или серьга? Фи, как вульгарно. Вдруг у самой двери мужчина резко остановился. Мгновенье постоял на месте и повернулся ко мне. Наши глаза встретились через зеркало аквариума.

Пару секунд мы смотрели друг на друга. Вдруг это мой очередной родственник? Не зная здешнего этикета, я повернулась к посетителю и вопросительно приподняла бровь. В нашем мире мужчины первыми приветствуют женщину. А здесь?

Нет. Приветствовать он меня точно не собирался. Губы блондина насмешливо сжались, в глазах появилось непонятное выражение – то ли презрительное, то ли оценивающее. Он опустил голову, дотронулся до запястья, а затем сделал странное движение – словно вытягивал что-то. Вверх поднялась неширокая полупрозрачная лента. Записная книжка, блокнот, экран? Он провел пальцами, набирая какой-то текст, и толкнул верхнюю часть в мою сторону. Я с потрясением смотрела на приближающиеся ко мне по воздуху слова. Окошко остановилось напротив лица и зависло перед глазами.

Увы, читать я не умела.

Я перевела взгляд на посетителя. Но тот уже потерял ко мне интерес и скрылся за императорской дверью.

– Ээээ, – я посмотрела на секретаря, мужчина с важным видом перелистывал многочисленные мигающие полупрозрачные экраны на своем столе, то появляющиеся, то исчезающие вновь. Дурдом какой-то.

Я раздраженно махнула рукой, отгоняя надпись, она послушно отлетела влево и теперь висела над моим плечом, отвлекая радужным мерцанием.

Дверь опять распахнулась.

– Приветосики. Как ма? – В мою сторону шел... парень? То, что это был именно он, было понятно лишь по имени, если только в этом мире не называли мужскими именем Данир девушек. Он был одет во что-то несуразное. То ли юбка, то ли широкие шорты с запахом. И лосины! Почти обнаженный верх прикрывали лишь разной ширины и фактуры переплетенные полоски... веревок? На голове были... Наверное, волосы, но длинные и закрученные в какие-то узлы, пучки, косички. В ушах, носу, бровях, даже на ресницах что-то поблескивало. То ли металл, то ли камни. А по коже ползали постоянно двигающиеся разноцветные узоры. И в нашем мире были татуировки, но такие я видела впервые.

В глазах сразу же зарябило.

– Добрый день. Ты Данир? – Я шагнула ближе, с удивлением рассматривая непонятное экзотическое существо.

– Агась, – голос парня был по-мальчишески звонким, – а ты моя потерянная в горах сестренка Зои?

Слово «агась», если оно означало согласие, конечно, мне не очень понравилось, поэтому я ответила обычным «да».

– Поскакали, у меня мало времени. – Парень хлопнул ладонью по стене. Снизу открылась панель, из нее выплыло несколько подушек, подобных тем, на которых я уже ездила. О, здесь я могла справиться сама. Мы сели на подушки, те приняли вид кресел. – Нам на сто девятый. Будешь моей соседкой.

Пока я смутно понимала, что происходит, и позволила себе плыть по течению.

Мы заехали в лифт, опять падение, но от визга на этот раз я удержалась, хоть парень не потрудился сделать стены непрозрачными. Просто не отрывала взгляд от своей руки, вцепившейся в подлокотник. Рот у брата не закрывался ни на секунду. За время поездки он поведал мне, что раньше напротив него жила его двоюродная тетка, потом она вышла замуж и укатила куда-то... В Илай. Мне название ничего не сказало. Затем апартаменты апгрейдили, и теперь там все нулевое, так что я могу не переживать. А я и не переживала.

– Как мне убрать эту штуку? – задала я единственный вопрос, успев вклинить между паузами. Парень перевел взгляд на мое плечо.

– О, свиданка? Когда успела?

– Не знаю, – пожалала плечами я, – не могу прочитать, что там написано.

Он бросил короткий взгляд на мои запястья.

– Тебе нужен ком. – Видя мое непонимание, пояснил: – Коммуникатор. Отдам тебе свой. Деда перевел люмы за тебя, могу купить новый. Я один уже присмотрел, круть. Но денег не хватало.

Я ничего не поняла. Какой ком, какие люмы? Парень вертикально провел пальцем по запястью, и серебристая воздушная плоска, обвивающая его, раскрылась. Он стянул ее и протянул мне. Я неуверенно взяла странный браслет в руки, не зная, что делать.

– Исочка, – Данир со вздохом взял мою руку и закрепил полоску на правом запястье, она плотно села, сливаясь с кожей, – очисти там все, апгрейди и делай автоматический перевод входящих.

– Конечно, мой господин, – где-то рядом раздался мягкий девичий голос. Парень немного покраснел. Я скосила взгляд на полупрозрачную надпись, по-прежнему висевшую за плечом. Теперь на ней отражались знакомые буквы. «Сегодня в восемнадцать ноль ноль, в Гайми-парке, комната один». И подпись – лорд Милу Кагоа. Я округлила глаза. Это такая свиданка???

– Просто убери в ком, – произнес брат, – календарь автоматом напомнит, когда придет время.

Я, по аналогии с виденным ранее, дотронулась до надписи и отвела руку к запястью. Окошко, словно привязанное к моим пальцам, послушно скрылось внутри коммуникатора. Хух, все. Как же непонятно и страшно. Столько нового! Я попала в чудный мир, где летают по воздуху, за минуты убирают шрамы, вылечивают поломанные кости, назначают свидания, даже не познакомившись, мальчики похожи на девочек, носят юбки, красят ресницы, цепляют украшения. Голова кругом.

Но если все в этом мире с легкостью управляют этими штуками, научусь и я, рано или поздно. Мне простительно, я здесь первый день. И конечно, ни на какую свиданку идти я не собиралась, и совсем не потому, что не знаю, где этот Гайми-парк.

Мы с Даниром приехали на сто девятый этаж. Он также был разделен на две части огромным залом с выходами лифтов. Кресла поплыли налево и остановились перед широкой закрытой дверью.

– Прислони ладонь, – произнес парень, – можешь другую любую часть тела. Апартаменты привязаны на твою ДНК, никто другой войти не сможет, только по твоему приглашению.

Что такое ДНК, я не знала, но послушно тронула пальцем твердый серебристый материал двери. Створки распахнулись ровно на ту ширину, которая требовалась для наших кресел. Мы въехали внутрь. Бесконечные анфилады комнат впереди, справа, слева заставили пораженно ахнуть. Это все для одного человека?

– А какая площадь этажа? – поинтересовалась я у Данира, который, не останавливаясь, летел вперед.

– Несколько тысяч квадратов, где больше, где меньше. На первых этажах никто не живет. Жилые комнаты начинаются с пятидесятого. На середине императорские покои, кабинеты, залы для разных семейных сборищ... А последний отдан под медбоксы, – тараторил Данир, параллельно показывая мне комнаты, – там спальни, выберешь любую, там салоны, косметический, массажный, музыкальный и прочие, там развлекаловка, там столовая. О, пойдём, выпьем че-нить.

Он развернул кресла взмахом руки. Мы повернули направо. Остановились в странной комнате с большим столом, стоящим в центре. Парень подъехал к нему. Хлопнул ладонью по столешнице. В списке, выскочившем на экране, выбрал напитки. Сразу же весь стол оказался заставлен россыпью полупрозрачных бокалов с надписями, висящими под каждым. Я присмотрелась – состав там, что ли?

– Что будешь? – Данир ткнул пальцем в бокал с зеленоватой жидкостью. Я выбрала желтый. Надеюсь, не отравлюсь. В моем мире желтый почти всегда означал цитрусовые. Полупрозрачное меню исчезло, зато в центре стола открылась панель и на поверхность выплыли два запотевших высоких стакана с трубочками. Зеленый тотчас выхватил Данир, я осторожно взяла желтый.

– Если что непонятно – спрашивай у Исы. – Парень развернулся и направился дальше. Мое кресло, как привязанное, полетело за ним.

– А как? – Я пригубила напиток. Вкусный, кисленький.

– Просто задай ей вопрос, она ответит.

– Дань, а сколько тебе лет? – поинтересовалась я, когда мы опять выехали в широкий коридор.

– Дань? – удивленно обернулся парень. – А что – мне нравится. Своим скажу, чтобы меня так называли. Восемнадцать. В прошлом году закончил первую ступень. – Я догадалась, что это что-то типа школы или университета. – Пока взял годик оторваться перед второй. – Он оглядел меня с ног до головы и скривился: – А ты выглядишь отстой. Приоденем?

– Хотелось бы, – задумчиво ответила я, не обидевшись на непонятное слово «отстой», – а где вы берете одежду? А то этот комбинезон... Немного неудобен.

Я вспомнила презрительный взгляд, которым меня одарил тот мужчина в приемной в шикарном костюме. Мой же плотно облегал тело, обтягивал грудь, бедра, ноги. Я не привыкла носить подобное. Пусть в нашем мире я иногда и надевала брюки, в основном когда занималась раскопками, но они были темными и не такими узкими.

– Еще бы. Это же одноразовый медицинский, – фыркнул парень и направил наши кресла дальше по коридору.

– А как он снимается?

– Под душем. – Видя мое непонимание, добавил: – Растворяется водой. Удобно, ага?

Мы завернули в последнюю по ходу комнату. Опять серебристая панель на всю стену, в центре на небольшой высоте странное приспособление, типа поддона с крышей, висящего в воздухе.

– Залезай, это сканер, – кивнул на него брат. Я встала с кресла и ступила на мягкую опору. Меня окатило светом. Воздух вокруг замерцал на пару секунд и погас.

– Все, – бросил парень и подошел к стене. Ткнул пальцем, в стене проявилась моя обнаженная фигура во весь рост. Точная копия. Я смущенно покраснела, но быстро пришла в себя, видя, что парень не обращает на нее никакого внимания.

– В автомате только ерунда, – произнес он, опять тыкая пальцами по выскочившему меню, – сарафанчики, брючки, рубашечки, платица. Крутые вещички нужно заказывать. Видишь, – Данир повернулся вправо-влево, красуясь своим странным нарядом, – отличный эксклюзивчик. Как тебе?

Я ушла от ответа, неопределенно пожав плечами. Ничего отличного я не видела. Скажу больше, под страхом смертной казни не надела бы подобное.

– Смотри. Выбираешь модель, цвет, ткань, прибабасы разные, – он тыкал пальцами в оборки, рюши, перенося их на модель платья, превращая его во что-то ужасное. В общем, разберешься. Нет – спросишь у Исы. Вот эта кнопка – завершить производство. Нажимаешь, и опа – наряд готов.

Из панели выдвинулась стойка с жутким розовым нечто в оборках. Я медленно кивнула, испуганно сглатывая. Пока похожу в комбинезоне, пожалуй.

– А вы действительно императорская семья? И владеете этой планетой? – Мы уселись в кресла и полетели назад по коридору. Парень весело рассмеялся.

– А, одно название осталось! Красивая картинка! – Я округлила глаза.

– Планетой давно управляет совет, – пояснил он, – у императора осталась лишь номинальная власть.

– Это как?

– Да никак! – хмыкнул он, заворачивая в еще одну большую странную комнату. – Ни на какие серьезные решения дед повлиять не может, хоть и вхож в совет. Занимается семейной торговлей, содержит Дом, ходит на приемы, встречается с другими аристократами. И так, по мелочи.

Я мало чего поняла из объяснения, но ничего – разберусь потом. Главное я уловила – в этом мире нет единоличной власти, как в моем. И император не всевышний властитель.

– Основная часть семьи живет здесь, в Доме, – продолжал Данир, – а что? Удобно. За все платит семья. Некоторые уезжают, как моя тетка с мужем. У самых богатых свои Дома, острова... Но я пока не заработал на остров, – хохотнул парень.

– А главный в семье твой дед, император?

– Он прадед. Но просит называть его дедом. Типа так удобнее. – Парень встал с кресла, я встала следом за ним. Подушки мгновенно сжались и зависли у наших бедер.

– И сколько же ему лет?

– А даг его знает. То ли сто двадцать, то ли больше. На прошлом его дне рождения я угасился в дым, ничего не помню.

Что такое «угасился» и «в дым»? И тут меня догнала вторая сказанная им фраза. Сто двадцать или больше? Я не удержалась от потрясенного вскрика.

– Вы так долго живете?! – Императору на вид было не больше пятидесяти.

– А что такого? – пожал плечами Данир. – Повисел в репликаторе – и опять как новенький. Даже проколы от пирсов зарастают, так что я пока туда не лезу.

Ну да, глупость сморозила. Если они вылечивают смертельные травмы, то с любыми заболеваниями справляются, в том числе со старостью. Что такое пирсы, догадаться было нетрудно – в ушах, бровях, губах и прочих частях парня поблескивали разные предметы.

– Смотри. – Данир подошел к креслу странной формы. Впереди и сверху над креслом нависали какие-то полупрозрачные крылья, по структуре и внешнему виду напоминающие стенки медбокса. – Это эскап, самое интересное, что есть в развлекаловке.

Я вопросительно уставилась на сложную конструкцию.

– И что он делает? – поинтересовалась я. Удивительно, но парень немного покраснел.

– Это... типа... в общем, разберешься сама. Или Иса подскажет. – Он подошел к стойке возле кресла и стукнул по ней пальцем. В выдвинувшейся полке Данир взял пять пластин, похожих на те, которые брал Том, одевая меня в комбинезон.

– Это, – брат засунул пластины за пояс, – одноразовые комбезы, типа медицинских, но они только для эскапа. Я возьму несколько, у меня закончились. Надеваешь такой на голое тело, садишься в кресло и выбираешь режим. – Парень отвернулся в сторону. – И ловишь кайф.

Понятно, что ничего не понятно.

– Так-то мы на полном обеспечении семьи, но если что нужно необычное, то платим сами, – Данир опять повеселел и плюхнулся в кресло, – а люмы у меня не задерживаются. Увы, не многим повезло родиться с даром...

– То есть, – уточнила я, – ты без дара? И не умеешь мысленно общаться?

– А то я бы с тобой разговаривал! – фыркнул юноша, его кресло полетело в коридор, я пошла следом, игнорируя подушку. – Я младший, второй. С даром у нас Алиска. Она первенец.

– Значит, «слышащие» только первенцы?

– Агась, – он удивленно обернулся, – даг, все время забываю, что ты потеряла память. Короче, я все показал, ком дал, поручение деда выполнил. Если спросит, скажешь, я молодец. Может, еще люмов подкинет.

Я невольно улыбнулась, смотря сверху вниз на это чудо в непонятной одежде, с кошмаром на голове и разноцветными узорами на теле. Он отличался от парней из моего мира, как небо от земли. Я всегда безумно хотела брата и наконец получила. Пусть такого, несуразного, странного, но теплое чувство наполняло сердце.

– Обязательно скажу, – подтвердила с улыбкой, – заходи в гости.

– Зайду, – Данир сотворил из пальцев странную фигуру на прощанье и направил кресло к двери, – покедова, сестричка! Ты классная, хоть и дикарка.

Глава 13

Разбудил меня тихий чирикающий звук. После ухода Данира я зашла в первую же спальню, радостно увидела знакомую мебель – кровать на ножках, упала на нее и отключилась, так и не стянув комбинезон. Снилось что-то путаное и бессвязное. Словно я опять еду на отбор невест, и почему-то он проходит в башне Акиланосов.

С трудом разлепив глаза, я увидела висящее перед глазами знакомое до зубовного скрежета окошко блокнота, только сейчас к надписи еще добавилась строчка. Один час до встречи. Через некоторое время надпись изменилась – пятьдесят девять минут до встречи.

Я глухо застонала.

– Да что б тебе провалиться! – пробормотала под нос и громче: – Иса, как выключить эту гадость?

– Вы не пойдете на встречу, Ваше Императорское Высочество?

– Ни за что, – отрезала зло, – и называй меня Зои.

– Как пожелаешь, Зои. Выключаю.

Наконец благословенная тишина. Я повернулась на другой бок и со вздохом закрыла глаза.

Следующие два дня я провела в одиночестве в своих апартаментах, изучая с помощью Исы мир, в который попала. Лекции не прекращались ни на секунду. Начинались с моим пробуждением и заканчивались, когда я ложилась спать. Я училась готовить еду, точнее, заказывать ее, создавать одежду, обувь, пользоваться душем, массажным креслом (отличная штука, как оказалось), изучала историю семьи Акиланосов и очень кратко – историю мира Лимпии.

Как-то я спросила Ису, не отвлекаю ли я ее от других дел. В ответе мне послышалась ирония:

– Я задействую на разговор с тобой не более одной тысячной процента своей памяти. Не беспокойся, Зои.

Вежливое умное создание, хоть и неживое. Она стала для меня подружкой, учителем, помощницей, прислугой. Обстоятельно отвечала на вопросы простым, понятным языком, без всяких чуждых словечек,

которые любит употреблять Данир. Он пару раз забегал ко мне. Похвастаться новым комом и новыми татушками.

Как же не похожи восемнадцатилетние юноши в моем мире и в этом. В моем они уже служат в императорской гвардии, дают клятву верности, заключают помолвки. Простолюдины женятся даже раньше восемнадцати и работают наравне со взрослыми. Данир вел себя как несмышленный подросток, единственной проблемой которого было найти люмы на очередное ненужное украшение своего тела, или как он его называл, «тюнинг».

Вот что я узнала. Первый проход в другой мир был открыт около пятисот лет назад. Прямо в переулке между домами в городе Ноксе проявилась прозрачная колеблющаяся пленка. Сейчас на этом месте построен музей, где первые врата окружены помпезной аркой (изображение ее мне показала Иса). Обитатели мира Нокс, его так внесли в реестр, оказались очень дружелюбными, приняли людей Лимпии за богов и стали им поклоняться.

Впоследствии проходы начали планомерно искать и находить в самых удивительных местах – в пещерах, на вершинах гор, даже под водой. За пятьсот лет на территории планеты в разных ее концах были открыты тоннели в тридцать два мира. Некоторые из них сразу же закрыли, как мой. На этот случай был специальный протокол. Если при первой встрече туземцы проявляли агрессию, нападали с целью убить, их изолировали на сто лет. Каждый век делегация миров опять снимала барьер и предлагала переговоры. Так и с моим миром. Последний раз барьер снимали девяносто пять лет назад. Значит, до следующего события пять лет. Нет, столько времени Амедал мне не даст. Придется искать другой способ.

Раньше стены из воздуха не было. Были обычные бункеры с воротами, которые охраняли военные. Такой способ был неудобен, так как требовал постоянного присутствия охранников, и существовала постоянная опасность прорыва. Несколько раз ворота даже взрывали со стороны агрессивного мира. Но как только изобрели барьер, стало гораздо проще.

Около ста лет назад ученые доказали, что на Лимпии существует какая-то уникальная пространственная геомагнитная аномалия. Все двадцать пять миров, не агрессивных, тех, которые удалось досконально изучить, подчинены одному общему знаменателю. На них

живут абсолютно совместимые друг с другом люди, способные при скрещивании давать потомство, одинаков состав воздуха и химические элементы, светила, освещающие их, имеют один и тот же спектральный класс, все планеты выстроены в геометрически правильную фигуру – гигантский виток, опоясывающий несколько галактик, в центре которого и находится Лимпия. И еще много всего, чего я не поняла даже приблизительно.

Большая часть миров уступали Лимпии в развитии. Но были и такие, которые могли посоперничать насчет технологий. Я не стала читать сводку по каждому из миров, долго, да и незачем. Тут бы с Лимпией разобраться. Иса рассказывала о гигантских сложных воздушных повозках, так называемых космических кораблях, которые могли летать на другие планеты. Правда, чтобы к ним добраться, требовалось гораздо больше времени, чем перешагнуть барьер, поэтому этот способ почти не использовали. Еще и потому, что пригодных для обитания планет в непосредственной близости от Лимпии было немного, всего пять. Остальные находились невероятно далеко, и лететь туда нужно было тысячи лет.

Планетой управлял совет, который выбирался всеобщим голосованием раз в десять лет. Так же здесь, в столице Лимпии, Каратосе, заседала ассамблея содружества миров. В нее входили, опять же, избранные, выходцы из дружественных планет. На сегодня в ней было пятьдесят два члена, по двое из каждого мира.

Что я узнала об императорской семье Акиланосов? Немного. Мистической тайной оставалась информация о том, как возникла способность мысленно общаться. Иса лишь сказала, что этот дар семья получила очень давно, более тысячи лет назад, когда планета была еще не развита. А то, что способность передается в основном первенцу, и то не всегда, – правда. Удивительно, но Амедал не знал об этом, иначе бы в отборах участвовали лишь старшие дочери.

Я начала припоминать – мой отец является старшим сыном, дед с бабушкой тоже оба первенцы. Те вообще были единственными детьми в своих семьях. Дальше не знаю.

Самое важное и ценное, чем владела императорская семья, – это залежи лимпы, кристаллов, с помощью которых можно разговаривать на расстоянии. Сейчас, в век технического прогресса, они стали не слишком востребованы, но раньше, много сотен лет назад, лимпы

были в тысячу раз дороже золота. Именно тогда наша семья и поднялась на самый верх.

Чем больше размерами кристалл, тем на большее расстояние можно передавать сообщения. Например, на трехсотом этаже, в сокровищнице императора, находится последний крупный самородок, весом около двухсот килограммов. С помощью него можно разговаривать с жителями соседней планеты, но только в одном мире. Это физика, пояснила Иса, через проходы кристалл не работает, ему важно расстояние.

Когда я спросила Ису, для чего сейчас нужна лимпа, она самодовольно припомнила мне мою неспособность общаться после пробуждения в медкабине. Кристалл необходим при открытии новых миров, так как язык неизвестен, а мысленно мы разговариваем образами. Так же его используют на важных переговорах, именно для того, чтобы передать некоторую тайную информацию мысленно и быстро, ведь разговоры через коммуникаторы станут слышны всем, и так далее.

На сегодняшний момент членами императорской семьи считаются сто семьдесят человек. Это те, кто носит фамилию Акиланосов. «Слышащих», увы, немного. Всего двенадцать. Незамужних девушек двое – Алисия, сестра Данира, и пятилетняя Роберта, дочь внука императора, принца Коула. Неженатый парень один – некий Гарон, двоюродный брат Данира, сын племянника императора. Данир отзывался о нем как о высокомерном засранце, случайно получившем семейный дар и неимоверно этим возгордившемся. Ему было двадцать шесть, но жениться пока не собирался, тщательно подыскивая себе достойную пару. Мужчины оставались в семье, поэтому жениться рано смысла не было, а вот девушек отдавали, считай продавали, как можно раньше, уже после двадцати – двадцати пяти, заключая выгодные союзы.

Почти все Акиланосы, за редким исключением, живут в Доме. У самых особенных в распоряжении целый этаж, у отпрысков попроще – половина. Иса заставила выучить лица и имена всех членов семьи. После этого в голове наступил хаос. Я взяла паузу, чувствуя себя перегруженной информацией, как вскипевший чайник. Тем более что на третий день моей самоизоляции император пригласил к себе. На ком пришло письмо от секретаря. Иса сказала, что я не смогу в этот

раз проигнорировать приглашение. Даже ей нельзя удалять императорские вызовы.

Я самостоятельно села в лифт, набрала на табло цифру «двести», зашла в приемную и присела на диванчик, ожидая, когда ком пиликнет – пора. В этот раз я была одета не в пример лучше. В широкие бархатные брюки, бежевую шелковую блузу, плетеные балетки на плоской подошве. Я почти профессионально научилась заказывать одежду, не без помощи Исы, конечно. Она уже знала мои предпочтения и из миллиона моделей сама предлагала подходящие. Сейчас мой внешний вид мне очень нравился.

Император поприветствовал коротким кивком, направленным в сторону кресла. Я почтительно склонила голову и уселась в его мягкие пышные объятия. Почти дома, если не обращать внимания на ощетинившийся полупрозрачными экранами стол.

– А почему вы не позвали мысленно? – поинтересовалась вежливо. – Зачем нужно было отмечать в календаре встречу? Я бы и так пришла.

Глаза мужчины на мгновение вспыхнули раздражением.

– Да, ты же не знаешь... – произнес он хмуро, – дурной тон разговаривать мысленно без разрешения. Я тебе позволяю только потому, что ты необразованная. – Я покорно проглотила возмущение. – Есть негласные правила для общения внутри семьи, потом их выучишь. Если бы можно было бесконтрольно общаться, я бы оглох от постоянных жалоб и петиций, целыми днями выслушивая их. На будущее: прежде чем с кем-то заговорить мысленно – пошли на ком приглашение.

– Спасибо, – отозвалась словесно, добавив в голос побольше почтительности, – не знала.

– Откуда тебе... – отмахнулся император. – Кстати, почему ты здесь... Нашлась твоя дальняя родственница. – Я инстинктивно выпрямилась, приготовившись слушать. – Около трехсот лет назад моя двоюродная прапрабабка сбежала с любовником в другой мир. Ее отец не давал согласия на свадьбу, вот она и взбрыкнула. Их искали долгие годы по всем мирам, но так и не нашли. Думаю, ты и есть ее потомок, потому что других потерянных родственников в нашей семье не было.

– Как ее звали?

– Наследная принцесса Сонья Акиланос, единственная дочь императора Вивиана, – ответил дед. – Он до самой смерти искал Сонью, даже протолкнул в ассамблею закон о том, чтобы завесу в агрессивные миры ставили с одной-единственной лазейкой – возможностью пройти носителю нашей крови. Надеялся, что эта романтическая дура одумается и вернется.

– Кто был ее любовником? – нейтрально поинтересовалась я. Значит, мою дальнюю родственницу звали Сонья. Увы, отец ее не дождался, она, может быть, и хотела бы вернуться, но скала взорвалась и проход завалило на долгие годы.

– Ее телохранитель, – ответил император, – некий Виктор Амедал. Бывший наемник. Соблазнил семнадцатилетнюю принцессу, задурил ей голову. Захотел стать императором, женившись на единственной наследнице. Когда не удалось – ушел в другой мир, забрав ее, преданных друзей, оружие, ценное оборудование, несколько боевых роботов, видимо, еще кое-что, так как отследить удалось далеко не все. До твоего появления мы даже не знали, в какой именно. Он хорошо подчистил хвосты.

Значит, Амедал был прав – Виктор пришел из Лимпии. А я удивлялась, почему после создания империи в королевствах начался такой сумасшедший подъем во всех отраслях – и в промышленности, и в науке, и в образовании. Если он взял с собой книги или другие носители информации, грамотных знающих людей, каких-то роботов... Он мог перевернуть мир. Что и сделал. Возмущаться или нет – дело десятое. Тот мир, который я знаю сейчас, – его заслуга. И этот мир мне нравится. Все, кроме непомерных налогов.

А вот то, что принцесса пошла с ним добровольно, скорее ложь, чем правда. Зная жестокую семейку Амедалов, можно предположить, что Виктор силой заставил ее уйти. Я даже не удивлюсь, если окажется, что она так и не стала его женой, если сразу же сбежала от любовника.

Сегодня император никуда не спешил, выглядел спокойным, умиротворенным, даже дружелюбным, если так можно было сказать о жестком властном человеке. Он добродушно смотрел на меня, почти как на любимую внучку, и охотно отвечал на вопросы. Попробую-ка я узнать больше...

– Ваше Императорское Величество, – несмело улыбнувшись, произнесла я, – в исторических хрониках я не нашла ни слова о том, как появилась наша волшебная способность. Мне бы очень хотелось узнать...

Акиланос откинулся на спинку кресла и громко рассмеялся.

– Никакая она не волшебная, – успокоившись, сказал он мысленно. – Обычная мутация. Я расскажу тебе, но эта информация закрыта и только внутрисемейная.

Я быстро кивнула, догадавшись, почему он разговаривает со мной напрямую, если даже Исе не известна эта тайна.

– В древности люди на Лимпии веками жили на одном месте. Наследство передавалось по майорату, старшему в роду, от отца к сыну. Жен и мужей выбирали внутри клана. Так получилось, что под нашим родовым поместьем находились огромные залежи некоего минерала, лимпы. Этот минерал странно воздействовал на их гены. И в итоге мы имеем мутацию.

– Она оказалась очень сильной, если проявляется через века, – мысленно ответила императору.

– Не такой уж сильной, – отозвался он сразу же, – сейчас способность проявляется все реже. Раньше, тысячу лет назад, каждый член семьи умел мысленно общаться. Но тогда женились на близких родственниках, не зная, что из-за этого мутации множатся. К основной добавились другие, негативные патологии. В конце концов совет старейшин принял запрет на близкородственные браки. Поэтому сейчас нас единицы. Первенец и то не всегда...

– Почему первенец? Если это зависит от лимпы, живите на кристаллах и дальше.

Император грустно усмехнулся.

– Ответ на первый твой вопрос – потому что это мутация. А все мутации, как известно, завязаны на генах. Чьи гены самые крепкие? Чье здоровье, иммунитет и так далее самый высокий? Мать отдает первенцу свою силу, следующие дети слабее. Например, возьмем тебя. – Мужчина встал из-за стола, подошел к одной из картин на стене и принялся внимательно ее рассматривать. Я подобралась, не зная, чего ожидать. – Теоретически у тебя пятидесятипроцентная вероятность получить мутацию. У твоей младшей сестры или брата – двадцать пять, у следующего ребенка – десять и так далее.

Он обернулся и передернул плечами.

– Даг, я за эту мазню отдал три сотни люмий, – произнес в голос, – Иса, это точно подлинник?

– Да, Ваше Императорское Величество, – отозвался безэмоциональный голос в кабинете. Со мной Иса разговаривала куда более мягко и доброжелательно. Или эмоции – это тоже программа?

– Все равно замени, – император отвернулся и подошел к огромному дивану, оббитому кожей.

– Ответ на твой второй вопрос банален... – он тяжело вздохнул. – Залежей лимпы не осталось, они давно выработаны и разлетелись по миру... Когда свойства камня стали известны, мы начали добывать и продавать его. Сила семьи росла, богатства тоже. Представь, много сотен лет назад не было ни каров, ни андронов, ни коммуникаторов. Были только наши кристаллы. Правители, торговцы готовы были драться за них, отдавали огромные деньги за возможность передать приказы на расстоянии. Мы породнились с самим императором. – Величество скривился, словно съел что-то кислое. – А сейчас... В сокровищнице находится последний крупный самородок. Больше ничего нет.

– Но... – Я восхищенно развела руками. – Вы же богаты и могущественны. У вас такой огромный дом.

– Да-да, конечно... – Император опять встал. – Завтра я тебя представлю семье официально. Небольшой прием на двести пятом, приглашены семья и несколько гостей. Я включил тебя в семейный кредит. Подбери что-нибудь... – он вяло махнул рукой, очерчивая полукруг передо мной, – более нарядное, а то выглядишь как оборванка.

Я задумчиво вышла из кабинета и поплелась к лифтам.

Глупой я себя никогда не считала. И пусть образование в нашем мире не шло ни в какое сравнение с образованием в этом, главное, думаю, не то, сколь много ты знаешь, а способность быстро ориентироваться в потоке информации – усваивать новое, проводить аналогии, находить нужное, выбирать из него необходимое лично тебе.

Я быстро сообразила, что все, что начинается на андро, связано с роботами или искусственным интеллектом, на аэро – летает, на комм – соединяет, на мед – лечит, и так далее. И пусть словечки Дарира еще свергали меня в ступор, остальное уже не пугало.

Вот и сейчас, сидя в кресле перед панелью домашнего мини-ателее, я раздумывала: что мой четырнадцатипородный дед имел в виду, говоря, что я плохо одета? Вещи были новые, хорошо пошитые, из добротной ткани. Кроме деда, его секретаря, доктора и мужчины, который меня спас, я больше никого не встречала. Тот посетитель, осчастлививший меня свиданием, не считается. Да, был еще Данир, но он если и показатель моды, то молодежной.

Все мужчины были одеты строго и элегантно. Пусть не в те костюмы, сюртуки и брюки, к которым я привыкла дома, но одинаковый лаконичный стиль прослеживался. А вот что носят женщины? Я попросила Ису показать модные новинки Лимпии. Есть же здесь модельеры? Показы, журналы, пусть и электронные или виртуальные.

– Перед тобой коллекция господина Рио, – Иса развернула экран и включила запись. По подиуму прохаживались девушки в... Нет, такое я точно не одену.

– Покажи предыдущую. – Экран мигнул, и уже другие девушки выстроились в линию на сцене. А я еще удивлялась тому, что здесь не обращают внимания на обнаженный вид.

– А теперь выбери самые закрытые модели в обеих коллекциях, – попросила я Ису. Мода модой, но перед незнакомыми людьми показывать грудь я не собиралась. Миг, и на экране остались две девушки. У правой был открыт верх почти до талии, по груди проходили две вертикальные полосы, закрывающие лишь соски, зато край юбки лежал на полу. Другая стояла одетая в тонкие ленточки. Пока она была неподвижна, они укрывали ее полностью, но как только она пошла...

– Правая из прошлогодней коллекции, – пояснила Иса, интуитивно понимая своим электронным мозгом, что мне совершенно не понравилось, а что можно подкорректировать, – но ее еще можно носить, никто не осудит.

Я тяжело вздохнула.

– Берем правую, только полосы делаем шириной... – мысленно прикинула, – в две ладони. Спину придется оставить открытую. Постараюсь ни к кому не поворачиваться.

– Зато юбка класс, – пошутила Иса, – так я заказываю?

– Давай, еще украшения бы подобрать...

– С этим проще, – Иса развернула передо мной трехмерный экран с разнообразными колье, подвесками, браслетами, поясами, серьгами и прочим, – вот эти подойдут к платью. – Она подсветила зеленый комплект. – И эту подвеску на спину.

– Я говорила, что я тебя люблю, Исочка? – я согласно ткнула пальцем туда, куда она показывала.

– Да, Зои. И я тебя...

Я чувствовала, как теплая благодарность наполняет сердце. Ну и что, что моя подруга лишь голос в браслете?

Глава 14

«Дань, ты идешь на семейную встречу в шесть?»

«Придется». И перекошенная рожица в конце сообщения.

«Зайдешь за мной?»

«Агасики. Будешь должна».

Отлично. Не то чтобы я трусила. Мне не нужно ни восхищение, ни одобрение семьи или императора, мне нужно лишь убрать барьер и вернуться домой. К этой цели я и стремилась. И если для этого необходимо перезнакомиться со всем высшим светом Лимпии, вежливо улыбаться, льстить и кланяться, я сделаю это. Даже полуобнаженной, в этом странном платье с открытой спиной.

Только после того, как мне его доставили, я поняла, в чем отличие между одеждой из домашнего ателье и заказанными вещами. Ткань была словно живая. Она мягко струилась сверху вниз, обнимая тело, очерчивая изгибы, расстилалась по полу красивым волнистым кругом почти на метр в диаметре. Я думала, что проблемой будет ходить в таком длинном платье, придется придерживать подол рукой, но нет – когда я делала шаг, юбка плавно уходила в сторону от ноги, давая необходимую для шага ширину, а затем опять ложилась на пол.

Волосы я решила оставить распущенными, они целомудренно закрыли спину и плечи. В ложбинку груди опустилось кольцо. По большому счету, обнаженными оставались лишь руки и шея. И так меньше, чем я предполагала.

– Унылая классика, – фыркнул Данир, увидев меня полностью готовой. «Ну хоть не отстой», – подумала я. Сам он щеголял в каком-то художественном рванье. Непонятно на чем держались брюки, в которых дыр было больше, чем ткани. На открытых участках кожи проступали татуировки, в обрывки нитей, торчавшие из дыр, были вплетены то ли ракушки, то ли костяные амулеты. Я окинула его испытующим взглядом. А что? Интересно, необычно, эпатажно... Неужели я начала понимать здешнюю молодежную моду? «Еще немного времени, и смогу смотреть без содрогания, – усмехнулась мысленно, – но надеть вряд ли осмелюсь».

Двести пятый этаж поражал сразу же, на выходе из лифтов. Огромное фойе с окном на всю стену делило этаж пополам. Направо уходили вразнобой расставленные диваны, кресла, пуфы с маленькими столиками напротив, на некоторых из них уже стояли полупрозрачные напитки, ожидающие, какой из них выберут. Посреди находилось небольшое квадратное возвышение, похожее на сцену.

Слева расстилалось море цветов под открытым небом. Небо посреди этажей? Я присмотрелась: небо было искусственное, но в нем, как в настоящем, отражались и солнце, и проплывающие облака, и аэрокары, пролетающие в высоте. Между клумбами и кустами стояли те же столики и диваны, в глубине я заметила несколько беседок и небольшую рощу.

– Ничего себе! – вырвалось непроизвольно.

– Это еще что, – отозвался Данир, – с двести девяностого по двести девяносто девятый все этажи отданы под настоящий тропический лес. Даже речка есть и водопад.

– Сходим как-нибудь? – Брат кивнул и потащил меня к одиноко стоящему дивану у окна.

Мы сразу же оказались в центре внимания. Разговоры, мерным гулом наполнявшие зал, затихли, большинство лиц повернулись к нам. Еще бы – новое лицо в императорской семье. В голове эхом отозвался едва слышный шепоток: «Что за безвкусица на ней». Значит, в семье есть одаренные, которые не придерживаются строгих правил общения... Я не смотрела по сторонам. Сердце колотилось так сильно, что заложило уши, в горле пересохло, а по спине сбегал липкий холодный пот.

Нужно успокоиться. Может быть, что-нибудь выпить...

Данир уселся на диванчик и сразу же стукнул пальцами по столешнице, вызывая меню напитков.

– Спасибо, – благодарно прошептала я, принимая стакан с соком аравы, экзотическим цитрусовым, произраставшим на планете Каполь. Брат хорошо узнал мои вкусы за эти несколько дней. Наверное, добавка успокоительного была подарком от Исы, так как после первого же глотка сердце начало успокаиваться.

Я стала неторопливо осматриваться. От вычурных нарядов и блеска драгоценностей рябило в глазах. Данир в своем рванье выглядел даже прилично, по сравнению с некоторыми экземплярами.

Например, у девушки, стоящей у стойки с бокалом чего-то многослойного в руке, из одежды были лишь нитки многоярусных бус, опускавшихся чуть ниже бедер, одинаковые спереди и сзади. Издалека казалось, что она стоит полностью обнаженная, одетая в драгоценности. Надеюсь, белье все же присутствовало, пусть и невидимое. Были еще подобные «платья». Очень красивая высокая блондинка щеголяла в костюме из колечек и цепочек, переплетённых в сложный узор.

Очевидно, принципом, царившим в этом обществе, является не как красиво одеться, а как раздеться.

Конечно, тела у всех женщин были идеальны. Фигуры – ни грамма лишнего веса, ни кривых ног, ни родинок, ни обвисшего животика. Совершенные в своей одинаковости и безупречности. Даже неинтересно, как под копирку.

Шатаясь беспредметным взглядом по залу, я замечала заинтересованное рассматривание моей персоны родственниками. Удивительно было то, что первыми знакомиться они не подходили, ждали, когда меня представит император. Вдруг я наткнулась на пристально смотревшего на меня мужчину с дальнего конца комнаты. Опять этот блондин из кабинета императора. Ну да, проигнорировала я его «приглашение». Но, во-первых, я не встречаюсь с незнакомцами, да и еще с такими наглыми, а во-вторых, мне простительно, я новенькая в этом мире. И что я такого сделала, что он сверлит меня глазами? Или ему никто не отказывал?

– Знаешь того мужчину в темном костюме у арки? – тихонько поинтересовалась я у Данира, склонившись к его плечу.

Парень бросил быстрый взгляд в нужную сторону.

– А-а... Выскочка, торговец. Милу Кагоа, один из лордов Край-Вереи, – отмахнулся брат. – Хочет породниться с нашей семейкой, дед ведет переговоры. Торгуются уже пару месяцев, никак не придут к соглашению.

– И кто невеста?

– Моя сестренка или Милена, еще не решили. Лорд потребовал с даром, но дед тянет – хочет подороже продать Алиску. Или уже продал, – Данир пожал плечами, – вроде сегодня должны были подписать договор.

Я в шоке уставилась на братца. Лорд собирается жениться и еще не выбрал, на ком?

– Но у вас же нет реальной власти в Лимпии, ты сам говорил, – осторожно произнесла я. Ничего себе у них нравы, назначает мне встречу, а сам почти жених.

– Зато осталась светская. Наш род насчитывает тысячелетнюю историю. Раньше мы владели планетой. Старая кровь, так сказать. Среди выскочек из других миров она ценится.

– А твоя сестра? Она согласна? – было немного не по себе. Даже в нашем отсталом мире выходят замуж и женятся по любви. В основном, конечно, тут же исправилась я.

– Ей все равно. На кого дед укажет, за того и пойдет. Лишь бы у мужа были люмии.

Данир допил напиток и поставил пустой стакан в центр стола. Он сразу же исчез. Заказал второй, точно такой же. Я принялась – слабо пахло спиртным.

– А где это Край-Верея? Красивое название... – Данька развернулся ко мне и смешно скривился.

– Ну ты темнота, – потянул он, – это же самая накрутейшая планета в содружестве. – Я пожалала плечами. Увы, до истории каждой планеты я не дошла. Тут бы хоть в Лимпии разобраться.

– И чем же она крута? – Делать особо было нечего. Все ждали императора, тот задерживался. Гости разбрелись по огромному этажу. Кто планомерно напивался, как Данир, кто разговаривал друг с другом. Один лорд Кагоа стоял в гордом одиночестве и с холодным презрительным равнодушием оглядывал помещение, словно выискивая изъяны – грязь на паркете или царапину на столе.

– Единственная планета из всех открытых, опережающая нас в развитии, – ответил Данир. Я заинтересовано повернулась к брату. – Именно они поставляют репликаторы, эскапы и многое другое. У них там просто какое-то сумасшедшее развитие биотехнологий и генной инженерии. Увы, все хотят жить вечно, поэтому Край-Верея процветает. Например, репликаторы – страшно дорогая штука, расходник, тот синий гель, стоит неимоверно дорого. В Доме только один репликатор, и на него установлена очередь. Даже дед посещает его раз в пять лет. Так что тебе повезло сразу в нем побывать.

Я медленно выдохнула, незаметно взглянув в сторону выходца из «крутой» планеты. Почему же он стоит один, а не рядом с невестой? Сестру Данира отыскать в толпе родственников было несложно – Иса показывала мне изображение каждого члена семьи. В Алисии ничего особенно не было. Такая же, как и все, – идеальная, холеная, красивая, завернутая в вуаль из белоснежных кружев. Достаточно крупной вязки, я бы сказала. Издалека казалось, что она одета в тонкую замысловатую паутину.

– Фигня! – весело продолжил брат, откидываясь на спинку дивана. – Мы все-равно круче! – Я обеспокоенно присмотрелась к парню, пьян или еще нет? – Именно через нас им приходится торговать со всеми остальными планетами. Сами-то они одиноки в своей галактике.

Очередное открытие лифта, и в зал вступил император. Большинство сидящих встали. Я тоже дернула Данира вверх. Обычная вежливость, ничего больше.

– Зои, подойди, – мысленно произнес Его Величество. Я еще не успела привыкнуть к живому самостоятельному платью, поэтому двинулась к деду, медленно и аккуратно переставляя ноги. Император ласково приобнял меня за обнаженные плечи.

– Представляю вам нового члена нашей семьи, – громко и зычно произнес он, – моя внучка Зои Акиланос. Прошу помочь ей влиться в династию. – Небольшое красноречивое молчание, и через миг: – Зои унаследовала нашу семейную способность, у нее дар.

Взгляды, направленные на меня, стали более заинтересованными. С последней фразой императора я поднялась в рейтинге с последних мест на первые. Я чувствовала кожей, как меня осматривают, ощупывают, оценивают. Слабо пиликнул ком. Я опустила взгляд: «Можно поговорить? Алисия». Я отыскала ее в толпе и дружелюбно произнесла: «Можно».

Ко мне направилась идеальная красавица в платье-паутинке. Я быстренько вспоминала императорскую родословную. Алисия и Данир, дети Дианы и принца Лемана, внука императора. Первая линия наследования. Внук, как и его отец, – «слышащий», но первым ребенком родилась девочка, соответственно императрицей ей не стать. Титул перейдет к отпрыскам брата императора.

– Ты действительно меня слышишь? – раздалось у меня в голове.

– Слышу, – ответила так же.

– Наконец я не буду одна в Доме, – произнесла девушка, подходя ближе и подхватывая меня под руку, как заправская подружка. – Представляешь, как же мне было скучно! Сплетничать не с кем, даже выйти в клуб проблема. А откуда ты? И кто тебе подбирал наряд? Это же платье, по-моему, мелькало в прошлогодней коллекции? И было немного другим. Тебе уже открыли кредит? И сколько уже потратила?

Одна в Доме? Скучно? Да тут полно народу, или «слышащим» не по статусу общаться с простым человеком? Данир мимоходом проговорился о том, что получившие семейную способность считают себя выше других и «выпендриваются», общаясь мысленно, считая ниже своего достоинства лишней раз открывать рот.

Из всех вопросов Алисии я выбрала самый безопасный.

– Я новенькая. Жила в глуши, далеко от столицы. Приехала неделю назад, – произнесла вежливо, идя рядом с Алисией в сторону «зеленой» части этажа.

– И что? Правда из провинции? – Алисия капризно изогнула идеальные губы. – И нет ни связей, ни влияния, ни наследства?

– Из самой дальней, – подтвердила я со смешком, мысленно прикидывая, как бы она удивилась, если бы узнала, что даже не из Лимпии. – Ничего нет. Император любезно предложил пожить в Доме. Буду рада, если ты поможешь мне с гардеробом.

– И как ты меня отблагодаришь за помощь?

Я пожала плечами: «Никак».

На лице Алисии застыло интересное выражение. Она словно колебалась, в какую сторону качнуться – или облить меня презрением, или участливо взять под опеку. Нежелание тратить на меня свое драгоценное время победило.

– Знаешь, позвони как-нибудь через недельку, я посмотрю, что можно сделать... – Девушка изящно покрутила рукой с коммуникатором, усыпанным драгоценностями. Он выглядел совсем не так, как мой. – О! Мама зовет. Увидимся.

Алисия быстро исчезла. Я осталась одна среди моря цветов, но совсем не расстроилась. Вряд ли я носила бы то, что она мне подобрала. Даже с Исой было интереснее, она, по крайней мере, никогда не критиковала мой выбор. Заказав еще один сок, я отправилась вглубь сада. Никого. Абсолютная тишина и спокойствие.

Даже цветочный запах был не густой, а свежий и легкий, словно здесь и запахи корректируются программой.

Вдруг сад закончился, и передо мной оказалось пустое пространство. Внизу под ногами раскинулся огромный прекрасный город. Я протянула руку, она уперлась в барьер. Пропасть отделяла плотная воздушная преграда.

Голова закружилась. На некоторое время я забылась в чудесном великолепии, расстилавшемся перед глазами. Когда вернусь домой, со мной останутся лишь эти воспоминания, поэтому хотелось набрать их побольше, спрятать за пазуху и доставать, когда станет совсем неумолимо от скучной действительности.

Сколько я простояла здесь – не знаю. Очнулась от пикирующего кома. «Ты куда пропала?» – Данир. Я улыбнулась и написала: «На балконе. Скоро буду».

Еще раз бросив взгляд на город, развернулась и медленно потопала через сад. Проходя мимо беседки, плотно увитой то ли плющом, то ли каким-то другим вьющимся растением, услышала знакомый зычный голос императора.

– Какая еще замена?! Мы обо всем договорились еще вчера, осталось лишь подписать. – Я притормозила, прислушиваясь к разговору.

– Я передумал. – Незнакомый голос. Холодный, я бы сказала – ледяной.

– Так дела не делаются, – в интонациях деда звучало раздражение.

– Ты мне будешь рассказывать, как делаются дела? – Голос замораживал равнодушием. – И какая разница? Одна или другая? – Как же мне хотелось рассмотреть собеседника, но увы – растения плотно скрывали спорящих. – Я даже оставлю в договоре прежние обязательства, хоть эта дикарка не обучена, не воспитана и взялась из ниоткуда. Неизвестно, что у нее за происхождение и из какой дыры вылезла.

Волоски на коже встали дыбом. Разговор обо мне? Кто еще здесь может называться дикаркой? Волна возмущения поднималась изнутри, затапливая злой багровой пеленой и здравый смысл, и душевное спокойствие, вызывая инстинктивное желание сейчас же ринуться в бой, вцепиться в наглеца острыми когтями, раздирая холеное лицо. В том, что оно было холеным, я не сомневалась.

– Ты прав, Милу, – фыркнул император. Ага, значит, блондин... Ну погоди, поганый торговец, захотел обмен? – Она ничего не знает о нашем мире, не ориентируется в нем. У нее нет связей, родных, она не умеет себя вести в высшем обществе... Одевается... Ну ты сам видел.

– Всему этому она обучится за пару месяцев, – прервал императора лорд Кагоа бесстрастно. – Посидит дома, а я пока похожу на приемы с эскортом, как раньше.

Ком беззвучно задрожал, принимая сообщение. Я опустила взгляд вниз. «Успокойся. У тебя пульс подскочил до ста пятидесяти. Иса». Я медленно сжала кулаки, впиваясь ногтями в кожу.

– И чем же она тебя так привлекла? – любопытный голос императора.

– Экзотика... – равнодушно произнес лорд. Хоть бы отзвук заинтересованности. Бедная Алисия, жить ей с ледяной глыбой вместо мужа.

– Наши прежние договоренности касались Алисии. Нужно их пересмотреть. – Тон дедушки изменился, мне послышались отзвуки интереса в голосе.

– Я согласен подписать договор, поменяв лишь имя.

Дед весело рассмеялся.

– Я имел в виду пересмотреть в сторону увеличения, – ответил он мягко.

Короткое молчание. Ага... Торговцы начали торги. Не спрашивая, меня выставили как лот на аукционе.

– Ты же сам говорил, что дикарка ничему не обучена и совершенно не ориентируется в нашем мире, ее учить и учить. Это лишнее время и деньги.

– Не хочешь, забирай Алисию. – Дед уловил заинтересованность лорда и принялся напирать. Да он не император, а прожженный купец. Лимпу давно распродали, продавать больше нечего, остались внуки и внучки.

– Это сейчас она интересная экзотичная птичка, – лениво произнес лорд Край-Вереи, – а через год распробует роскошную жизнь и станет как все. Сначала исправит нос, потом брови, грудь и так далее. А любимым развлечением станет потрошение моего банковского счета.

Это когда же он меня так хорошо выучил? За те два раза, когда мы встречались глазами на пару мгновений? И чем ему не понравился мой нос? По-моему, отличный. Ровный, прямой, ну, может, чуть длинноват.

– Не скажи, у девочки есть стержень, – голос деда звучал все более мягко и проникновенно, – прапрабабка была такой же. Она сбежала с любимым человеком от сытой жизни. В неизвестный отсталый мир. Наши женщины давно уже на такое не способны. Она алмаз среди стекляшек...

Я шагнула прочь от беседки. Достаточно. Наслушалась. Меня делят, как кусок мяса на рынке. Притворялся заботливым дедушкой, лицемер. А сейчас норовит продать подороже. Жаль, если дело дойдет до сватовства, придется срочно возвращать память и сообщать, что уже замужем.

Цветную шевелюру брата я увидела издалека. Он стоял рядом с каким-то молодым человеком. Тот смотрел на брата сверху вниз застывшим высокомерным взглядом, кривя в презрительной гримасе яркие полные губы. Еще один властитель жизни. Ну хоть одет в обычные облегающие брюки и белоснежную полупрозрачную рубашку. Почти прилично, если сравнивать с Даниром.

– Зои, – напряженным тоном произнес братик, – Гарон захотел с тобой познакомиться.

Еще один «слышащий». Кузен Даньки. Удивительно, но он смотрел на брата, словно парень – грязь под ногами. Но я-то не такая. Он для меня никто, если с императором у меня был свой расчет – помочь убрать барьер, то этот хлыщ мне не интересен совершенно.

– Захотел? – Я приподняла бровь. – Ну, пусть знакомится. Разрешаю.

Повернулась к Гарону и выжидательно уставилась ему в лицо, сощуриив глаза. Рядом прыснул Данир. Кузен на секунду растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Мы особенные, – мысленно произнес он, – и должны держаться вместе. Завтра приглашаю в Гайми-парк. У меня там личный кабинет.

Еще один любитель Гайми-парков. У них, что один ресторан в столице, или этот самый статусный? И почему его слова звучали так, словно личный кабинет – это какое-то невероятное достижение?

– Разве не считается невоспитанностью начинать мысленный разговор без месседжа по кому? – обратилась я к Даниру, сказав это

вслух. – Император что-то такое говорил...

Данька радостно подтвердил.

– Спасибо за приглашение, но вынуждена отказаться. – Я чуть присела, копируя наш домашний неглубокий реверанс. Гарон непонимающе хлопал глазами. Я же дикарка. Непонятная экзотика. Мне можно шокировать публику. – Сейчас экстерном прохожу обучение по первой ступени. Очень мало свободного времени.

Не дожидаясь ответа, подхватила брата под руку и потащила к двери.

– Нам уже пора уходить, или есть какой-то протокол по времени?

– Можно, – ответил он, – давно хотел свалить, но тебя дожидался.

Тут еще Гарон насел – кто ты и откуда...

Мы входили в лифт, когда слева из сада вышли император и лорд Кагоа. Торговец мгновенно уставился на меня пустыми светлыми глазами, вычленив нашу парочку из толпы. Мороз по коже. Я демонстративно отвернулась. Интересно, до чего они договорились? И не пора ли мне уже просить императора снять барьер? Самое время. Он хочет меня продать, но и у меня есть встречное требование. Значит, поторгуюсь.

Глава 15

Утро началось с входящего сообщения. Вчерашний вечер я потратила на лекцию о планете Край-Верея, поэтому заснула поздно. Не помогали ни успокоительное от Исы, ни ее же объяснения по поводу местных обычаев помолвок. Она убеждала о том, что по закону никто насильно меня замуж не отдаст, в этом мире нет рабства, я сама вправе выбирать или жениха, или жить одной. Все равно я нервничала. Почему-то вспоминала дом, родителей, сестер. Хотелось плакать.

Всего неделю я здесь, а кажется, прошел год. И пусть вернуться домой означало вернуться к Амедалу, я жаждала этого всем сердцем. Разберусь. Не монстр же он, в самом деле. Исполню его дурацкое пророчество, убегу барьер, больше не нужно будет мне угрожать, да и брюнетки ему не нравятся, сам говорил. Перекрашивать волосы – последнее, что стояло у меня в планах.

Взбодрившись после утреннего душа, натянув домашний костюм, я открыла, наконец, почту.

«Лорд Кагоа выслал расписание ваших свиданий». И дальше по тексту...

Расписание? Серьезно? Нервно хихикая, я по диагонали пробежала глазами экран. Три раза в неделю, по два часа. Ну что ж, хорошо, что не сразу в храм, или что у них там вместо...

– Иса, ты это видела? – весело поинтересовалась я, направляясь на кухню завтракать.

– Да, Зои, я просматриваю почту и заново график встреч в твой календарь.

– И что меня ждет сегодня?

– Сегодня в шесть тебя встретит личный водитель лорда на крыше дома Акиланосов и отвезет в ресторан Сольвейн, там вы поужинаете.

– Класс, – не удержалась от язвительности я, – а если ужин затянется больше, чем на два часа? Что тогда? Не доев десерт, расходимся?

– Не могу знать, Зои, – ответила бесстрастно Иса. Я же, представив, как меня, вцепившуюся в пирожное зубами, тащат в

аэрокар, приговаривая: «Ваше время вышло», несколько минут смеялась без остановки.

– Можешь ему отправить ответ? – утирая слезы, поинтересовалась после.

– Конечно, Зои.

– Напиши, что мы не были представлены друг другу, я не встречаюсь с незнакомыми людьми, и вообще, у меня другие планы на вечер. Не слишком грубо?

– В самый раз, Зои. Отправляю. – Иса тоже умеет остричь?

Позавтракать я успела. Даже успела позаниматься на тренажере, сделать массаж и маникюр, параллельно слушая лекцию Исы об различии в брачных законодательствах самых развитых планет содружества – Лимпии и Край-Верей. Но после этого моя спокойная жизнь закончилась. От деда пришел месседж: «Срочно поднимайся ко мне». И пусть я ждала чего-то подобного – сердце испуганно заколотилось.

– Успокоительного? – сразу же отреагировала Иса, по браслету отследив изменения моего состояния.

– Нет, – отказалась решительно, – сейчас мне нужна трезвая голова.

Я переоделась в брюки и блузку, заплела косу и отправилась на бой с императором.

– Видимо, из-за недостатка образования и воспитания ты посмела так грубо ответить моему партнеру по бизнесу, уважаемому лорду Кагоа из Край-Верей... – начал свое пламенное выступление дед. Значит, лорд успел наябедничать. Гад.

– Я не знакома с этим мужчиной и... – попыталась отстоять свою позицию.

– Если бы осталась вчера чуть дольше, то успела бы, – отрезал император, – я договорился с Милу о твоей помолвке... – Увидев мое безмерное изумление, скорее показное, чем настоящее, дед вскинул руку. – И не спорь. Не знаю, почему он захотел именно тебя, но я не позволю разрушить выгодные договоренности. Конечно, Алисия была бы лучшей невестой. По крайней мере она хорошо воспитана и знает, что должна сделать для семьи...

Если он собирался меня смутить, сравнив с идеальной Алисией, то просчитался.

– Я ничего никому не должна, – отрезала грубо. Пора проявить характер, чем яростнее я буду отстаивать свою свободу, тем выгоднее смогу торговаться после. – Я в этом мире всего неделю, а меня уже пытаются продать?! Хорошие же у вас порядки... А вы не подумали, что в своем мире я, возможно, замужем и у меня трое детей?

– Не мели чушь, – император сбавил тон, не раздражение не улеглось. Еще бы – просто не получилось. Дикарка посмела возмутиться. – У меня распечатка с твоего медицинского сканера – ты, во-первых, девственница, а во-вторых, ни разу не рожала.

Да. Об этом я как-то не подумала. Меня подставили технологии. Теперь доказывать с пеной у рта, что замужем, смысла нет – никто не поверит.

– Как тратить люмы, заказывать одежду и драгоценности, так быстро сообразила, что к чему, а как сделать что-то для семьи...

Это он меня попрекает платьем? Сам же буквально в приказном порядке заставил... Я вскочила с кресла, словно меня вышвырнули тараном, и рванула к двери.

– Сейчас же принесу его назад. Носите на здоровье! – выплюнула ехидно.

– А ну, сядь! – рявкнул император так, что стены задрожали. Я медленно поплелась обратно. – Глупая девчонка! Я радею ради вас всех, ради тебя в том числе. Все выиграют от этого союза. Лорд хочет породниться со старой аристократией Люмии, ты станешь одной из самых богатых женщин в двух мирах. Да и в остальных тоже.

– Я не люблю его и не знаю, – буркнула, успокаиваясь.

– Любовь... Глупости. Лорд очень выгодный для семьи партнер, – продолжал убеждать император уже мягче, – мы с ним торгуем много лет. Может, ты не в курсе, но те кабины, которые вытащили тебя из того света, поставляет он. Семья Кагоа владеет научными лабораториями, институтами, фабриками...

Да, я слушала лекции по Край-Верее. Там нет единоличной власти и никогда не было. Даже королей не было, тем более императоров. Лордами назывались старшие наследники семей, представляющие ее на торговых площадках. Семьи владели одним видом промышленности. Были лорды, занимающиеся только металлургией, или строительством жилых домов, или добычей рыбы в океанах. Если интересы и пересекались, то незначительно. Лорды Кагоа продавали

вечную молодость, красоту, наслаждения, развлечения. У них были собственные эксклюзивные научные разработки в этой сфере, и берегли они их как зеницу ока. Ученые Лимпии много раз пытались разобрать по молекулам их репликаторы, но самим воссоздать что-то подобное пока не получалось.

– Зои, – примирительно произнес император. Я очнулась от задумчивости, сообразив, что большую часть его речи бессовестно пропустила. – Ради своей семьи ты должна согласиться на брак с Милу. Выучишься, сделаешь несколько пластических операций, приоденешься...

– Вы мне не семья. Моя семья осталась в мире Саэн, – отозвалась равнодушно, – как только я вспомню – все изменится. И если вы еще хоть раз скажете, что я должна делать или не должна, вы меня больше не увидите, так же, как свою прабабушку.

Ноздри деда гневно расширились. Мне показалось, что его сейчас разорвет от злости. Но реально он ничего мне сделать не мог. В этом мире насильно замуж не выдают. Я не Алисия. Пусть император хоть сто раз повторит, что я что-то кому-то обязана, личное дело каждого – следовать просьбе старшего родственника или нет. И он это знает.

– Что ты хочешь взамен? – Вот, наконец, он добрался до той темы, которая мне интересна. Начался торг. Я внутренне подобралась. – Драгоценности? Свой модельный дом? Остров? Собственный репликатор?

– Ничего из этого, – произнесла холодно, – мне нужно, чтобы вы сняли заградительный барьер моего мира. При этом условии я согласна продолжить общение с лордом Кагоа.

Глаза императора округлились. Он явно не ожидал подобного.

– Зачем тебе...

– Считайте это моей прихотью, – быстро прервала, чтобы он не успел ничего сообразить. – Я хочу сделать свою планету открытой для торговли. Она давно уже не агрессивная. Сто лет изоляции – слишком много.

Дед пожевал губами. Я терпеливо ждала. По его кислому виду можно было предположить, что попроси я остров или гору драгоценностей, ему было бы гораздо легче.

– Я не могу этого сделать, – впервые на моей памяти император выглядел растерянным, – снятием, как и становлением барьеров,

занимается совет содружества миров. Влияния на него я не имею.

– Но триста лет назад император Вивиан смог пролоббировать свои интересы ради дочери? И его закон приняли, – напирала я.

– Триста лет назад наша семья еще имела вес, да и ассамблея только-только начала работать и состояла лишь из десяти миров. Давить на нее было проще.

– Ну нет так нет. – Я решительно встала из кресла. Вот и посмотрим, какой ценностью я обладаю и как сильно хочет император продать меня лорду.

– Подожди! – Император вскинул руку, останавливая мой порыв уйти. – Я попробую. Из Лимпии в совет входит наш дальний родственник. Надеюсь, он согласится помочь.

Я подозрительно рассматривала хитрое морщинистое лицо. Соврал или нет? Как бы там ни было, от нескольких свиданий меня не убудет. Даже интересно будет поставить на место зарвавшегося выскочки, считающего себя вправе вытирать о женщин ноги.

– Договоримся на месяц, – произнесла я жестко, – не знаю, сколько длится помолвка в вашем мире, но через месяц я или выйду замуж за лорда, или откажу ему. Все в ваших руках.

«Приятного дня, дедушка», – мысленно добавила, выходя из кабинета, оставив за спиной скрипящего зубами императора.

Через час прилетело сообщение, отличающееся от предыдущих, как небо и земля: «Заберу сам. Будь готова в шесть. Милу». И никакого расписанного по дням графика свиданий. Умный парень, учится буквально на глазах. До этого сообщения были обезличенные, словно их писал его секретарь. В них просто сообщали, что будет то-то и то. Сейчас же пришло почти нормальное дружеское. Подобное тем, которые я пишу Даньке.

Он, кстати, заскочил на полчаса, поздравить с помолвкой и рассказать, что у него появилась насчет меня одна мыслишка. И если дело выгорит, то я стану богатой, независимой и дословно «круче всех». Что это значит, так и не объяснил, только заинтриговал.

– Алиска рвет на себе волосы, – хихикнул он, опять опустошая мои запасы комбинезонов для эскапа, – суперского жениха упустила.

– И что в нем такого... замечательного? – Я непонимающе уставилась на веселящегося парня. – Ледяная глыба, не способная ни на эмоции, ни на чувства. Могу отдать обратно хоть сейчас.

– Деньги, детка, деньги! – мальчишка легонько щелкнул меня по носу. – Их у лорда столько, что Алиска могла бы хоть каждый день в репликаторе зависать. И Гарон в пролете, что радует.

– А при чем здесь Гарон? – Я уже ничего не понимала, но послушно отправилась на кухню за Даниром.

– Мне отец поставил запрет на юлу, – пояснил парень, заказывая два бокала этого зеленоватого слабоалкогольного коктейля, – а у тебя запрета нет. Да, Исочка?

– Да, мой повелитель, – отозвалась Иса. Я только неодобрительно покачала головой.

– А Гарон... – Данир сделал большой глоток и начал рассказывать: – Он еще на семейном сборище закинул мне идею, что вам бы не мешало пожениться. – Я округлила глаза – еще один жених? Откуда столько? – Типа он понимает, что случайно получил дар. Ни у его отца, ни у деда дара не было. Каким ветром ему принесло – неизвестно. Так вот, давно есть запрет на браки между родственниками, но ты так далеко от Акиланосов, что можешь считаться чужой. И соответственно, на тебе можно жениться, чтобы уж гарантированно получить ребенка с даром. Как идея?

– Идиот.

– Вот и я ему так сказал. А сейчас, после твоей помолвки, ему уже точно ничего не светит. – Данька, допив первый бокал и подхватив второй, направился на выход.

– Не трусь! – крикнул он у двери. – Скоро порадую тебя! Осталось кое-что проверить.

«Да я и не трушу, – пробормотала под нос, – только боюсь очень». Того, что не смогу снять барьер, что Амедал не сдержит слово и заберет родителей с сестрами к себе.

– Иса, мне есть что одеть на свидание? – Пора братья за ум и начинать очаровывать жениха. Если он вообще способен очароваться. Но зачем-то я ему понадобилась, значит, способен.

– Можем создать что-нибудь новенькое, Зои. В базе появились интересные модели. Меня апгрейдят каждую неделю.

– Давай. Мне как раз нужно убить час до обеда.

Глава 16

Я стояла на крыше башни Акиланосов и смотрела вниз с высоты более километра, ладонями упираясь в воздушный барьер. Было и жутко страшно, и жутко захватывающе. Вдалеке синел океан, через который я летела сюда из Аякса, внизу зеленым сплошным ковром расстилались парки, газоны, огромные разноцветные цветники. Как бы я хотела увидеть все вблизи. За неделю нахождения здесь я ни разу не ступала на землю.

Вдруг я почувствовала, что кто-то стоит за моей спиной. Обернувшись, увидела «жениха». Он молча рассматривал меня своими холодными льдисто-голубыми глазами с вялым исследовательским интересом, как на необычную залетную букашку.

– Красиво, – пробормотала я смущенно. Блондин перевел взгляд за мою спину и слабо пожал плечами:

– Ничего особенного.

Это для него ничего особенного, для меня же внизу расстился прекрасный неизведанный мир.

– Милу Кагоа, – произнес он сухо. Я непонимающе нахмурилась. – Ты же не встречаешься с незнакомцами. Теперь знаешь, как меня зовут.

Значит, он все-таки читал мои сообщения, а то я думала, что и пишет их, и читает его секретарь.

– Зои Акиланос, – так же холодно ответила я.

– Если формальности соблюдены, прошу следовать за мной. – Блондин отвернулся и направился в сторону стоящих на крыше аэрокаров. Я поплелась за ним. Начало свидания не задалось... Я вспомнила, как сломя голову летела на каждую встречу с Робертом, как радостно стучало сердце при виде жениха, как мы при каждом удобном случае хватались за руки, улыбались друг другу, смеялись, вместе заканчивая одну случайную фразу...

– Зои, – ледяной тон Милу выдернул меня из воспоминаний. Он стоял у открытой двери аэрокара с вытянутой рукой, ожидая, когда я соизволю войти. Я хмуро скривилась и шагнула внутрь.

– Я передумал. Сегодня поужинаем в Гайми-парке. – Я равнодушно пожала плечами и отвернулась к окну. Там было интереснее, чем смотреть на ледяную восковую маску, заменявшую лорду лицо. Нет, выглядел он неплохо – писанный красавец. Гладкая кожа без намека на щетину, ровный тонкий нос, голубые глаза, светлые пепельные волосы. Слишком идеальный, чтобы быть настоящим. «Наверное, тоже любит посещать репликаторы», – подумала скептически.

Всю дорогу лорд то посылал сообщения через ком, то разговаривал по нему же с разными людьми. Я не прислушивалась. Какие-то активы, индексы, акции. Я даже приблизительно не знала, что это. Промелькнуло знакомое слово «биржа». У нас так называли крупные оптовые рынки. Лорд когда-нибудь отдыхает? Или работает круглосуточно и круглогодично?

Мы сели на крышу очередной башни. Она казалась хрустальной, сверкала и переливалась на солнце, словно огромный бриллиант. Гигантские движущиеся буквы опоясывали здание – «Гайми-парк». Иса рассказывала, что это крупнейший развлекательный центр столицы, да и не только столицы, но и всей Лимпии. Владели им, естественно, Кагоа.

Личный кабинет Милу находился на самом верху. Нам даже не нужно было садиться в лифт – со стоянки аэрокаров на небольшой платформе мы спустились в странную, похожую на сказочную пещеру комнату. Это была не роскошь в полном понимании слова, это было волшебство. Сначала она была темной, стены ее сверкали, словно вкраплениями драгоценных камней, потом Милу что-то нажал на стене, и она посветлела. Я непроизвольно ахнула – стен, потолка не существовало: комната парила над городом, медленно проплывая над вершинами знакомых башен, которые я видела неделю из своего окна. Но страшно почему-то не было, то ли в воздухе был распылен наркотик, убивающий боязнь высоты, то ли я привыкла к ней, живя на сто девятом этаже.

Милу махнул рукой в сторону стоящего в центре стола с двумя удобными креслами. Я осторожно села, не отрывая взгляда от проплывающих мимо серебристых шпилей. Через некоторое время город кончился, мы зависли над океаном, а затем начали медленно опускаться вниз. Комната погрузилась на дно. Рядом со мной

проплывали огромные рыбы, я протянула руку, пытаюсь до них дотронуться, но пальцы прошли сквозь серебристое тело.

Если Милу собирался меня поразить – ему это удалось. Сам же он продолжал вести переговоры по кому, совершенно не обращая внимания ни на меня, ни на рыб, ни на девушку официанта, которая смиренно дожидалась у двери, когда на нее обратят внимание. Иса рассказывала, что в элитных заведениях прислуживают живые люди, тогда как в обычных – андроны, или вовсе заказывают еду через вирт меню стола, как у нас в кухнях. По-моему, так было даже удобнее, меню сразу показывало внешний вид блюд уже в тарелке, а также список ингредиентов, калорий и прочее.

Наконец Милу закончил разговор и подозвал девушку.

– Два фирменных и бутылку Асаны. Дополнительно для моей спутницы салат из лами и суфле. – Девушка удалилась, а Милу опять уткнулся в ком. Накатило раздражение. Не то чтобы я возмущалась, что без меня мне выбрали еду... Я не знала здешнего меню, но мог бы хотя бы сделать вид, что интересуется моим мнением.

Я опять отвернулась к завораживающим видам. Комната поднималась и вскоре вынырнула из воды. Мы оказались в густом лесу. Все было так натурально, что, казалось, я даже чувствовала свежий пряный запах древесной коры.

Принесли блюда. Передо мной поставили что-то сложное, уложенное причудливыми завитками, видимо, салат. Я осторожно наклонилась и понюхала. Скорее всего, какие-то морепродукты, приправленные странными фиолетовыми листьями с резким запахом. Нужно сфотографировать и отправить Исе, пусть скажет, что это.

Я подхватила вилкой листик и отправила в рот – надеюсь, не отравлюсь. Листья оказались чуть сладковатыми, с явным вяжущим эффектом. Необычно. Я протянула руку и взяла тонкий переливающийся бокал, в который официантка налила вино... или что-то похожее.

Странное свидание. Я смотрела на мужчину, который пригласил меня, но сам занимался чем угодно, только не знакомством с невестой. С момента нашей встречи он не переставал работать, переписываться, торговаться, что-то продавать и покупать. Я не интересовала его ни в каком виде, зачем тогда все это? Меня заткнули красивыми видами и вкусной экзотической едой, чтобы не мешала?

Увы, мне этого мало. Представление пора заканчивать. Дождавшись, когда Милу в очередной раз отвернется к стене, споря и доказывая что-то по кому, я тихонько встала и выскользнула за дверь, слабо улыбнувшись ошарашенной девушке, стоявшей у входа.

– Исочка, – я тронула браслет, – вызови мне аэрокар на крышу Гайми-парка.

Еще в самом начале Иса говорила, что она подключена к общегородской сети, может управлять такси, заказывать столики в ресторанах, бронировать билеты в оперу и так далее.

– Конечно, Зои. Подходи в пятый сектор, тебя ожидает машина. – И через мгновение: – Свидание не удалось?

Я залезла в подсвеченный логотипом моей семьи аэрокар и приказала лететь домой.

– Не сказала бы, что не удалось... – фыркнула я со смешком. – Кое-какие полезные выводы я все же сделала. Один из них – не собираюсь терпеть пренебрежение даже от супербогатого лорда. Единственное, что осталось со мной, – это чувство собственного достоинства. За него и держусь.

Свидание было? Было. Милу сделал шаг – я ответила своим. Один-один. Дальше его ход. Не хотелось ни вспоминать, ни анализировать. Исе я сказала правду – ничего хорошего от лорда Кагоа я не ожидала. Встреча с ним лишь подтвердила мои собственные мысли об этом человеке как о бесчувственном равнодушном торговце. Не удивлюсь, что ему и невесту выбирал секретарь.

Край-Вереею открыли не так давно, как иные миры, прошло всего двести лет. Возможно, у них на планете другое отношение к женщинам и его поведение было в пределах нормы? Стало даже любопытно, через сколько времени он заметит мое отсутствие, если за полчаса ужина он не взглянул на меня ни разу?

Как бы там ни было – плевать. Я не собираюсь за него замуж и на свидания хожу только по приказу деда.

Дома я с удовольствием избавилась от брючного шелкового костюма, в который облачилась для встречи. Приняла душ и переделалась в домашнее. Растянулась на кровати и попросила Ису включить мне какую-нибудь знаменитую местную постановку. Пора приобщаться к культуре.

На огромном экране, развернувшимся через всю комнату, начался трехмерный спектакль с уклоном на древность. Действо разворачивалось в первом открытом мире, где случайно встретились юноша из отсталого мира и девушка из Лимпии. Классика жанра. Я даже увлеклась немного, переживая трудности влюбленной пары, как свои собственные.

Из спектакля выдернуло сообщение. Иса остановила показ.

«Я неправильно начал» – говорилось в нем. Я сразу поняла, от кого месседж. Плюс один балл в копилку Милу, по крайней мере, он умеет замечать и признавать свои ошибки.

«И неправильно продолжаешь», – напечатала в ответ.

«Предлагаю начать заново. Завтра в то же время на том же месте».

«Согласна».

Какая-нибудь следующая Алисия или Милена скажет мне спасибо за воспитание этого сухаря.

Глава 17

– Я все перепроверил и оказался прав! – утро началось с криков Данира по кому. – Открывай, сестра! Нас ждут великие дела! Мы круто разбогатеем!

– Дай хоть умыться, – пробормотала я, давая разрешение брату на вход. Тот влетел ураганом в своем разноцветном рванье, сверкая белозубой улыбкой, потирая руки.

– Встретимся на кухне. – Я поплелась в душ. – И не вздумай брать юлу с утра! – крикнула из коридора. – А то поставлю запрет.

Как же быстро развращает праздность. Дома я никогда не позволяла себе вставать так поздно. Наоборот – поднималась с первыми лучами солнца. Когда все преподносят на блюдечке – безделье и лень затягивают. Мыть посуду не нужно, убираться тоже. Ночью Иса выпускает в апартаменты маленьких юрких роботов, которые делают уборку. Одежда – любая, еда – тоже. В домашнем салоне стоят автоматы, делающие и массаж, и маникюр, и маски на лицо и тело. Пусть для чего-то более серьезного нужно было лететь в специализированные заведения или ложиться в репликатор, мне пока хватало и этого. Единственное, что я не попробовала за эту неделю, – эскап. Ничего, все впереди.

– Смотри, что я нарыл. – Данька чуть не подпрыгивал на высоком стуле. Я подошла и села рядом, заказывая смесь злаков и бокал аравы, свой обычный завтрак. – Оказывается, ты отпрыск первой ветви рода. Твоя сбежавшая родственница была единственной дочерью императора. Кроме нее у императора не было детей, и после его смерти титул перешел к кузену.

– И что это значит?

– Это значит, что твоя кровь старшая. И что наследство, оставленное императором своей дочери, твое. Пишем семейному адвокату. За триста лет там набежали нехилые проценты. Дед не имеет права к тебе протягивать руки и тем более упрекать в тратах на одно несчастное платье и колье.

– А как мне доказать? Вдруг я вру?

– Блиин. Ну ты темная. А генетический анализ на что? Мы твой геном разложим по полочкам на тысячу лет назад. Каждый твой предок отмечился в нем. Есть кусочки от Вивиана и Соньи. Сейчас технологии не в пример трехсотлетним. Уверен, локон твоей сбежавшей родственницы до сих пор лежит в семейном хранилище. Это такая традиция. Мой тоже забрали в пять лет.

– Дань, – я скорчила умоляющую рожицу, – займись этим... потихому. Мне сейчас портить отношения с дедом нельзя. У нас договоренность. Вот если он ее нарушит – тогда и карты в руки.

Данир нахмурился. Он был явно недоволен моим решением. Ему хотелось уже сегодня начать боевые действия, а я отказалась. Я хотела поставить деда на место, но позже. Да и люмы мне ни к чему. Что я с ними буду делать дома?

– Ладно, я пока подготовлюсь. Но с тебя должок, – он тряхнул разноцветной головой, – поделишься наследством.

– Не вопрос, – ответила я его же словечками. Почти смирилась, что в семье процветают товарно-денежные отношения. Сначала для меня было дико слышать, когда твой родственник за каждую, даже мелкую услугу требует вознаграждение. Сейчас привыкла. Данька нормальный брат, и я его даже полюбила, но постоянно слышать – будешь должна – напрягало. Алисия вон тоже не захотела помогать бесплатно.

Как могут такие богатые люди быть такими жадными? В нашем мире самым естественным порывом было помочь ближнему, когда он попал в трудную ситуацию. «Мы все в одной лодке», – часто говорил отец. И он имел в виду совсем не территорию нашего королевства.

Моя семья была простой, не кичилась титулами, не смотрела на людей свысока. Может быть, потому что мой дедушка хоть и был богатым бароном, бабушка была из народа. Однажды, в одном маленьком приморском городке, проезжая мимо с отрядом гвардейцев, дедушка увидел молодую цветочницу и влюбился без памяти. Привез ее в свой замок, женился и любил до самой смерти, которая у них и случилась с разницей в две недели. Мы похоронили их десять лет назад на нашем семейном кладбище, я любила приходить к ним, приносить цветы, восхищалась их глубокими чувствами и сама хотела так же когда-нибудь влюбиться.

В этот раз подготовиться к свиданию я решила более тщательно. И дело вовсе не в наряде. Я вытянула окно из браслета и набрала в поисковой строке: «Семья Кагоа. Край-Верея».

Не скажу, что информации было много, но и то, что мне удалось узнать, впечатляло.

Давным-давно, на своей планете семья Кагоа была одними из многих. Но только после того, как открылся проход в Лимпию и Край-Верея вошла в содружество, благосостояние лордов взлетело на самый верх. Какой же из королей не захочет жить сотни лет? Или его жена, или дочь... Какая фаворитка не пожелает сохранить красоту на долгие годы? Они продавали мечту, здоровье, наслаждения. И им платили за это любые деньги.

За двести лет после открытия Край-Вереи семья моего жениха приобрела такое влияние, что породниться с ней хотели все. Матерью Милу стала принцесса Санна, единственная дочь одного из верховных правителей планеты Кадар, очень развитой и богатой на ценные минералы – золото, платину, алмазы, сапфиры. В приданое семья Кагоа получила неограниченную добычу на столько лет, сколько проживет отец Санны. Понятно, что самые современные репликаторы и медицинские кабины поставлялись туда.

У самой Лимпии почти не осталось своей промышленности, но она была, есть и будет главной планетой в содруестве только потому, что есть центр всего – и культуры, и торговли, и светской жизни. Основная часть планеты живет за счет туристического бизнеса, пошлин за переходы, торговлю. Она как один огромный транспортный терминал. Все биржи перенесены сюда, сделки заключались тут же, каждый правитель считал своим долгом иметь особняк или башню в столице, отдать своих отпрысков на учебу в ее школы, или как здесь говорили, ступени.

Милу был старшим сыном владельца компании «Стандарты красоты и здоровья Кагоа». Отец передал ему правление двадцать лет назад, и за эти годы оборот компании удвоился. На сегодня семья продавала не только репликаторы, медкабины и эскапы. Вся игровая и развлекательная индустрия была под ними. Научные гранты семьи Кагоа приобрели всемирную известность. Работать в их компаниях стремились и маститые ученые, и бывшие студенты.

Даже та живая ткань, из которой было сделано мое платье, – разработка их компании. Если я правильно поняла, исследования касаются химических элементов. Каждый элемент они разделили на молекулы, а молекулы на атомы. Моих знаний не хватало, чтобы понять специфику, но то, что я видела своими глазами, – вещество, из которого сделаны медицинские комбинезоны, твердеющее при соприкосновении с кожей человека, превращающееся в ткань, юбка, избегающая прикосновения с ногой, гель в репликаторах, проникающий в каждую клетку тела, которым можно дышать... поражало.

Когда я попросила Ису адаптировать для меня научную статью, в которой я не поняла ни единого слова, она пересказала следующее – Кагоа могут менять кристаллическую структуру вещества таким образом, что при соприкосновении с другим веществом меняется его кристаллическая структура. В общем – ничего не понятно.

– Не переживай, – резюмировала Иса, – большинство жителей Лимпии также ничего не понимают в этих исследованиях, как и ты.

Моему жениху было сорок лет. Самое время жениться, по здешним понятиям. Я не удивилась возрасту. Если деду было сто двадцать, а выглядел он на пятьдесят, максимум шестьдесят, то разработчикам репликаторов позволено выглядеть на двадцать пять. Но разница между нами все равно нервировала. Почти в два раза. Милу гораздо опытнее меня, и воевать с ним будет сложно.

В этот раз лорд приехал раньше. Я вышла за десять минут до шести, чтобы успеть полюбоваться видом с крыши, но жених уже ожидал у купола. Плюс один бал. Мы сели в его навороченный аэрокар и полетели на юг. Сегодня Милу не писал бесконечные сообщения и не заключал сделки по кому. Может быть, он и вовсе его отключил?

Я оценила уступчивость жениха. Всю дорогу мы искоса молча посматривали друг на друга, хотя я, наверное, все же больше в окно. Прилетели на странный открытый ресторан прямо в океане, представлявший собой огромный плавающий понтон. Аэрокар сел на стеклянную воздушную подушку.

– Надеюсь, защитная стена у них есть, – улыбнулась я, беря лорда под руку, спускаясь по ступеням, – не хотелось бы бултыхнуться.

Столики стояли довольно далеко друг от друга, по кругу у внешнего края платформы, в центре находились кухня и барные

стойки. Народу было немного, но все как на подбор – властелины мира. С надменными холеными лицами в компании красивых раздетых кукол. Еще одно пафосное место?

– Конечно, есть, – отозвался Милу, усаживая меня за столик у самого края, – иначе из-за ветра и шума мы бы не смогли услышать друг друга.

Было заметно, что он старается выглядеть вежливым. Осторожничает, присматривается. И пусть мои вопросы, скорее всего, кажутся ему детским лепетом, он не игнорирует их. Даже поинтересовался, есть ли у меня предпочтения в еде. Не иначе как прочитал какой-то местный свод правил поведения для женихов. Хорошо, что первый император в нашем мире был выходцем из этого и установил похожие порядки. Многое у нас совпадает. Культура общения, манеры, этикет.

Живой официант принес напитки. До этого момента я рассматривала водную гладь, простирившуюся во все стороны, поражаясь тому, что барьер отсекал звуки, ветер, но пропускал неповторимый запах и очарование океана. Я повернулась к столу и заметила, что Милу давно и пристально наблюдает за мной.

– Мы с тобой оба сильные личности, – начал говорить он медленно и задумчиво, – я оценил твою выдержку и согласен на уступки. Но и ты должна пойти навстречу.

Я подобралась в удобном кресле, приготовившись слушать, отодвинув в сторону возмущение по поводу того, что я вообще не обязана уступать, ведь я не собираюсь замуж. Но лорд-то этого не знает.

– Я не всегда могу отключать ком. Иногда мне придется отвлекаться на важные разговоры. – Я улыбнулась краешком губ, вспомнив вчерашние «отвлечения». – Понимаю, что ты привыкла к другому общению и другим ухаживаниям. Ты женщина из другого мира и...

Я смущенно кашлянула, прерывая разглагольствования лорда.

– Дело в том, что я потеряла память после сильного удара головой. Дед разве не говорил?

Впервые я увидела на лице жениха заметную эмоцию. Снисходительное высокомерие, так бы я ее назвала.

– Ты можешь рассказывать другим по поводу своей амнезии, но не мне, – отмахнулся он небрежно, – люди, потерявшие память, не ведут себя так уверенно и не ценят себя так высоко. Ты что-то скрываешь или преследуешь какую-то цель. Не хочешь говорить – не нужно, я сам узнаю, рано или поздно. Надеюсь, она не помешает нашему союзу.

В точку, лорд Кагоа... Еще как помешает.

Милу положил руки на стол, я невольно обратила на них внимание. Холеные, ухоженные, с прекрасным маникюром, гладкой кожей. Совсем не такие, какие были у Роберта. У того всегда были сбиты костяшки, не сходили заусеницы и кровавые царапины. В общем, как и у меня. В карьере, где мы занимались раскопками, от летящих сверху камней не могли защитить ни перчатки, ни щитки на лоб.

– Я немного разузнал о мире, из которого ты пришла, – продолжал говорить лорд, а я мысленно добавила еще один балл в его копилку. – Саэн. Когда открывали барьер сто лет назад, аборигены напали на дипломатов с пороховыми мушкетами. Делаю вывод, что ваш мир не слишком развит, а значит, у женщин подчиненное положение, как и у всех отсталых миров. Может, и есть кое-какие свободы, но немного. Не знаю, кем ты была в своем мире, но явно не последним человеком. Скорее, имела и титул, и влияние.

Мои губы дрогнули в улыбке. Не удержалась. Она тут же была замечена лордом как подтверждение его словам.

– Ты не ведешь себя так, словно ничего не помнишь. Ты зажата и сдержанна, одеваешься в закрытые наряды, но... тебя не шокируют полуобнаженные тела, в тебе есть гибкость мышления и способность подстраиваться под обстоятельства. Я заметил попытку прикрыть спину распущенными волосами. – Он немного помолчал. – Тебе явно непривычно называть меня на ты, почти незнакомого человека, соответственно ты воспитывалась в патриархальном мире с архаичными манерами общения. Но ты называешь и ни разу не ошиблась, хоть и морщишься каждый раз.

Я была права. Теперь понимаю, что он вполне мог меня хорошо изучить за те два раза, когда мы сталкивались. Его способность подмечать детали поражала. С другой стороны, он бы не был столь

успешным торговцем, если это было не так. Впервые я столкнулась с человеком, который просчитывает все на два хода вперед.

– Ты произвела хорошее впечатление на императора Акиланоса. – Я удивленно приподняла бровь. Лорд пояснил: – Большую часть я восхвалений я отметаю как попытку набить тебе цену, но даже с Алисией он меньше разглагольствовал. А она была единственной невестой с даром до недавнего времени. Он сказал, что ты вежлива, сдержанна, с легкостью заводишь друзей, любишь учиться, не подвержена пустым тратам и мотовству...

Я молча переваривала услышанное. Император следил за мной? Или Иса по его просьбе?

Принесли салаты. Что с морепродуктами, я не присматривалась. Разговор с Милу заинтересовал сильнее еды. Мне было интересно – наконец я нашла достойного противника.

– Встречный вопрос, – произнесла, задумчиво склоняя голову набок, – почему я? Ты увидел меня несколько дней назад и сразу пожелал в жены? Увы, я не верю в любовь с первого взгляда. Если просто захотел породниться с императорской семьей, мог бы выбрать кого подешевле. Я догадываюсь, что дед немало за меня запросил.

Не буду же я рассказывать о том, что подслушала часть разговора в саду.

– Нет, конечно. Какая еще любовь? – Лорд пренебрежительно дернул уголком губ. – У меня столько денег, что я могу позволить себе делать что угодно и жениться на ком угодно. Ты просто удачно попала на глаза. Плюс – оказалась выходцем из этой жадной семейки. Я ценю эксклюзив. А ты – самая что ни на есть эксклюзивная вещь, такой больше нет ни у кого. Акиланос, с даром, да еще и с закрытого мира. Уникальный экземпляр.

Значит, вещь... В ответ я позволила себе лишь лукавую улыбку краешком губ. Лорд хищно прищурился, пытаясь ее разгадать. Не выйдет, дорогой жених. Ты прав – я слишком в себе уверена, чтобы поддаться на провокацию. Твое дело называть меня как угодно. Главное, кем я считаю себя сама.

Наш разговор стал похож на дуэль. Милу сделал шаг назад, а затем два вперед. А я пока лишь обороняюсь.

– Ты так не похожа на наших женщин, что неосознанно влечешь к себе своей тайной. – Милу лениво откинулся на спинку кресла. И

пусть он уже смотрел на меня не как на безмозглую куклу, но еще не на равную. – Хочется ее разгадать. Жаль, что через несколько лет ты станешь такой же, как и все...

Я с трудом подавила смешок. Если бы он только знал мои мысли, они бы его безмерно удивили. Я перевела взгляд за спину лорда. Он прав – я совершенно не похожа на женщин, сидевших за соседними столиками. Девушки были одинаковые, изящные статуэтки, вышедшие из-под резца одного мастера, прекрасные, изысканные, красивые, как сказочные птицы. Но мужчины не смотрели на них. Они вроде рядом, но в то же время далеко, уткнулись в коммуникаторы, постоянно с кем-то общаются, ведут переговоры, занимаются чем угодно, только не смотрят на своих женщин. Они им не нужны. Еще одно украшение, выгодное приобретение, ценная безделушка.

Я не собираюсь становиться подобием этих кукол. Да мне и не придется – вскоре меня здесь не будет. Лорд молчал, он сказал что хотел, обозначил свою позицию, теперь моя очередь вести беседу.

Я не собиралась разглагольствовать о сложных материях. Мне нужно протянуть всего месяц – я обещала деду послушно ходить на свидания.

– Это твое здание «Гайми-парк»? Точнее, твоей семьи?

– Да, – кивнул он, высокомерно усмехнувшись. Если он подумал, что я сейчас начну восхвалять его индустрию развлечений, то ошибся.

– А что значит «гайми»? Это же на языке Край-Вереи? Мой переводчик не смог перевести, или нужно, чтобы слово было написано на вашем языке?

Удивление лорда можно было пощупать. Что ж, сам сказал, что я не похожа на других, значит, и вопросы нестандартные.

– Это имя животного из моего мира, – лорд мечтательно улыбнулся краешком губ, а я залюбовалась совершенно изменившимся лицом, – сказочного животного. В легендах оно исполняет желания. Но редко кому удастся его увидеть.

– Красивое слово. Наверное, и животное красивое.

– Очень, – мягко произнес Милу, – если хочешь, могу показать. В фойе парка трехмерная модель Гайми. Она ходит между людьми и, конечно, шуточно, исполняет их желания.

– Согласна! – весело рассмеялась я. – Даже знаю, что у нее попрошу.

На нас начали оглядываться, видимо, смех – редкий гость в этом ресторане. Девушки поджимали губы, мужчины напряженно хмурились, пытаюсь разглядеть моего спутника. А лорду Кагоа было все равно, он же сказал, что при том количестве денег, что у него есть, он хоть на столе может сплясать – никто слова не скажет.

– Какое желание? Может быть, я могу его исполнить? – включился в игру лорд, посматривая на меня свысока с ленивым снисхождением.

– Секрет, – пригрозила пальчиком, – если в твоём мире есть Гайми, исполняющая желания, то в моём поверье – если его озвучить, оно не исполнится.

Вечер закончился даже лучше, чем ожидалось. Я увидела невероятное – скупую улыбку ледяного лорда. Алисия будет мне должна по гроб жизни. Выстругать из этой статуи человека гораздо сложнее, чем подобрать мне гардероб.

Обратно мы летели в дружеском уютном молчании, совсем не похожем на то, с которым направлялись в ресторан. А вечером мне на ком пришло сообщение: «Можно с тобой поговорить мысленно?» Я ответила согласием.

И сразу же в голове раздался голос Милу:

– Я просто хотел пожелать тебе спокойной ночи и сказать, что у меня давно не было таких приятных вечеров.

– Бедно и скучно ты живешь, мой лорд, – отшутилась я, мысленно добавив, если дружеская беседа и крошечный невинный флирт так тебе понравились, то пора менять жизнь, делать ее более разнообразной и солнечной. – Возможно, нужно почаще отключать ком?

В голове прозвучал отчетливый саркастический хмык.

– Меня еще никто не называл бедным, – рассмеялся он, – ты права. Ком реально мешает. Но дело не только в нем... – Лорд помолчал. – Постараюсь выкраивать время для встреч между переговорами.

– Уж постарайся. Спокойной ночи, Милу.

– До встречи, Зои. – И моя голова стала только моей. Постарайся не влюбиться, дорогой лорд. Иначе туго тебе придется. За себя я была спокойна – после Роберта я стала не способна на глубокие чувства.

Глава 18

Дед мог бы мной гордиться – я встречалась с женихом ежедневно, за редким исключением через день – когда Милу оставался в своем мире. Ни о каком расписании свиданий больше речи не шло. Жених поменял тактику. Теперь он каждый день прилетал на крышу башни Акиланосов и увозил меня в новое место, словно задался целью показать самые пафосные рестораны и развлекательные площадки столицы. Мы больше не затрагивали серьезные темы. Я поддерживала легкий разговор ни о чем, спрашивая иногда откровенную чушь, только бы не погружаться в молчание. Милу обстоятельно отвечал на мои вопросы, демонстрируя невиданную дипломатию и сдержанность. Казалось, ничто не может вывести его из себя. Ни мой корыстный интерес к устройству союза миров, торговле и проходам между ними, ни мое игнорирование его вопросов о моем прошлом.

Два-три часа в день было достаточно для легкомысленного, ни к чему не обязывающего общения, но мало для того, чтобы стать ближе. Мне это было не к чему, а Милу, казалось, и не стремился разглядеть во мне что-то глубокое. Некоторые ужины напоминали тягостную обязательную повинность, которую мы оба отбывали. Мне казалось, что, разговаривая со мной, Милу решает в голове какие-то свои задачи, даже при том, что он, как и обещал, ни с кем не общался по коммутатору.

Однажды я поинтересовалась, сколько в этом мире длится помолвка.

– Мы хоть завтра можем зарегистрировать семью в ассамблее, – пожал плечами Милу и добавил с легким интересом: – Ты согласна? Я-то давно все для себя решил.

То есть все эти бесконечные одинаковые неинтересные ужины – ради моего «привыкания» к жениху? Он что думал, этого требует мое «патриархальное» воспитание? Еще раньше я выспросила у Исы о брачных обычаях Лимпии. Она ответила, что брак давно отжил свое, большинство пар живут вместе, не регистрируясь. Длительность жизни людей увеличилась, поэтому мужчины и женщины в течение жизни меняли партнеров до десяти-двадцати раз, а то и больше.

Официальная регистрация сохранилась лишь у высшего света. Там действовали другие законы – брачные договоры, обмен состояниями, приданым, титулами и так далее.

– Нет, – ответила прохладно временному жениху, – еще повстречаемся. Только давай немного разнообразим свидания. А то со скуки умереть можно.

Милу иронично приподнял бровь.

– Лучшими свиданиями для Алисии были именно такие – посещение самых изысканных и роскошных заведений. Показать себя, посмотреть на других, похвастаться нарядами, драгоценностями, женихом.

Это же сколько он с Алисией успел насвиданничать, если до последнего тянул с подписанием договора?

– Я похожа на Алисию? – хмыкнула саркастически. Милу склонил голову набок. Некоторое время молчал, задумчиво рассматривая меня сощуренными глазами. Во льдисто-голубых глазах проносились сполохи невысказанных мыслей. Он переключал сознание. Как робот менял программу. «Апгрейдил...» – я мысленно посмаковала новое интересное слово.

– Извини. В очередной раз ошибся, – произнес он в конце концов, – пошел по простому проторенному пути. Но с тобой так нельзя. Сам же назвал тебя особенной. Мне нужно подумать...

Я чуть было не рассмеялась – выглядело так, словно у него в голове щелкнул тумблер. Вверх – Алисия, рестораны, концерты, казино и прочее. Вниз – Зои... Неисследованная территория, опасность оступиться.

– Ладно, – улыбнулась я, – не бойся, ничего сверхобычного не попрошу. Для начала покажешь Гайми, а потом можно съездить в Край-Верю. Данька мне про твой мир все уши прожужжал.

Глаза Милу блеснули неподдельным интересом.

– Ты хочешь посмотреть мой мир?! – пораженно переспросил он, и пока я не ответила, добавил: – С удовольствием покажу. Как только появится достаточно большое окно в графике.

– Договорились, – кивнула я, искренне недоумевая, что могло так удивить Милу. Алисия отказывалась посещать мир жениха?

Прошла неделя свиданий, началась вторая и моя третья в этом мире. По прошествии половины срока я написала деду сообщение:

«Как дела со снятием барьера? Удалось что-то сделать?» Пусть не думает, что я забыла о нашем договоре в пылу свиданий. Прошли почти сутки, когда он соизволил ответить: «Пока ничего. Я работаю над этим». Не хотела угрожать императору, но все же написала: «Две недели. Я или отказываю лорду Кагоа, или вы снимаете барьер».

Я искусственно поддерживала в себе решительность и непреклонность. На самом деле я изрядно трусила. Одна в чужом незнакомом мире, без денег, родных, близких. И пусть этот мир был намного доброжелательнее к чужеземцам, чем мой, иногда мне было страшно до дрожи в коленках. Поэтому идти на открытую конфронтацию с дедом я не хотела, а от наследства решила не отказываться, оно хоть немного уравнивает позиции.

Сегодня Милу, как и обещал, привез меня в Гайми-парк и провел на балкон фойе на первом этаже. Я смотрела вниз на золотистое сияющее нечто, бродившее среди визжащих детей и смеющихся взрослых, тыкающееся мордочкой в их ладони.

– Это Гайми? – я с улыбкой обернулась к лорду. Он кивнул. Животное напоминало помесь большой рыжей кошки и птицы серебристого цвета. С пушистым хвостом, большими треугольными ушами с кисточками, огромными круглыми глазами, гребнем и сложенными крыльями на спине.

– Красавица, – я не могла оторвать взгляд от сказочного персонажа. И вдруг услышала тихий голос Милу возле своего уха:

– Через час первые детские этажи закрываются, развлечения переносятся на сотый и выше. Мы можем подождать в моем пентхаусе, а потом спуститься, и ты в одиночестве загадаешь свое желание.

Я замерла. Так близко жених ко мне еще не подходил. Мы всегда держали дистанцию, ни объятий, ни поцелуев на прощание. Мне это было только на руку, я не собиралась к нему привязываться и думала раньше, что и ему не нужна наша близость. Ошибалась?

– Согласна, – ответила я, осторожно отодвигаясь от лорда. И только когда между нами опять оказалось привычное метровое расстояние, я смогла беззвучно выдохнуть.

Милу повел в отдельный лифт, который принес нас на последний этаж сразу в гостиную. Я сделал шаг и не удержалась от восклицания. Это была не роскошь в моем привычном понимании этого слова. Ни кожаных кресел, ни мраморных полов, ни позолоты или парчи на

стенах. Совсем другой порядок, другие технологии, от которых захватывает дух.

Воздух пах морем и сверкал, словно в нем была рассыпана алмазная пыль. Наркотик или что-то другое? Не знаю. Но как только я его вдохнула, мне захотелось улыбаться, обнять мир, поделиться своей радостью с каждым человеком. Под ногами голубой трепещущий ковер из... Воды? Не может быть! Я инстинктивно сбросила туфли, чтобы ощутить это чудо ступнями. Бросила взгляд на Милу, тот только снисходительно сощурился. Ногам стало щекотно, словно они погрузились в теплую пенную воду. Странное ощущение. Я прошлась вглубь гостиной. В огромном окне, заменяющем стену, простилался безбрежный океан.

– Но как? – произнесла я, повернувшись к лорду, тот у стойки заказывал напитки. – Гайми-парк стоит в центре столицы. До океана несколько километров.

– У тебя не возникло вопросов, когда на первом свидании кабинет опустился на дно океана или оказался в лесу? – Он взял бокалы и поставил их на маленький столик у широкого дивана. – В стекло встроены крошечные ретрансляторы, передающие тот пейзаж, который я хочу сейчас видеть.

– В реальном времени? – Лорд кивнул, подошел к стене и пробарабанил пальцами какой-то код. Океан сменился горами. Мы находились на вершине, усыпанной снегом. Воздух в комнате похолодел. Стал разряженным, колючим. Я вспомнила другие горы, по которым брела, не надеясь найти спасение. Настроение тут же испортилось.

– Смени, – попросила я Милу. Тот серьезно кивнул, догадавшись о том, что мне неприятно. Мгновение – и мы среди леса. Воздух в комнате наполнился кислородом, запахом листвы, коры деревьев. Под ногами мягкий пружинящий травяной ковер. Я уселась на диван и пошевелила босыми пальцами. Изумительно.

Хотела бы я здесь жить – бесспорно, хотела бы я поменять свой мир на этот – нет, никогда.

В голове прочистилось, словно выключили силой навязанную эйфорию. Взяв предложенный лордом бокал, я сделала небольшой глоток. Что-то слабоалкогольное. Покатав на языке фруктовую

сладость, я поставила его назад, не желая пьянеть. И так лорд смотрит не отрываясь, словно что-то задумал.

– Останешься сегодня? – вкрадчиво произнес он тихим хрипловатым голосом. – Я покажу тебе квартиру. Она занимает целый этаж, и в ней есть более интересные вещи, чем окно.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что он имеет в виду. Мы ступили на дорогу, которая вела лишь в одну сторону, и сойти с нее было бы проблематично, но я попыталась.

– Ты хочешь меня поразить край-верейскими технологиями?

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу показать, – тон чуть похолодел, – не делай вид, что не поняла.

Моя неумелая шутка показалась глупой и наивной. Взрослая женщина, а веду себя как ребенок. Я задумчиво прикусила нижнюю губу, напряженный взгляд лорда опустился на мой рот. Этого я и боялась. Рано или поздно разговор должен был состояться, особенно в свете царящего в этом мире облегченного поведения мужчин и женщин, беспрестанно меняющих партнеров.

– Думаю, еще рано переходить в эту плоскость, – выдавила из себя тихо.

– Все время забываю о твоём патриархальном воспитании, – отозвался он равнодушным тоном, словно предыдущее предложение было сделано так, навскидку – авось соглашусь. Милу не производил впечатления охваченного страстью мужчины. Он вообще не был похож на эмоционального человека. Робот, да и только.

– Неужели ты заставишь меня ждать брачной ночи? – Он чуть скривился, как будто эта мысль была ему противна. – Я читал, что в древних мирах берегли честь до самой свадьбы.

– Нет, вряд ли... – ответила уклончиво. Не из-за порядков моего мира, в нем бывало всякое – и постель до свадьбы в том числе. А потому что никакой свадьбы не будет. Да и незачем мне привязываться к временному жениху, а если мы начнем спать, это произойдет в какой-то мере.

– Ты слишком большое значение придаешь сексу, – произнес Милу, допивая напиток и ставя его на стол. Стекло громко звякнуло, словно лорд не рассчитал силу. Что было странным, так как он всегда и все рассчитывал до микрона.

– Тогда зачем? – Я вызывающе вскинула голову. Тема была неприятна, но если он вынудил меня отвечать, не буду трусить. – Получить разрядку? Ее ты можешь получить в эскапе. Он же именно для этого и создан. Я считала и считаю, что по-настоящему заниматься любовью можно только с любимым человеком. Иначе какой смысл?

– Любовью?... – насмешливо повторил он, неторопливо смакуя слово... – По твоей логике, если ты меня никогда не полюбишь, то и спать со мной не будешь?

– Рано или поздно какие-нибудь чувства появятся, – обтекаемо произнесла я, не желая отвечать на вопрос.

Милу решительно встал и демонстративно вызвал виртуальные часы на коме. Перед нашими лицами на мгновение зависли цифры двадцать один ноль ноль. Пора к Гайми?

– Чувства появятся. – Он отвернулся и направился к лифту, я, подхватив туфли, поспешила за ним. И уже у лифта услышала тихие слова: – Главное, чтобы не ненависть, как у моего отца с матерью.

Милу показал мне свой глубоко спрятанный страх? А я думала, что этот человек бесстрашен.

Мы расстались через полчаса на крыше башни Акиланосов. Холодно и молча, с обоюдным чувством досады. Даже знакомство с Гайми и заветное желание, озвученное ей в ухо, не изменило тягостное ощущение, оставшееся после разговора в его гостиной.

И пусть сказочное существо было ненастоящим, я с затаенной надеждой пожелала исполнить пророчество Амедалов, убрать стену и вернуться к родным. Что я еще могла желать в этом мире? Да, он прекрасен. Мне нравятся его легкость, небрежная фамильярность, беспечность, отсутствие трудностей. Но это и минус. Единственной целью для множества людей стало – заработать и потратить больше люмий. Они изо всех сил старались развеять скуку, выпить, наесться развлечениями до икоты, но сами не понимали, что их скука не вне, а внутри их. В головах и душах.

У меня даже мысли не было остаться здесь навсегда. Жить в этой сказке, на всем готовом. Когда любые блага падают с неба только потому, что ты родился на «правильной» планете... Заказывать еду или одежду одним нажатием кнопки, не мыть посуду, ни убирать за собой. Но... Праздность развращает. Здесь я буду одной из многих богатых девиц, придатком мужа, прожигательницей жизни. Через несколько

лет, когда новизна пройдет, Милу задвинет меня в угол, я стану бесполезной и ненужной. Как тогда я смогу жить?

Я безумно тосковала по своему миру, по родителям, сестрам, друзьям. Даже по трудностям, которые мы вместе преодолевали. Я отлично помнила, как после смерти Роберта мама каждую ночь в течение года приходила ко мне в спальню и плакала вместе со мной. Помнила, как сестры приносили еду и кормили с ложечки в первые месяцы, когда я была живым трупом. Купали, мыли мне волосы. Как папа ежедневно носил на руках в сад и нежно укутывал пледом.

Как никто из семьи не сказал ни слова, когда я отказала графу Каузу, и как единогласно поддержали меня, когда я решила родить ребенка для себя. Моя семья всегда стояла за меня горой, и я сделаю все для них. Вывернусь наизнанку, но сделаю.

Глава 19

Свободное от свиданий время я посвящала учебе. Впоследствии я планировала забрать эти знания с собой, в свой мир, и считала это самой большой инвестицией. Иса стала для меня идеальным лектором. Она адаптировала научные статьи простым понятным языком. Плюс любое новое слово, такое как галактика, гравитационная волна, шаттл или молекула, она сразу же расшифровывала. По моей просьбе она закачала мне в ком своды законов Лимпии и содружества миров. Буду изучать на досуге, когда вернусь в свой мир. Надеюсь, мой муж сдержит слово и после исполнения пророчества изменит жить в империи на более демократичную. Вот тогда мне и пригодятся эти знания. Иса подтвердила, что аккумулятора браслета хватит еще на сотню лет.

Я уже вполне сносно знала язык Лимпии, он действительно был очень похож на наш. Автоматический переводчик являлся и самообучающимся в том числе. Когда я спросила Ису: «Может быть, пора его вынуть из меня», она ответила, что чип носят все, язык Лимпии один из двадцати шести, и большинству людей не под силу выучить все языки содружества. Пусть остается.

Милу больше не пытался завлечь меня в постель. Наши свидания продолжались, такие же, как и раньше, – холодные, вежливые и бесстрастные.

– Через два дня состоится прием в Хрустальном дворце на Палии. – Я покопалась в памяти. Некоронованная столица Лимпии. Если Каратос столица административная, политическая и развлекательная, то Палия – культурная. Она находилась на огромном одноименном острове, в тысяче километров от нас. Милу продолжал:

– На нем я должен присутствовать с дамой. Нанимать эскорт не хочу, у меня ведь есть невеста. Вряд ли ты знаешь, но во всемирном информационном табло давно появилась запись о нашей помолвке. Высший свет и торговый мир знают о тебе, и многие жаждут познакомиться.

Верно разглядев на моем лице уныние, он добавил:

– Прости, но тебе придется присутствовать вместе со мной на приемах. Это обязанность жены. Немного архаичная, но древняя знать кичится тысячелетними устоями и не хочет их менять.

Я равнодушно пожала плечами. Меня и раньше удивляла эта самая «архаичность» императорской семьи. Неудобная мебель в кабинете деда – дань традициям, а не комфорту. Живой секретарь, неудобные церемонии посещения друг друга, мысленных разговоров.

– Завтра я пришлю платье и драгоценности. – Я не стала отказываться. Во-первых, понимала, что все будут смотреть на меня и придирчиво оценивать; во-вторых, не хотелось опять пользоваться кредитом семьи Акиланосов; в-третьих, помощь Исы, конечно, весомая, но она плохой советчик в выборе важного наряда. А в-четвертых, при деньгах лорда Кагоа, наряд – капля в море, пусть платит.

– Пожалуйста, пусть оно хотя бы прикрывает грудь и ноги, – припросила лишь смущенно.

– Не переживай. Оно будет приличным. Я помню твои предпочтения, – кивнул серьезно Милу и добавил задумчиво: – Почему-то и мне совершенно не хочется, чтобы твое тело видели другие мужчины. Не знаю, откуда взялось это чувство. – Он передернул плечами.

Весь вечер я изучала аристократию Лимпии и самых влиятельных королей и императоров из двадцати миров, тех, которые часто ее посещали. Иса показывала портреты элиты, их имена, имена жен, детей, скандалы, связанные с семьями. Голова кружилась от обилия информации. Так и подмывало плюнуть на все и никуда не ехать. До времени икс оставалась неделя, и если дед снимет барьер, мне больше не придется ходить на свидания и делать вид, что я пытаюсь ассимилироваться в этом мире.

Но странное дело – мне не хотелось подводить лорда Кагоа. Он попросил об услуге, всегда был честен, обходителен со мной, старался притереться, подстроиться под мои запросы. Это я врала и продолжаю врать. Как так получилось, что я прониклась к нему уважением? Ведь между нами по-прежнему стоит стена из его холодности и моей сдержанности.

Милу не был похож ни на одного из моих знакомых. Роберт был добрым ласковым мальчиком, готовым прийти на помощь, отдать

последний медяк. Милу же назвать добрым мог только совершенно не знающий его человек. Он не был похож на добродушного воспитанного Макса. Тот ставил долг и интересы империи на первое место, лорд же был абсолютным эгоистом, и если его что и интересовало, то лишь он сам, благополучие и богатство его семьи. Он не был похож на Амедала с его маниакальным стремлением подчинить всех, завоевать, унижить, уничтожить. Милу не нужно было ни подчинять, ни насиловать. Если я не соглашусь с ним спать, он пожмет плечами, развернется и с легкостью найдет другую кандидатку.

Увы, когда много времени проводишь с одним человеком, невольно начинаешь присматриваться к нему. До настоящего момента лорд не сделал мне ничего плохого. Наоборот – старался уступать, демонстрировал желание понять и сблизиться. За все время наших свиданий лишь однажды принял срочный вызов на ком, предварительно извинившись. Он серьезно рассказал, что прочитал о ритуалах ухаживаний в патриархальных отсталых мирах, и теперь приносил на каждое свидание живые цветы. Смешной. Он никогда не критиковал мою одежду, в которой я приходила на свидания. Даже если надевала обычные брюки, джемпер и выглядела замарашкой по сравнению с девицами, сидевшими за соседними столиками. Конечно, не исключено, что ему было просто все равно. Но пока лорд прикладывал больше усилий со своей стороны, чем я.

Так что сходить на прием – такая малость с моей стороны. Даже если придется выучить за два дня сотню имен.

Данир отказался идти. А вот император, Гарон и Алисия с родителями будут. Я немного расстроилась. Брат был отдушиной в этом странном мире. Он серьезно взялся за мое наследство и постоянно сообщал о результатах. То, что моя ДНК подтвердила прямую родственную связь с императором Вивианом и Соньей, я узнала еще на прошлой неделе.

– Подожди еще немного, – сказала я брату, – скоро все решится. Я скажу тебе, когда можно начинать процесс.

Данир скорчил очередную непонятную рожицу и со вздохом согласился.

Платье было закрытым. Лорд не соврал. Стойка-воротник, полностью закрытые плечи, руки, грудь, бедра. Юбка опускалась до пола и ложилась небольшим шлейфом сзади. Но... Во-первых, оно

обтягивало фигуру так туго, что ни о каком белье речи не шло; во-вторых, по всему платью располагались множественные узкие, шириной не более сантиметра, вертикальные разрезы. Как раны, нанесенные стилетом. Они не открывали тело так, что можно было что-то рассмотреть, но выглядели жутко провокационно. Шея, кусочек груди, плечо, бок, бедро. На спине узкая лента кожи опускалась на ягодицу.

– Вау! – только и произнес Данир, увидев меня в нем. – Все мужчины будут твои. Это платье круче наряда Фионы, той, что была в бусах на прошлом семейном сборище.

Добавить еще, что платье было из живой ткани насыщенного бордового цвета, и даже моя смуглая кожа в разрезах выглядела белоснежными художественными росчерками. Из драгоценностей передали лишь серьги и алмазные заколки в волосы. Да, здесь нужна высокая прическа, спину скрывать не нужно. Туфли я подобрала удобные, ног видно не будет, поэтому зачем зря страдать, ковыляя на каблуках?

Император с семьей летели каждый на своем аэрокаре, мы с Милу отправились отдельно. Жених, встретив меня на крыше, молча осмотрел с ног до головы, сжал губы и сглотнул. Потом подал руку и проводил в аэрокар. Сам он был одет в очередной строгий элегантный костюм. При близком рассмотрении я увидела, что он тоже из непростой ткани.

Когда я села на сиденье, разрезы на бедрах не стали шире, ткань жестко держала форму. Это было так удивительно, что я на мгновение приклеилась взглядом к голой полоске кожи на ноге. Вдруг сбоку вытянулась мужская рука и длинные пальцы медленно провели снизу вверх по разрезу. Кожа тут же покрылась мурашками.

– Как только увидел тебя в этом платье, сразу захотел это сделать, – низким гортанным голосом произнес Милу. Я бросила косо взгляд на сидящего боком мужчину. Почему-то стало неудобно. Аэрокар оказался гораздо меньше, чем был раньше, сиденья приблизились друг к другу, а воздух сгустился до состояния патоки.

Я смущенно перевела взгляд на панель управления.

– Кто за рулем? – попыталась пошутить. Жених смотрел на меня, не отрываясь, темными блестящими глазами, лицо было непроницаемо, лишь ноздри чуть трепетали.

– Автопилот, – холодно ответил, отвернувшись и уставившись перед собой. Прокашлялся и добавил: – Ты права в том, что выбираешь закрытые наряды. Когда додумываешь, что под ним...

Я только хмыкнула. Когда я одеваюсь, последнее, что имеет для меня значение, – кто и о чем думает.

Народу было невообразимое количество. А я боялась, что не запомню выученные лица. Да мне нечего было и стараться это делать. Здесь собралась вся знать из двадцати шести миров, включая Лимпию. Сам дворец состоял из тридцати двух громадных залов, по одному на каждый открытый мир, собранных вокруг центрального – Лимпии. Семь из них пустовали, агрессивные. Хрустальные купола над залами были выложены символикой каждой планеты. Хотелось увидеть Саэн, но Милу сказал, что он пуст и купол просто прозрачный, смотреть там не на что.

Спустя некоторое время я поняла, что выходцы из разных миров кучкуются со своими. Этакое негласное правило. Стало понятнее.

Сначала мы с лордом прошли в центральный и поздоровались с семьей императора. Моей семьей. Дед пристально на меня посмотрел и сделал равнодушный комплимент:

– Вы прекрасно смотрите вместе. – Я же взглядом дала понять, что мнимая совместимость с Милу меня не остановит, когда я соберусь разорвать помолвку. Алисия что-то прошипела сквозь зубы, и если бы я не знала, что ей все равно, посчитала бы, что ревнует.

Данька рассказал, что официальной, для «народа», версией разрыва Милу с Алисией была – не смогли найти общий язык по договору, очень дорого запросил император за внучку. Поэтому лорд выбрал кого подешевле, то есть меня. Сама ли Алисия придумала эту сплетню или император – мне было все равно.

На нас с Милу смотрели, нас обсуждали. Подходили ближе, здоровались, обменивались виртуальными визитками. И если женщины кривились, глядя на закрытое платье, то мужчины глядели так, словно каждый хотел из него вытряхнуть и посмотреть, что скрывается под оберткой. Милу не отрывал руку от моей талии. Сначала мне было немного неудобно, особенно когда длинные пальцы поглаживали голую кожу в разрезе, но потом привыкла. Теплота ладони дарила спокойную уверенность и через время ощущалась уже как что-то родное и необходимое.

– Если в этом и состоит моя работа, как жены лорда, – хихикнула я после того, как отошел очередной король с королевой, увозя двух великовозрастных дочерей, – я согласна. Пару часиков улыбаться в красивом платье могу себе позволить.

Мы выпили столько обязательных коктейлей, что голова кружилась.

– Увы, – весело пожал плечами Милу, – на таких приемах договоры не заключают, они будут потом и с другими людьми. Здесь показывают себя, присматриваются и знакомятся. Этакая презентация властителей планет. Например, даже я не знал, что на Таносе сменился правитель. Последние сообщения были о революции.

– Какой ужас, – воскликнула я потрясенно, – то есть вы торгуете на кровавые деньги?

Милу снисходительно посмотрел на меня сверху вниз.

– В содружестве очень жесткие законы и главный – невмешательство. Мы можем только торговать, при чем равноценно, не влезая ни в политические, ни в другие войны. Пусть они хоть поубивают друг друга, нам все равно.

Я тяжело вздохнула. Меня это не касается, тут бы со своим миром разобраться.

– Я должен буду отойти на полчаса, – Милу привел меня к странной сцене посреди огромного то ли бассейна, то ли природного водоема, – где-то здесь должен быть мой дед по материнской линии. Нужно обсудить кое-что. Сейчас начнется выступление «Призраков», посмотришь без меня?

– Хорошо, – согласно кивнула. Я читала о знаменитой труппе воздушных циркачей, они выступали и в Гайми-парке в том числе, но обитают именно здесь, на Палии. Сейчас их пригласили в Хрустальный дворец.

– Не уходи никуда. Я, конечно, найду тебя везде, но настроение испортится.

На самом деле я сама хотела побыть в одиночестве, отдохнуть, от жениха в том числе. Что может быть лучше, чем постоять спокойно в парке, спрятавшись за стеной зелени? Бесконечная череда лиц прошла мимо, не оставив после себя ни тепла, ни приятных впечатлений. Милу называл все это одним словом – бизнес. А для меня это было своеобразное кукольное представление, где каждый из участников

играет выученные роли. Неискренние улыбки, обтекаемые фразы, бессмысленный ритуал марионеток. И чужой Милу, источающий высокомерие и холод, прежнее надменное лицо которого я уже успела забыть за несколько недель.

– Мать пожаловалась в очередной раз, дед хочет перекрыть добычу минералов, – начал объяснять свою отлучку Милу, словно извиняясь. – Я лишь напомню о договоре. И пообещать удаленно отключить репликаторы. Припугну.

– Странные у вас взаимоотношения, – прошептала я, невольно вспомнив свою семью.

Милу прижался лбом к моему виску и замер. Я напряглась, подумав, что поцелует, но он только глубоко вздохнул, втягивая запах моих духов. Пальцы сжали талию, беря в тиски.

– Я очень постараюсь сделать наш брак если не счастливым, то приемлемым для тебя. Ты не пожалеешь. – Глухой голос лорда звучал у самого уха, обдувая шею теплом. Странная дрожь пронеслась по телу. Неужели сейчас этот ледяной сухарь обнажал передо мной душу, умоляя о чем-то? – Я приложу все усилия. Приложи и ты со своей стороны. Мы оба сильные личности, не любим уступать, стараемся быть во всем правыми. Но, прошу, попробайся... Мне впервые интересна женщина. Я хочу понять тебя, узнать до самой последней черточки. Мы разные, выросли в разных мирах, но... давай попробуем? А?

Милу отстранился на вытянутых руках и заглянул в глаза. Я сглотнула, ощутив себя редкостной гадиной. Почему он оказался не таким, каким выглядел при первой встрече? Почему сейчас я вижу искренние чувства в его обычно холодных голубых глазах?

– Зои?...

Я опустила голову, пряча взгляд.

– Тебя еще дед не дождался?

На несколько долгих секунд между нами повисла тишина. Руки Милу соскользнули с моей талии, опустились вниз. Он молча развернулся и зашагал в сторону одного из хрустальных куполов дворца, оставив меня в растрепанных чувствах, с дрожащими в горле слезами.

Постаравшись выбросить из головы последние слова жениха, я прислонилась к мраморной колонне, обвела взглядом видимую часть

дворцового парка. Интересно, живые это деревья или искусственные? Их ярко-зеленые листья светились изнутри мягким светом, освещая не только аллеи, но и парк в целом.

– Долго же вы обнимались, – я вздрогнула. Передо мной возник дед – выскочил, как призрак из-за куста.

– Надеюсь, вы с хорошими новостями? – с трудом успокаивая заколотившееся сердце, поинтересовалась я холодно. Император раздраженно дернул плечом.

– Не хотелось бы тебя расстраивать, но все может быть... – Я нахмурилась и стала ровнее. – Петицию я подготовил. Через два дня состоится очередное заседание совета, на нем рассмотрят прошение.

– Перспективы?

– Почему ты упрямисься? – не стал отвечать он, переводя разговор на другую тему. Я поняла, что перспективы не радужные. – Я же вижу, как искрит между вами воздух. Лорд явно не равнодушен. За полчаса торгов подписал договор, что само по себе невероятно. Столько за тебя отдал...

Кто о чем, а дед о деньгах. Если это была попытка манипуляции, то довольно неудачная.

– Для меня ничего не значит, что там у кого искрит, – отрезала резко, обрывая императора, – у нас с вами был уговор. И если вы нарушите его...

Не люблю грубить старшим, но если на другой чаше лежит жизнь моих родных... А еще я была дико зла. По вине деда я обманывала Милу, почему-то сейчас из-за этого вранья чувствовала себя больной.

– Ты опозоришь семью, – прошипел дед, понижая голос до змеиного шепота, – разрушишь мой бизнес. Я уже продал часть поставленного Кагоа оборудования, заключил договоры под вашу свадьбу...

– Плевать, – резко отвернувшись в сторону, произнесла я. Не думаю, что из-за одной меня императорская семья разорится, просто я уже поняла, как жаден Его Величество.

– Как ты изменилась за этот месяц... – дед уже не скрывал ярости, голос звенел ею, как туго натянутая струна, – а была такой тихой, милой девочкой. Мы взяли тебя в семью, вылечили...

– Надеюсь, то, что семья триста лет пользовалась моим наследством, покроет ваши затраты. – Милая девочка осталась в

прошлом. Когда-то, вечность назад, она согласилась выйти замуж за Амедала, исполнить пророчество, пожертвовать собой ради великой цели. Сейчас она просто хочет спасти семью.

– Откуда ты? – император поперхнулся воздухом.

– Что будете делать, если я потребую его вернуть? По-моему, тот последний двухсоткилограммовый кусок лимпы мой? – Я повернулась к императору и холодно произнесла: – Я хочу посмотреть выступление «Призраков» в одиночестве. Извините, Ваше Императорское Величество. Поговорим через два дня, когда все решится.

В парке разлилась прекрасная музыка, и прямо на воздушной сцене начали появляться полупрозрачные фигуры. «Призраки» – самое знаменитое на двадцать шесть миров шоу циркачей. Деду ничего не оставалось, как тихо исчезнуть. Я схватила с подноса проходящего мимо официанта первый попавшийся коктейль. Захотелось выпить. В голове звучали слова деда о том, что петицию могут отвергнуть, а перед глазами стоял застывший помертвевший взгляд Милу, когда я не ответила на его просьбу «давай попробуем стать семьей?».

Я чувствовала себя в западне. Загнанной в ловушку дичью. Единственное, что радовало, – Амедал дал полгода, хотя... Мне на привыкание он тоже давал месяц, а захотел взять уже через неделю.

Алкоголь сделал свое дело, в голове зашумело, сжимающая сердце тоска отпустила. Наверное, в бокале было что-то посильнее юлы. Я присмотрелась к циркачам и пораженно ахнула. Фигуры танцевали в воздухе, изгибались в немыслимых позах, рассыпались фейерверками, исчезали в одном месте и появлялись в другом. И пусть я понимала, что это все уникальные технологии этого мира, выглядело настолько ошеломляющим, что после того, как прозвучал последний аккорд, я бурно захлопала в ладоши.

Через мгновение с удивлением обнаружила, что восхищаюсь одна. Остальные, стоящие вокруг, недоуменно кривят губы, словно не понимают моего восторга. Девушка процедила спутнику: «Скучно... Могли бы придумать что-то более оригинальное». Он поддержал ее надменным кивком.

Почему? Что не так с этими людьми? Они разучились наслаждаться? Видеть прекрасное? Я была ошарашена и потрясена этой бешеной немыслимой круговертью, а им было скучно. Скучно! В

их распоряжении полеты над облаками, любые наряды, украшения, вечная молодость, самые разнообразные развлечения... А им скучно.

Безнадежный мир.

Издали увидела Милу. Он шел с каким-то молодым человеком, похожим на него, но более... скажем так, юным, изнеженным и женоподобным.

– Мой брат, Ион, – представил парня Милу, я растянула губы в вежливой улыбке. – Моя невеста – Зои Акиланос, принцесса дома Акиланосов, владеющая даром.

Ион окинул меня совсем не мальчишеским взглядом. Сазу же захотелось прикрыть рукой все разрезы на платье.

– Везучий ты, братец, – многозначительно потянул он, беря мою руку и медленно целуя тыльную сторону запястья, под браслетом. Я постаралась не выдернуть ее сразу же после поцелуя. – Понимаю, почему ты так спешил уйти от нас. Я бы тоже торопился. – Он томно поиграл бровями. Повеса, что ль?

– Моя невеста не любит, когда я надолго ее покидаю. – Милу обвил мою талию рукой, крепко прижимая к себе. Слишком крепко. Демонстративно провел двумя пальцами сверху вниз по открытому участку кожи на боку. Пальцы чуть дольше задержались на бедре. Да что ж такое! Мгновенная и неуправляемая реакция тела заставила скрипнуть зубами – кожа опять покрылась мурашками.

– Ладно, – хохотнул братец, – не буду вам мешать. Развлекайтесь. – И уже уходя, бросил: – Когда тебе надоест этот сухарь, Зои, напиши мне... – и бросил в сторону моего кома полупрозрачным окошком. Оно быстро впиталось в браслет.

Что это было? Еще один типичный образчик здешних родственных отношений?

– Мы уже можем лететь домой?

Милу замер, на губах появился намек на улыбку. Он словно смаковал мои слова. Домой... Потом вздохнул и произнес:

– Конечно. На сегодня все. Прости, что меня не было на представлении. Из моей семьи брат самый... спокойный. Вскоре я познакомлю тебя со всеми, но пока...

– Ограждаешь от потрясений? – продолжила его фразу. Жених молча кивнул и повел в сторону стоянки аэрокаров. В небо уже взлетали серебряные птицы. Многим гостям нужно было еще перейти

в свои миры, а некоторые входы находились очень далеко, на другом конце планеты.

Я молчала всю дорогу домой. Знакомство с братом жениха насторожило и чуть расстроило. Конечно, я знала, что у Милу есть семья, родители, друзья... И догадывалась, что он рано или поздно познакомит с ними. Но... Я изо всех сил старалась не влезать глубоко в этот мир, не привязываться ни к кому, не увлекаться, не вращаться, уйти домой налегке, без груза эмоций. Увы, с каждым днем сделать это становилось все сложнее.

Милу проводил до лифта, как делал всегда. Я нажала кнопку и подождала, пока двери распахнутся. Шаг сделать не успела – мужчина схватил за локоть, резко развернул лицом к себе и прижался к губам жадным голодным поцелуем, сжимая рукой затылок, не давая вырваться.

Да я и не собиралась.

Поцелуй так захватил меня, что возражать – последнее, что я хотела. Сначала торопливый, жесткий, даже яростный, а после того, как я потянулась сама, открыла рот и впустила язык – нежный, глубокий, восхитительный. Жених умел целоваться, делал это профессионально, куда там графу Каузу или юному невинному Роберту.

На некоторое время я выпала из реальности. Голова кружилась, как от самого крепкого вина. Ладони Милу зарывались в волосы, блуждали по моей шее, плечам, спине, проникали в крошечные прорехи на платье. Я же безотчетно изгибалась, подстраиваясь под его руки.

– Я сходил с ума весь вечер, – прошептал он мне в губы, – зачем я заказал это платье, оно в кошмарах мне будет сниться.

Большой палец скользнул в отверстие на боку и нежно погладил упругую кожу груди. Хорошо, что не задел сосок, не достал, но мне хватило и этого. Я покачнулась, ноги ослабели, тело наполнилось тягучей сладкой истомой. Платье, подлый негодяй, вредило обоим, будоража чувственность, подстегивая воображение.

– Мне пора, – произнесла беззвучно, пока он опять не потянулся ко мне. Милу шумно выдохнул, и я неосознанно дернулась к нему, глотая его выдох, смакуя вкус. Что-то слабоалкогольное, пахнущее хвоей и мятой. Какой последний коктейль он пил? Да неважно. С

трудом повернувшись к жениху спиной, я опять нажала кнопку. Лифт ждал меня на крыше, двери сразу же разошлись в стороны, я вошла внутрь и повернулась к Милу. С третьего раза трясущимися руками набрала цифру сто девять. Лорд молча смотрел, как медленно закрываются створки. И пусть лицо было непроницаемо, я вдруг поняла, что не такой он и бездушный сухарь, каким хочет казаться.

– Плохо, плохо, плохо, плохо... – шептала я без остановки, когда я ехала вниз на свой этаж. – Ужасно плохо. Ужасно...

Бездумно прикасаясь пальцем к распухшим губам, я вошла в спальню. Внутри зудело осознание непоправимой ошибки. Не нужно было целоваться, не нужно было слушать его смиренную просьбу, скорее, мольбу о семье, не нужно было видеть в нем человека, а не бездушную машину.

Я упала на кровать, раскидывая руки в стороны.

– Тебе не понравилось? – раздался голос Исы в тишине комнаты.

– Как раз наоборот, – прошептала потерянно, – что теперь делать?

Наверное, хороший совет дала бы мама или лучшая подруга, но здесь, в башне Акиланосов, была лишь Иса.

– Могу предложить посетить эскап, – я заинтересованно подняла голову. – Отвлечешься. Многие члены семьи ежедневно его включают.

Почему нет? Если он поможет забыть поцелуи Милу.

Я решила. Стянув платье, взяв пластину одноразового комбинезона, прихлопнула его к груди. Он туго обтянул тело, заполняя каждую впадинку и выемку, казалось, проникая в каждую пору. Непривычно и неприятно. Забралась в эскап. Полупрозрачная крышка опустилась сверху, прозвучало: «Закройте глаза». Я закрыла. На лицо и тело опустилась странная мягкая вуаль, а перед глазами появилось висящее в воздухе меню.

«Эротика, приключения, военные действия, путешествия, новые миры...»

Я ткнула в первую строчку. Мне сейчас нужны именно эти впечатления.

«Классика, экзотика, групповой, насилие, сказочные существа, древность...» и еще куча наименований, шедших вниз бесконечным списком. Я выбрала первое – классику.

Далее окрылись подменю. «Домашнее, похищение, на природе...» – я не стала углубляться, ткнув на домашнее.

И вдруг оказалась в своей спальне, одетая в кружевной пеньюар, сидящей на кровати. В своей родной спальне, в поместье отца. Я удивленно огляделась, впитывая в себя до боли знакомые вещи – старое бабушкино кресло, потертый ковер на полу, свои детские поделки на книжной полке, часть челюсти ящера, который мы выкопали вместе с Робертом, когда нам было по пятнадцать. Я протянула руку, погладила белье, с удивлением ощущая шероховатость хлопковых простыней. Знакомый цветочный запах наполнил ноздри.

Дверь открылась, и в комнату вошел мужчина в длинном халате. Высокий, темноволосый, худощавый, безумно красивый. Такой, какие мне всегда нравились. Карие глаза, широкий разлет бровей, высокие скулы, подбородок с ямочкой. Он был немного похож на Роберта, немного на Макса, немного на Амедала. Он взял лучшее от всех, он идеален. Гость развязал пояс халата и сбросил его на пол, я увидела, что он был сильно возбужден. Я испуганно сглотнула, цепенея от странно пугающей и возбуждающей картины. И вдруг его немаленький орган стал уменьшаться прямо на глазах. Именно это и вывело меня из ступора. Я пришла в себя. Здесь все ненастоящее, я лежу в эскапе, а все вокруг – лишь мои фантазии.

Мужчина шагнул к кровати и опустился передо мной на колени. Положил руки мне на ноги и медленно развел их в стороны. Я как замороженная наблюдала за его действиями. Поразительно – тепло его ладоней, мускусный запах, возбужденное горячее дыхание – все настоящее. Я улыбнулась и погрузила пальцы в темные шелковистые волосы. И вдруг их цвет начал меняться. Они светлели. Лицо исказилось и поплыло, секунда – и на меня снизу вверх смотрят знакомые голубые глаза. Красивые губы привычно изогнулись в саркастической усмешке, на высокий умный лоб опустился локон пепельных волос, широкая светлая бровь насмешливо приподнялась.

Я в шоке смотрела на стоящего на коленях Милу, медленно развязывающему пояс на моем пеньюаре длинными холеными пальцами.

– Нет! – вдруг заорала, отпихивая от себя его руки. – Уйди прочь!

Раздалось шипение, и перед глазами посветлело. Крышка эскапа начала подниматься вверх. Сердце колотилось как ненормальное. Кожа покрылась потом. Меня трясло как в лихорадке.

Я выскочила как ошпаренная из кресла и понеслась в ванную смывать костюм. Домашняя классика, дьявол ее побери. Больше никогда в жизни...

И уже ночью, лежа в кровати, тщетно пытаюсь заснуть, я задала себе вопрос – почему эскап подсунул мне лицо Милу Кагоа?

Глава 20

Жениха я не увидела ни на следующий, ни на второй день. Он прислал мне роскошный гарнитур из сапфиров, а сам уехал в Кадар к деду-императору решать торговые вопросы. Отлично. Будет время прийти в себя.

Милу влез под кожу и поселился в мыслях. Не нужно было идти на тот прием, не нужно было надевать то платье. Оно спровоцировало обычно спокойного и холодного лорда, а я... Я просто давно не целовалась, не кокетничала, не наслаждалась общением с мужчиной. Вот и запуталась.

Уверена, это пройдет.

На третий день император Акиланос вызвал меня в кабинет. Я шла туда, предполагая, что услышу, до сих пор не выработав альтернативной стратегии. Поэтому была растеряна и молчалива.

– Нашу петицию не приняли, – сразу перешел к делу дед. – Совет решил, что пять лет – очень маленький срок и он не стоит того, чтобы менять столетние законы. Даже ради каприза взявшейся из ниоткуда принцессы.

– Можно ли как-то заплатить? Дать взятку? – Император покачал головой.

Что ж, здесь мне больше делать нечего.

– Зои, – видя, что я собираюсь уйти, дед встал из-за стола, – не пори горячку. Прошу, подожди пять лет, это немного. Я обещаю, что сам буду курировать открытие вашего мира и заключение с ним торговых отношений. Вам дадут лучшие преференции.

– Боюсь, у меня нет пяти лет, – задумчиво пробормотала под нос, не в силах что-то решить. Опять ссориться и угрожать не хотелось, я действительно надеялась на деда, а сейчас у меня не было ни единой мысли, что делать дальше.

Вышла из кабинета и побрела в сторону лифтов, не задерживаясь у аквариума, как делала всегда.

На ком пришло сообщение: «Полностью свободен на сегодня. Приглашаю на экскурсию в Край-Верю. Заеду через час. Милу».

На ловца и зверь бежит.

Расскажу, наконец, что замужем и покончу с этим враньем. Хватит тянуть. Чем сильнее мы запутываемся в этой паутине лжи, тем труднее потом будет из нее выпутываться. Я все равно не стану Милу семьей, пусть узнает об этом раньше – меньше будет страдать... Если, конечно, вообще будет.

А я... В крайнем случае вернуть к Амедалу с повинной, смиренно склонив перед ним голову, – пусть делает что хочет. Не убьет же он, в конце концов, свою жену императрицу?

Но почему-то, когда увидела лорда, идущего ко мне через стоянку аэрокаров, уставшего, но с сияющими глазами, решимость дала сбой. Он так редко улыбался, не хотелось стирать улыбку с его лица. Побуду еще немного врунишкой, расскажу вечером. Это наше последнее свидание, пусть оно останется в памяти, как прекрасное воспоминание.

Проход в Край-Верею находился на другом материке и представлял собой громадную величественную башню с верхними этажами, отданными под гостиницу и гараж.

– Сейчас все входы оборудованы терминалами, с воротами, заграждениями, залами ожидания. Кроме закрытых, естественно. У закрытых дежурит один наблюдатель, присматривающий за стеной, – Милу с удовольствием рассказывал о том, что я еще не успела узнать.

– А вход свободный?

– У меня да, другим приходится получать специальное разрешение и ждать очереди. – Милу самодовольно усмехнулся. – Лордов это не касается.

Башню я увидела издалека. Она была такой же помпезной, как Гайми-парк, высвеченная индивидуальным для каждой планеты логотипом. У Край-Вереи он был в виде огромной завернутой двойной спирали человеческой ДНК, раскрашенной разноцветными узорами. Я улыбнулась – с третьего раза Исе таки удалось мне объяснить, что эта спираль означает.

Мы залетели внутрь второго этажа и аккуратно приземлились в огороженном боксе.

– Все этажи до десятого отданы под стоянку аэрокаров. – Милу помог мне выйти и повел к лифтам. Сейчас, вблизи входа в свой мир, он выглядел совсем другим. Раскованным, бодрым. Словно внутри завелся маленький моторчик, который его поторапливает и наполняет

энергией. «Он любит свой мир», – вдруг подумала я и с улыбкой предположила, что я выглядела бы так же у Саэн.

На первом этаже лорда знали. Нам вежливо кланялись и освобождали коридор.

– Изначально вход появился в лесу между двумя деревьями, – рассказывал Милу, – деревья были старыми и давно погибли бы, если бы их постоянно не поддерживали специальными препаратами.

– И что, – я остановилась и удивленно уставилась на огромные высоченные стволы, упирающиеся в потолок, – проход бы закрылся?

– Да, на время, – отмахнулся Милу, – закрылся бы тут, открылся бы в другом месте, но здесь уже столько всего настроили, что посчитали лучше беречь деревья, чем строить новый терминал.

Мы подходили все ближе и ближе к прозрачному входу. Я узнала этот колеблющийся воздух, тонкую пленку, закрывающую проход, и вдруг вспомнила бледность Амедала.

– А тебе не станет плохо при переходе? Я слышала, что болезнь укладывает в постель чуть ли ни на месяц...

– Болезнь при переходе? – Милу удивленно на меня посмотрел. – Глупость. В любой переходе есть буферная зона, чем больше ты в ней сидишь, тем меньше период привыкания. Максимум час для новичков. Мне хватает и десяти минут. А Акиланосы вообще не испытывают никаких проблем. Разве ты не знала?

– Знала. Точнее, догадывалась, – пробормотала чуть слышно.

– Проходите, лорд Кагоа, – поклонился распорядитель, оттеснивший в сторону ожидавших своей очереди посетителей.

– Мы вернемся вечером. Девушка со мной. – Голос Милу зазвучал по-другому. Холодно и повелительно. Я удивленно посмотрела на жениха – словно другой человек шел рядом. Куда делись теплые интонации, мягкий взгляд, легкая улыбка на губах?

Мы шагнули через барьер и оказались в коридоре, похожем на тот, через который шла я два месяца назад под руку с Амедалом. Только тот был темный, страшный – я же думала, что нахожусь под горой. Здесь же – комфорт, освещение и мягкие удобные кресла вдоль стен. На некоторых сидели посетители, привыкая к новому миру. Мы уселись отдельно ото всех.

– Совсем немножко, – пообещал Милу, – каждая минута на счету.

Да я и не против. Мне было интересно даже здесь.

– А почему ты не спросил моего согласия? – я опять вспомнила Амедала. – Если я правильно помню, на пересечение барьера нужно подтверждение?

Милу улыбнулся. Я с удивлением подумала, что сегодня он что-то слишком много улыбается, даже непривычно.

– Достаточно обычного желая, – произнес он, – барьер не пропускает лишь людей с явным страхом перед переходом, фобией. Хотя сейчас столько разных препаратов... Это давно неактуально. Если бы кто-то испугался, у ворот раздают специальное успокоительное.

Он встал и потянул меня за собой. Несколько шагов – и я попала в сказку.

Мы вышли в огромный, заполненный людьми зал. Потолок, если он и был, терялся в вышине. «Ничего себе у них терминал», – только и смогла подумать я, вспомнив новое слово. Со стороны Лимпии он был раз в десять меньше. Милу обнял меня за плечи и повел вперед, наверное, чтобы освободить выход для других, пока я, как маленькая девочка, открыв рот и ничего не видя под ногами, смотрела по сторонам.

– Ух ты! – воскликнула я, увидев в центре зала необычный фонтан. Вокруг него толпились люди. Сверкающие полупрозрачные фигуры танцевали на круглой сцене. Я внимательно присмотрелась и поражено ахнула, неосознанно схватив Милу за локоть.

– Это вода?! Но как?! Вода не может поддерживать постоянную форму!

– Может, – в голосе Милу дрожал смех, – вода – это такие же молекулы, как и все остальное.

– Я не верю глазам, – прошептала и потянула жениха ближе к бордюру. Поразительно! Фигуры постоянно менялись, перетекая из животных в людей и наоборот. Превращались в рыб, плавающих в воздухе, разлетались мелкими брызгами, окатывая визжащих детей.

– Пойдем, – потянул меня за локоть Милу, – а то я не смогу тебе показать даже малую часть всего, что хотел.

Мы поднялись на этаж стоянки, сели в личный аэрокар Милу и вылетели из башни, сделав красивую закрученную петлю вокруг символа ДНК. Я приклеилась к окошку, стараясь не слишком громко выражать свое восхищение открывающемуся внизу виду.

– Около пятисот лет назад Край-Верея, как и все развитые миры, встала перед проблемой перенаселения и ухудшающейся экологии, – рассказывал Милу, пока мы летели над каким-то городом, – сталь и бетон, из которых строили здания, покрывали всю землю, не оставляя места для зелени. Воздух испортился, смог не давал дышать. Нас ждала катастрофа, если бы ученые не нашли иные источники энергии и способ соединять живую и неживую материю...

Я слушала краткую лекцию Милу, а сама рассматривала живой сад, состоящий из жилых домов. Ветки и листья росли прямо из стен. Башни в тысячу этажей представляли собой огромные зеленые деревья, тянущиеся в небо. Причем стекло, сталь, иллюминация тоже присутствовали.

– И какие у нас планы на сегодня? Что ты хотел мне показать в первую очередь? – Я, наконец, обернулась к Милу. В этом мире солнце уже потихоньку клонилось в закат, хотя из Лимпии мы улетали утром.

– Сначала знаменитое цветущее море, основную достопримечательность Вильи, – произнес Милу, – потом хотел отвезти тебя в свою главную лабораторию, показать последние разработки, потом ресторан на крыше Анагары, я забронировал столик, потом экскурсия ко мне домой...

– Нет, – вырвалось из меня прежде, чем затих его голос в кабине аэрокара, – домой не нужно.

И покраснела. Губы Милу дрогнули, чуть скривившись.

– Я не собираюсь тебя принуждать к чему-либо, – холодно произнес он, – а уж тем более насиловать. Просто мой дом живой. Он сам может пристроить башню, балкон или комнату. Я думал, ты хотела бы это увидеть.

– Все же нет, – я отвернулась к окну, – как-нибудь потом...

Меня и не нужно принуждать. После поцелуя я сама на грани того, чтобы согласиться на все что угодно. А эскап и вовсе переключил сознание – теперь все сны наполнены Милу, его руками и губами. Пусть хотя бы эта граница не будет пересечена. Потому что я и так нарушила все свои обещания – не привязываться, не чувствовать, не скучать, не... влюбляться?

Нет, этого точно еще не произошло.

Море оказалось ярко-красного цвета. Мы летели над причудливым ковром из странных пурпурных растений, полностью

покрывающих воду. Что-то вроде кувшинок на болотах, но без стеблей. Если бы не волны, покачивающие цветы, можно было бы подумать, что это громадная бескрайняя поляна.

– Их корни прямо в соленой воде, – пояснил Милу, – особенность этих растений. Когда-то давно один сумасшедший ученый вывел из таманы гибрид и оставил в воде Вильи. За сотню лет она разрослась так, что открытых участков воды не осталось. Совет лордов сначала хотел истребить таману, но туристам так понравилось, что решили оставить. Существуют даже маршруты на орбиту Край-Вереи. С космоса море выглядит еще более грандиозным.

Над морем зависло много аэрокаров, еще больше людей находилось на берегу. Колышущееся море цветов было великолепно, и запах стоял такой одуряющий, что просочился даже в закрытый аэрокар. Я замороженно смотрела на изгибающиеся, трепещущие на ветру лепестки и думала, что более впечатляющего зрелища не видела в своей жизни.

В очередной раз обернувшись, я наткнулась на внимательный взгляд Милу. Он смотрел на меня не отрываясь, со странным выражением на лице, словно старался не пропустить ни единой моей эмоции. Я была еще во власти эйфории, восторга, которые испытала только что, поэтому с радостью поделилась ими с женихом, схватив его за руку и прижавшись щекой к тыльной стороне ладони.

– Спасибо, – прошептала, отпуская руку. Милу сглотнул и сжал ладонь в кулак.

– Тебе нравится? – хрипло произнес он. Я быстро кивнула. – Лучше всего смотреть на Вилью в шторм, – добавил он тихо, – когда вздымаются высокие волны. Тебе не повезло, сегодня штиль.

– Может быть, в следующий раз, – пробормотала я грустно, отворачиваясь к окошку, совершенно не надеясь сюда вернуться. Милу медленно развернул аэрокар и полетел на восток.

В моем понимании лаборатория была маленькой тесной комнаткой, в которой стояли колбы и реактивы плотными рядами. А не огромная высоченная башня из стекла, стали и зеленых стеблей странного плюща, вьющегося по стенам.

– Мы опережаем Лимпию ненамного, буквально на один-два века. Поэтому, чтобы не потерять первенство, мы должны все время быть впереди. – Милу вел меня по широким, просторным коридорам

лаборатории, представляя встречавшимся на нашем пути ученым как свою невесту. Искренние приветливые улыбки и поздравления заставляли чувствовать неловкость. Как же неприятно быть обманщицей! – Ищем молодых ученых по всем двадцати шести мирам. Приглашаем их к нам, даем все возможности для того, чтобы они творили.

Да уж. Если Милу решил меня поразить, то ему это удалось. Таких странных аппаратов я не видела даже в статьях, которые мне читала Иса. Мы спустились на прозрачном лифте в огромный зал. Люди, передвигающиеся по нему на воздушных платформах, с высоты казались мелкими муравьями.

– Наши дома сами себя строят, – продолжал говорить Милу, – этот зал отдан под последнюю удачную разработку «живых» домов. – Жених подошел к одной из панелей и взял средней толщины стальной цилиндр. Покрутил в руках. – Вот дом на три-четыре комнаты. Стоит совсем недорого и очень популярен в отсталых мирах.

Я дотронулась до блестящего бока и погладила гладкую поверхность.

– Это дом?! – поражено произнесла. – Но как он?...

– Очень просто, – улыбнулся Милу, – внутри программа и мини-фабрика по трансформации молекул. Нужно лишь воткнуть такой цилиндр глубоко в землю и через два-три часа, в зависимости от сложности конструкции, дом готов. Подобные дома очень популярны в отсталых мирах. Они берут нужные элементы для строительства прямо из земли, редкие вырабатывают сами. Могут менять размер комнат, высоту потолков, окон.

– С ума сойти! – воскликнула я, подумав, как же нам быгодились такие дома! Частые пожары после засух выкашивают поселки. Далеко не у всех дома из камня, как наш замок. В основном из дерева и соломы. Они сгорают первыми. Мне бы сотню таких штук...

– Саморазрушаются они точно так же, – Милу поставил «дом» на полку, – пустой цилиндр остается под фундаментом, его нужно только найти и запустить настройку.

Долгое время я находилась под впечатлением от дома. Мимо прошли несколько других залов, где Милу объяснял, чем кто занимается. Споткнулась я лишь на слове «телепортация».

– Сейчас идут тесты... – я огляделась, мы находились в странном месте, вокруг стояли полукруглые кабины из непрозрачного пластика.

– Что такое телепортация? – еще одно новое слово, Иса ничего не рассказывала.

– Мгновенное перемещение из одной точки в другую, – Милу ткнул пальцем в кабинку, – в будущем ты зайдешь в подобную будку, например, в Каратосе, а выйдешь через секунду в Палии.

– Но как?! – По-моему, это самая часто употребляемая фраза на сегодня. Даже стало немного стыдно. Но Милу не заметил моего смущения, его глаза горели азартом, казалось, он получает огромное удовольствие, разъясняя простейшую для него азбуку невежественной деревенщине.

– Мы разбираем тело на атомы и собираем в другом месте, точно в такой же последовательности.

– А как же память? Душа?

– Душа – не знаю, – он коротко улыбнулся, – это из другой, совсем не научной области, а вот память... Ее вполне реально перенести. Если простым языком – мы снимаем слепок мозга. Каждый узор уникален, как отпечатки пальцев. Когда этот слепок накладываем на новое тело, переносится и память.

Я испуганно сглотнула.

– Первый тест с животными прошел успешно. Они отзывались после перемещения на свои клички. Конечно, до людей еще далеко...

– Невероятно... – прошептала я. У меня просто не было слов. Я могла только ошеломленно хлопать глазами и беззвучно открывать рот. Вдруг Милу счастливо рассмеялся, подхватил меня на руки и закружил на пяточке между кабинками. Внезапный порыв, спонтанный, нелогичный, так не похожий на прежнего Милу, что я на секунду опешила и... поддалась. Мы потянулись одновременно и начали целоваться как сумасшедшие, сталкиваясь зубами, кусая губы, язык, царапая кожу, буквально впиваясь друг друга. Жадно, яростно, болезненно.

– Остайся со мной сегодня, – хрипло шептал он мне в губы, – умоляю, остайся.

Я подняла голову и встретила с голубыми глазами. Только сейчас они были не холодные, они обжигали похлеще раскаленной лавы. На меня еще никто так не смотрел – горячо, страстно, подчиняя

и лишая воли. Роберт постоянно краснел и смущался, наши поцелуи были детскими и невинными. Макс... смотрел на меня, скорее, с уважением и преклонением. Амедал... Иногда с ненавистью, иногда с завистью и почти всегда со злостью.

– Останься. Тебе же понравилось здесь. Завтра регистрируем брак, зачем тянуть? – уже твердым голосом произнес Милу, медленно отступая на шаг, пряча руки за спину.

Почему-то стало холодно, тоскливо сжалось сердце. И вдруг мне захотелось остаться. Жить здесь, почти в сказке, где вечно молодые люди летают по воздуху, опускаются на дно океана. Где вылечивают самые тяжелые болезни. Где смотрит на меня такими глазами этот умный красивый мужчина.

Но кем я буду? Игрушкой? Украшением? Найду ли я свое место здесь? Что смогу делать? Где работать? Сейчас я чувствую себя бесполезным оторванным от дерева листком, который уносит все дальше, в неизвестный чужой мир.

Через минуту долгих сомнений я медленно покачала головой. Нет. Меня ждут дома. Там я нужнее. В своем мире, несовершенном и отсталом. Ему есть куда двигаться, и люди там не забыли, что они люди, они способны чувствовать, любить и ненавидеть. У моего мира есть потенциал. А здесь вместо воздуха – денежные знаки, а вместо эмоций – адреналиновые инъекции. Он выхолощенный, стерильный и совершенно бездушный.

– Прости, я не узнаю себя. – Милу сжал губы, отвернулся и прошелся вперед до следующей кабинки. Я молча смотрела на напряженную спину. – Во мне проснулись какие-то странные пещерные инстинкты. Утащить в логово, спрятать ото всех, запереть, присвоить, сделать своей...

В голосе звенело раздражение, словно он едва сдерживался от злости. А у меня запершило в горле от желания заплакать, глаза налились горячей влагой. Я хотела крикнуть, что это как раз нормально – мужчине желать женщину со всей страстью. Что если бы у меня не было мужа и обязательств, я бы...

– Откуда это безумное чувство? – натужно весело произнес Милу, оборачиваясь. – Ни разу в жизни я не чувствовал подобного. – Он вроде бы смеялся, но глаза оставались серьезными.

– Пойдем, – он протянул руку, я уцепилась за нее, как потерявшая ориентацию в пространстве, – покажу тебе самый статусный ресторан Край-Вереи.

– Но я одета...

– Плевать, – небрежно махнул он рукой, – я у себя дома, и ресторан этот мой. Пусть только кто попробует криво посмотреть.

«С ума сойти! Как же он мне нравится!» – промелькнувшая вдруг в голове мысль испугала до дрожи. Я словно неслась без тормозов на потерявшем управление аэрокаре. И вот-вот врежусь в стену на полном ходу. Сердце предало меня? Нужно рассказать правду, чем скорее, тем лучше.

С этим твердым намерением я и прилетела на крышу очередного жутко красивого места. Но меня уже не трогали ни великолепие, ни окружающая меня роскошь. Я полностью погрузилась в свои невеселые думы. Почему-то мысль о том, что после моего рассказа Милу отвернется от меня, навсегда вгоняла в уныние.

– Ты почему ничего не ешь? – жених заметил мой болезненный вид. – Невкусно? Давай закажем еще что-нибудь. Все меню в твоём распоряжении.

Я отрицательно мотнула головой. Милу, словно чувствуя, что я собираюсь с силами для какого-то решающего шага, стал странно говорлив. Он рассказывал о достижениях Край-Вереи, о том, что у них на западе есть глубокий каньон в виде сердца, но полностью его увидеть его можно только из космоса, что в северном океане водится пятнистый кит, который в брачный сезон громко поет и почти членораздельно. И еще много всего... а я молчала и смотрела на улыбающегося лорда.

Вот он. Тот, человек, который мне нужен. Я нашла его здесь, за миллиарды километров от моего дома. Неужели судьба меня должна была привести именно сюда, в этот мир, к этому мужчине? Какая грустная ирония. Я перевела взгляд на огненные ручейки пролетающих внизу аэрокаров, закручивающихся в необычные красочные узоры, и почти решилась.

– Я чувствую себя такой невежественной, – грустно улыбнувшись, произнесла я, – ничего не знаю и ничего не умею. Даже что такое ДНК, выучила с трудом. Что говорить об остальном. Мне не место здесь, рядом с тобой.

– Глупости! – оборвал меня Милу. – Мне не нужна женщина, разбирающая геном или продающая акции на бирже, мне нужна ты. Я не ошибся. Ты можешь сделать меня счастливым, наполнить наш дом теплом, смехом, счастьем. Мне нужны именно твои руки, твои губы, ты сама. И твое невежество в том числе.

Я прожила этот месяц, как в сказке. Но мне пора возвращаться в логово дракона.

– Ты ошибся, – тихо произнесла я. Милу вздрогнул и словно окаменел. Глаза пристально уставились в мои.

– Что ты имеешь в виду? – Голос лишился красок, стал бесцветным и пустым.

Я рассказала ему все – от получения письма с приглашением на последний отбор императора, заканчивая утренним разговором с дедом. За время моего монолога Милу не произнёс ни слова. Он смотрел в темноту города, расцветенную сполохами башен и пролетающих аэрокаров, и молчал.

– Ты говорила, что брачная ночь так и не случилась? – Я удивленно подняла брови. Этого вопроса я точно не ожидала. После всего, что он узнал, его волнует брачная ночь???

– Я читал в древних книгах, что брак не является заключенным, если не случилось подтверждение на брачном ложе, – продолжил он, – значит, и развод будет быстрым и безболезненным.

Вот он о чем!

– Надеешься на развод? – хмыкнула я нервно. – Неужели ты еще хочешь меня в роли жены?

– Я давно все для себя решил, Зои, – Милу смотрел на меня твердо и прямо, – если ты думаешь, что твой обман что-то изменит в моем отношении – ты ошибаешься. Я уже прошел точку невозврата, и что бы ты ни сказала – для меня дороги назад нет. Я помогу тебе убрать стену. – Я пораженно вскинула голову. По телу пронеслась дрожь, волоски на коже встали дыбом. – Нужно лишь взять образец. Я не смогу до нее дотронуться, но ты сможешь. Отдам ученым в лабораторию. Они разберут ее на атомы и поймут, из чего она сделана.

Сердце колотилось так, что казалось, разорвет грудную клетку. Хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Я была как натянутая струна. Тронь – взорвусь слезами, истерикой, гремучей смесью давнего непрекращающегося страха и безумного облегчения.

– Ты сможешь убрать стену? – срывающимся голосом уточнила я.

– Могу пообещать, что сделаю для этого все, – произнес Милу, – стена состоит из базовых элементов, ничего сложного быть не должно. – Он опять превратился в холодного безэмоционального лорда, но меня это не пугало. Я помнила, каким он может быть порывистым и страстным.

– Поехали сейчас же! – Я вскочила и пошатнулась от слабости – ноги отказывались держать. – Возьмем образец и сразу же отдадим в лабораторию.

На губах Милу мелькнула ироничная ухмылка.

– В Каратосе глубокая ночь, – он поддержал меня, обняв за талию, точнее, я полностью на нем повисла, – утром возьму бокс для образцов и заеду за тобой. Не переживай, ты сама сказала, что у нас еще пять месяцев впереди.

– Ага, – пробормотала я ворчливо, – ты не знаешь моего мужа. У него месяц состоит из одной недели.

Мы сели в аэрокар и полетели назад к башне-терминалу. Настроение неуклонно ползло вверх. У перехода пришлось немного подождать. На ночь вход закрывали, через барьер шли торговые грузы, туристов не пускали. Но ведь лорды на особом положении... Значит, пройдем.

Я улыбнулась и повернулась к жениху:

– Ты ошибся, – произнесла весело, – у нас в мире нет законов о брачной ночи, о которых ты говорил. Так, что если развод и будет, то на общих основаниях.

– Да? – рассеянно отозвался Милу, его мысли были далеко, словно он у себя в голове раскладывает и сортирует все, о чем я ему рассказала. – Значит, я читал о другом мире.

Я задумчиво смотрела на идеальный профиль жениха. В этот момент я почти любила его. За то, что он не задумываясь пришел на помощь, за то, что, как он сказал, «прошел точку невозврата» и до сих пор хочет меня. Даже за то, что он нашел время в своей бесконечной работе, чтобы прочитать книги об отсталых мирах, их этикете, брачных обычаях, стараясь понять мой характер.

Глава 21

Утром я была как на иголках. Встала рано, натянула брюки из плотной ткани, здесь ее называли джинсовой, белую хлопковую рубашку. Заказала у Исы что-то типа теплого полушубка, я помнила, как холодно в горах. Мини-ателье выдало мне короткую курточку, почти невесомую, толщиной около трех сантиметров. Я рассеянно покрутила ее в руках.

– Внутри воздух, что ли?

– Нет, – отозвалась Иса, – специальный теплоизоляционный материал.

Как бы я хотела привезти домой хоть что-то полезное из этого мира. Подумала и сразу же громко фыркнула – пришлось бы заказывать грузовой аэрокар, полезного было много. И эти брюки – очень удобные и практичные, и балетки на толстой подошве, называемые кроссами, и невидимое белье из тонкого прочного кружева, которого нет у нас дома. А про живую ткань вообще молчу, она была чудом, недоступным для нашего мира. Когда-то, еще в начале наших свиданий, я поинтересовалась у Милу, как ее создают и чем она отличается от обычной ткани.

– Это же разработка вашей семьи? – Мы сидели в очередном ресторане и делали вид, что общаемся.

– Да... – ответил тогда Милу. – Давняя и очень удачная. Сейчас все ею пользуются. Во-первых, она подстраивается под фигуру и температуру окружающей среды. В ней не будет ни жарко, ни холодно. Во-вторых, не пачкается, а главное... – я заинтересованно уставилась на то, что Милу взял столовый нож в руки, – она защищает от мелких ранений.

Милу резко воткнул нож в предплечье, тот отскочил от ткани. На ней не осталось даже пятнышка от жира, в котором нож был вымазан.

И тогда я поняла, что меня поразило, когда я впервые увидела лорда в кабинете деда, – то, что костюм сидел как влитой. Я еще подумала, как мужчина ходит в туалет – не было видно ни пуговиц, ни защелок, ни даже соединительной полоски, какая была у меня в комбинезоне, который дал наблюдатель на Аяксе.

За час мы добрались до гор. Милу включил какую-то кнопку на панели, пояснив, что аэрокар станет невидимым для дронов. Нам не нужны гости. Белесую высокую стену я увидела издалека. Она огибала гору и накрывала куполом виднеющуюся в глубине крепость. Меня начало мелко потряхивать, словно я опять оказалась на берегу мерзлой реки, бредущая в никуда по морозу. Дрожащие пальцы накрыла теплая сильная ладонь.

– Мы справимся, – тихий голос Милу помог взять себя в руки.

Аэрокар сел недалеко от барьера. Я выскочила из двери и побежала вперед, остановившись у самой кромки. Где ты, Амедал? Что делаешь? О чем думаешь? Крепость сливалась с гранитной глыбой, вращая в нее, не давая рассмотреть ни маленькую дверь у самой земли, ни узкое окно на третьем этаже. Если бы я не знала точно, где они находятся, ни за что бы не разглядела. Милу подошел и встал рядом. В своей руке он держал небольшой стальной цилиндр для образцов. Открыл крышку и протянул мне, одновременно проводя рукой по барьеру, пытаясь просунуть пальцы внутрь.

– Действительно, непроницаема для людей, – рассеянно пробормотал он, – ни разу не стоял так близко. Видел лишь издалека. Недалеко от столицы есть вход в мир Тарус, он тоже закрыт. Купол там гораздо меньше, метров сто в диаметре.

Вдруг я увидела белый плотный листок, лежащий на земле с той стороны. Я шагнула ближе, пересекая границу и прочитала: «Твои родители у меня, Зои. Поспешите». Всклипнув, я отскочила назад и попала в объятия Милу.

– Что случилось?

– Он написал записку, папа, мама у него в крепости. – Я обернулась и подняла голову, всматриваясь в хмурое красивое лицо жениха.

– Значит, поторопимся, – сдержанно произнес он, – набирай вещество.

Я протянула руку с цилиндром и зачерпнула белесого тумана. Милу взял контейнер и захлопнул крышку. Мы пошли назад к аэрокару. Со мной творилось что-то непонятное, глаза были на мокром месте, внутри жгла невыразимая благодарность. Хотелось обнять липового жениха, крепко прижаться, сказать спасибо. Даже за эту его

сухость, собранность, некоторую отстраненность. За то, что своими приказами не дает погрязнуть в панике.

– Я завезу тебя и сразу же отправлюсь в лабораторию, – произнес он, поднимая машину в воздух, – останусь в Край-Верее, пока не создадут генератор поля и что-то другое, способное убрать барьер.

– Спасибо, – я не удержалась и потянулась к нему. Прижалась губами к гладкой щеке. Он повернулся и поймал мои губы в коротком поцелуе.

– Мы обязательно найдем выход. – Сейчас он давал уверенность даже своим голосом, спокойным и хладнокровным. – Я, наконец, вспомнил, что значит быть мужчиной. За тысячи лет эти знания выветрились не только из памяти, но и из наших генов. Мужчина должен оберегать свою женщину. Защищать ее, помогать ей. По крайней мере так написано в древних легендах, – добавил в кривой усмешкой. Каждое слово отзывалось внутри теплом и странной щекоткой.

Я улыбнулась в ответ, подумав, что даже в древних мирах далеко не все мужчины так считают. Милу включил автопилот, взял меня за талию и рывком пересадил к себе на колени. Крепко обнял, прижав мои ледяные ладони к своей груди. Ласково коснулся губами уголков глаз, кончика носа, бровей, обводя их контур губами. Я, как безвольная кукла, позволяла делать с собой все. Мне было так хорошо и спокойно, словно я освободилась от тяжелейшего груза, переложив проблемы на плечи Милу и в этой войне уже не одна.

– Я постоянно думаю о тебе, – прошептал он мне в висок. – Вспоминаю лицо, взгляд, анализирую каждое слово. Как это называется, Зои? Симпатия, одержимость, влюбленность? Как? Скажи мне.

Не хотелось отвечать. Потому что, если отвечу, придется признаться и в своей симпатии, в своей одержимости. А я мало того, что замужем, еще с кучей проблем в виде шантажа, неадекватного мужа, отсталого мира, барьера, который снимать, в общем-то, противозаконно. Я просто подставляла ему губы, позволяя себя ласкать, цеплялась за плечи, стараясь взять у Милу хоть немного его уверенности и твердости. И мне было так хорошо, как не было давным-давно ни с кем.

Можно ли час целоваться? Оказывается, можно. Конечно, я чувствовала его возбуждение, я же не маленькая девочка. Но Милу ни словом, ни взглядом не дал понять, что хочет сейчас чего-то большего. Я знала физиологию мужчин. Даже пару раз видела эту самую физиологию вблизи. Первый раз у графа Кауза в конюшне, второй – в эскапе. Но знать и ощущать возбуждение от конкретного во всех смыслах притягательного мужчины, разные вещи. Внизу живота появилась ноющая тяжесть, тепло пульсирующими волнами растекалось по телу. Смутно хотелось чего-то большего, острого, жгучего, даже болезненного, отдаться умелым рукам и ни о чем не думать...

«Как же мне надоела эта чертовая девственность», – с горестным вздохом подумала я, вжимаясь в твердое тело, стараясь не ерзать и не тереться слишком сильно.

Когда впереди появились высокие башни Каратоса, я так и не смогла для себя точно решить – хочу ли я, чтобы он был настойчивее, или наоборот – чтобы оставил меня в покое.

– Приеду не раньше, чем получу прототип, – попрощался со мной жених, скользнул губами по моему виску и улетел.

Я медленно потопала к лифту. Даже странно – в Лимпии я всего месяц с небольшим, а чувствую себя уверенно и спокойно. Лифт, аэрокар, медкабина, ком, прототип. Ранее непонятные слова вошли в мою жизнь и уже не пугают. Неужели через пару лет я стану как все? Смогу на равных разговаривать с Даниром и с Милу? А не лезть в словарь кома и не просить Ису расшифровать непонятную фразу.

Весь день был в моем распоряжении. Вряд ли Милу прилетит через час с... как он его назвал? Генератором поля. Значит, поеду с Даниром и разберусь с наследством.

Каждый день начинался с того, что братец посылал на ком знаки вопроса. Когда же? Я не понимала его настойчивости. То ли он хотел получить обещанное вознаграждение, то ли хотел утереть нос деду.

Я не чувствовала себя виноватой перед императором. Он меня продал за кучу люмий, хотя не имел никакого права – я не его родная внучка. Вряд ли Милу потребует назад то, что отдал. Скорее – точно не потребует. Однажды он вскользь сказал, что Акиланос продешевил, он заплатил бы за меня и больше. Просто торг – это естественная вещь при любых договорах, вот он и торговался.

– Мне повезло, что твой дед остановился на цифре всего в полтора раза больше, чем за Алисию. – Его признание заставило меня скривиться от отвращения. До сих пор не могла прийти в себя от того, что услышала тогда в саду на приеме. Торги – естественная вещь? Но не за человека же!

Но вдруг я вспомнила маму, которая спорила с мясником за каждый медяк. Потомственная дворянка, красавица и умница. Раздражение немного улеглось.

Да, скорее всего, мое наследство останется в семье. Куда я дену двухсоткилограммовый кусок лимпы? Просто хотелось утереть нос деду, разговаривать с ним на равных, плюс не желаю, чтобы меня упрекали за лишнее платье или украшение.

Да и не чувствовала я себя вправе распоряжаться наследством, а если быть уж совсем честной, то настоящим наследником является моя мать или отец.

Я переоделась и вызвала Данира. «Ну, наконец», – смешно скривился он, и мы поехали в мэрию. Точнее, в ассамблею, так здесь называлось громадное административное здание в центре столицы, где решались все вопросы – торговые, брачные, юридические, судебные и так далее. Данир рассказывал, что в здании не работает ни одного живого человека – все автоматизировано. А еще в нем находится полная информация обо всех жителях планеты. После рождения у каждого берется малюсенький органический элемент – кусочек кожи, волос, кровь или что-то другое – и помещается на хранение. Так происходит уже пятьсот лет подряд, так что ДНК моего предка императора Вивиана тоже там есть.

– Завтра у деда, кстати, день рождения. – Братец выглядел бодрым и радостным, даже оделся по случаю не в рванье. – Будет очередное сборище всех родственничков.

– Хороший подарок мы ему приготовили, – вздохнула я, идя следом за подпрыгивающим от нетерпения мальчишкой.

К адвокату была электронная очередь. Заняла она не больше минуты. И то только потому, что было конечное количество комнат для посетителей, а не потому, что машина устала. Мы зашли в небольшой кабинет с экраном, странной панелью и висящими в воздухе вдоль стены подушками-креслами.

По просьбе Данира я протянула руку и сунула ее в отверстие машины. Безболезненный укол – у меня взяли капельку крови на генетический анализ. Через мгновение раздался механический голос – личность подтверждена. Теперь и я занесена в общую базу.

– Согласны ли вы вступить в права наследования личного имущества императора Вивиана Акиланоса?

– Согласна.

– Ведомость подшита в личное дело, копия передана на коммуникатор. Ознакомьтесь.

Я открыла ком и увидела длинный список, не уместившийся на одной странице экрана. Потрясенно икнула и смахнула окно – потом посмотрю. Мы вышли из комнаты – все заняло не более пары минут.

– И что теперь? – я обернулась к Даниру. Прежде он мне рассказывал, что есть семейное наследство, которое является общим для всех, я на него прав не имею. Им распоряжается текущий император на благо всей семьи – содержит башню, закупает оборудование, платит по семейным кредитам и так далее. А есть личное – то, что имеет каждый ее член. Вот его и могут завещать кому угодно. Император Вивиан был не бедным, так что досталось мне немало.

– Теперь, – хохотнул Данир, – ассамблея синхронизируется с Исой, и твоя часть наследства будет выделена из общей кучи, на которую уже давно наложил лапу дед.

– Почему ты его так не любишь?

– Не то чтобы не люблю... – задумчиво скривился Данир, – он, в общем, нормальный. Только считает мусором всех, у кого нет дара. Однажды он сказал моей матери, что лучше бы вовсе не рожала, чем рожала нахлебников, таких как я.

«Да уж, он может», – подумала я, вспомнив его резкие слова в мою сторону.

– И что ты хочешь за помощь?

– А что не жалко! – отмахнулся Данир. Я удивленно приподняла брови, поражаясь его бескорыстию. Не похоже на братика. Вечером посмотрю список всего, что мне досталось, и выберу что-нибудь подходящее для молодого парня.

На ком пришло приглашение для меня и Милу на праздник в честь дня рождения императора. Завтра, в шесть вечера, на двести

пятом этаже. Одежда – праздничная.

Вот вечером и займусь подбором, благо просить ни у кого не нужно. Мы расстались с Даниром на сто девятом. Я пошла в свои апартаменты, он – в свои.

– Исочка, а сколько люмий на моем личном счете? Как думаешь, могу я потратить немного на наряды?

Глава 22

«Через час на крыше. Лечу с генератором. Выходи, опробуем» – сообщение Милу заставило меня подпрыгнуть и заметаться по апартаментам в поисках вчерашней одежды. А он быстро справился, хотя я и не сомневалась в женихе. Оделась за пять минут, и уже выскакивая за дверь, вдруг увидела отражение себя в зеркале. Нет, так не пойдет. Я развернулась и потопала назад, в мини-ателье.

Если все пройдет нормально, то сегодня я встречу со своим мужем. А он уж точно не поймет, почему принцесса, внучка императора, одета в джинсы, кроссы и короткую тонкую курточку.

– Иса, можно сделать что-нибудь типа длинной шубы из меха...

– Зои, – в голосе искусственного интеллекта явно проскользнул укор, – животных на Лимпии давно не убивают ради пошива одежды.

– Ладно, – отозвалась я, – а ткань, похожую на мех? С ворсинками? Чтобы издалека было непонятно натуральный это мех или искусственный?

– Это можно. – Иса тут же выложила на стол модели. Я ткнула пальцем в короткий серебристый мех, похожий на тот, из которого у меня была пелерина, оставшаяся в гардеробе во дворце Амедала. Через несколько минут выдвинувшаяся панель порадовала меня длинной шикарной шубой, которую даже при близком рассмотрении нельзя было отличить от настоящей.

– А теперь драгоценности!

Я напялю на себя все – и диадему, и серьги, и браслеты, и колье. Буду сверкать, как праздничная гирлянда, только бы Адриан поверил, что здесь лучше, чем там. У меня была одна мыслишка, как его обмануть, для этого мне нужно было выглядеть на триста процентов.

Внутри все дрожало, и подкашивались ноги, когда я поднималась в лифте на крышу. Вот он – момент истины. Когда до заветной цели остается шаг, меня почему-то переполняет страх.

А может, не спешить, у меня же еще пять месяцев впереди?...

Но интуиция кричала: поторопись, вот-вот будет поздно. А я всегда ей доверяла. Милу обвел мой наряд удивленным взглядом, но ничего не сказал. Коротко и ласково прикоснулся к губам, пригласил

внутри аэрокара. Я лишь мысленно удивилась естественности жеста, и что такие вот прикосновения стали для меня привычными. Когда только успели?

У меня не было ни единого сомнения, что генератор Милу сработает. Так и оказалось – жених направил луч на барьер, и белесое молоко словно растворилось на ширину луча. В полупрозрачном тумане открылся круглый проем диаметром не более двух метров. Милу шагнул за мной и выключил луч – барьер опять появился сзади. Мы вдвоем оказались внутри.

– Ничего сложного, – произнес он самодовольно. – Похоже на нашу старую разработку, усовершенствованную техниками Парсы. – Парса была еще одним высокоразвитым миром, ее открыли давным-давно, второй или третьей, точно не помню. – Реагирует на живую материю, молекулы шарин, взвешенные в воздухе, при соприкосновении уплотняются, образуя твердую кристаллическую структуру...

Я пропустила объяснение мимо ушей. Меня интересовало узкое окно кабинета императора. Сначала я подошла к двери и подергала ручку. Заперто, что неудивительно. Кричать и стучать смысла нет, только испугаю охранников. Я взяла горсть небольших камешков, встала напротив окна и начала бросать в стекло.

В шубе было не холодно, Милу тоже не проявлял нетерпения, значит, его «живая» ткань греет не хуже. Только я подумала, что не хотелось бы стоять здесь до вечера, как очередной, особенно сильно брошенный камень заставил стекло треснуть и осыпаться осколками. Через пару минут в проеме показалось искаженное яростью лицо Амедала.

– Ты?! – рявкнул он зло. И сразу же спокойнее: – Явилась, наконец!

Я уже успела забыть, какие неприятные у него лицо и голос. Сейчас абсолютно все меня пугало и отталкивало в нем. Захотелось развернуться, уйти за барьер и больше никогда не видеть этот ненавистный облик. Но меня держал здесь не только долг жены.

– Я принесла прибор, который убирает барьер.

Амедал ухмыльнулся и перевел взгляд за мою спину.

– Кто это сзади тебя?

– Телохранитель, – быстро ответила я, не дав себе ни секунды на размышления.

– У тебя есть телохранитель? – издевательски потянул муж, удобно опираясь грудью на подоконник, свешивая кисти вниз, словно собирался разместиться надолго.

Вот он – мой звездный час. Я распрямила плечи, приоткрыв ворот шубы, чтобы было заметно вычурное массивное кольцо с крупными камнями.

– Ты был прав. Я принцесса в этом мире, – побольше надменности и высокомерия в голосе, – я очень богата, ты даже не можешь себе представить, насколько. Все деньги в твоём мире не стоят и малой части того, что я имею здесь.

В глазах Амедала появился алчный блеск. Предсказуемо. Я не хотела оборачиваться и смотреть, как воспринимает мои слова Милу, надеюсь, он будет держать язык за зубами. Я чувствовала его, стоящего почти вплотную ко мне, и это знание почему-то успокаивало и давало уверенность.

– Наследование в нашей семье ведётся по мужской линии, – продолжала я, – сейчас на троне сидит мой... так сказать... прадед. Он очень стар, ему больше ста двадцати. – На этой фразе Адриан потрясенно выдохнул. Знаю, цифра вгоняет в шок. – Так что ты вполне имеешь право впоследствии занять императорский трон.

Амедал был не глуп – его ответом на мое последнее высказывание были лишь скептически поднятые брови. Ничего, я все равно уговорю его покинуть свою крепость – буду врать, говорить что угодно, только бы выманить его.

– Этот мир владеет переходами в тридцать два мира. Ты только представь, какие возможности откроются перед тобой – все эти миры будут твоими. – Сзади тихонько хмыкнул Милу – не удержался. – Может быть, в этом и была суть предсказания? Не в войне, которую ты развяжешь? А просто в передаче трона? Тем более что этот мир намного, просто немыслимо опережает нас в развитии. У твоей армии нет ни единого шанса.

– Да неужели?

– Именно! – отрезала я твердо. – Я чуть не умерла, когда ушла отсюда. Упала в речку, слетела с водопада. У меня были переломаны все кости. Посмотри, – я покрутилась, шуба красиво разлетелась

широкими фалдами, – меня вылечили за десять минут, убрали даже те шрамы, которые я получила в детстве. Люди здесь живут по сто пятьдесят – двести лет, красивые, молодые, здоровые. Развлекаются, летают по воздуху, ходят на экскурсии в другие миры, не готовят, не убирают, не пашут и не сеют – за них все делают роботы.

Только бы он согласился, только бы поверил и прошел ко мне, а потом лишь я смогу пересечь границу. А он останется в Лимпии навсегда.

– Пойдем со мной, Адриан. Хотя бы на экскурсию. Посмотришь на другой мир не только из окна своего кабинета. – Я ласково улыбнулась. Надеюсь, моя улыбка выглядела естественной – не слишком хорошо я умею врать, Милу, например, сразу раскусил мою амнезию. Я играла на алчности мужа, на желании захватить, повелевать, на исконном честолюбии и эгоизме Амедалов. – Твой предок Виктор не зря рвался сюда, здесь чудесно.

– Почему же ты пришла, если там так чудесно?

– У тебя мои родители. – Исчерпывающее объяснение.

Адриан замолчал, задумчиво рассматривая что-то далеко за моей спиной. Я не оборачивалась. И так знала, что там стоит оставленный нами аэрокар Милу – серебристо-белая машина, совершенная, сверхсложная, с идеальными обтекаемыми пропорциями, умеющая подниматься на орбиту и опускаться на дно океана.

– Ладно, – произнес Амедал, когда я уже извелась от нетерпения, – я пойду с тобой.

И сразу исчез из окна. Наверное, пошел одеваться. Я обернулась к Милу. Тот отрешенно рассматривал крепость, никак не комментируя мое вранье. Мне стало даже немного стыдно, получается, что я вообще все время лгу – и ему, и деду, а теперь и своему мужу.

Амедал появился через несколько минут. Дверь в крепости открылась на пару секунд и сразу же закрылась. По оттопыренному камзолу было понятно, что он взял с собой мушкет. Не доверяет.

– Можно мне увидеться с родителями?

– Нет! Сначала ты исполнишь пророчество, а потом посмотрим. – Адриан держался нагло и уверенно, но я видела, как повлажнела кожа на висках. Ему было страшно. Его верная гвардия, слуги, охранники оставались за стеной. Я скрипнула зубами. Только выйди за барьер – и

ты больше никогда не переступишь порог императорского дворца! По крайней мере, в ближайшие пять лет. Я не дам тебе.

Милу включил луч и сделал приглашающий жест. Амедал надменно вскинул голову и шагнул через стену. Мы направились к аэрокару. Я специально уступила ему место впереди. Пусть наслаждается видом, пока это возможно.

По моему плану я хотела оставить мужа в Доме, а сама вернуться в крепость и встретиться с родителями. Пусть живет в роскоши, наслаждается моими деньгами, а я отправлюсь домой. Через пять лет, возможно, встретимся. Надеюсь, Амедал привыкнет, поймет, что здесь неизмеримо лучше, и не захочет возвращаться. А после (хорошо бы) и развод мне даст.

А пророчество? Не знаю, что там с гадалками, не верю я в волшебство. Мы сами его делаем. Объединю я миры или нет... Спустя пять лет посмотрим. А первая часть и так исполнится – Адриан будет жить на этой стороне.

Милу сосредоточенно вел аэрокар. Даже не включил автопилот, как делал всегда. Я обеспокоенно смотрела на светлый затылок. С того момента, как Амедал высунулся из окна, он не произнес ни слова. Сердце сжимала странная тянущая боль. Все? Он больше не хочет меня? Увидел неадекватного мужа и охладел? Что ж... Я все равно решила вернуться домой, вряд ли лорд Кагоа пойдет со мной в отсталый бедный мир, только из-за большой любви, которой, увы, не наблюдалось. Хорошо, что мы не успели влюбиться друг в друга. Расстанемся без сожалений. Наверное...

Нужно отдать должное мужу, он лишь сдержанно ахнул, когда на горизонте показались великолепные башни Каратоса. Мы сели на крышу Акиланосов. Я немного задержалась в аэрокаре и, подождав, пока выйдет Адриан, тихонько спросила Милу:

– Ты будешь на дне рождения деда? – Он молча кивнул. Губы чуть изогнулись в грустной улыбке. Мне хотелось завывать от бессилия и тоски. Грудь сдавило тисками – не вздохнуть. Как же мне хотелось, наплевав на ожидающего снаружи мужа, обнять Милу, прижаться к нему, улететь далеко-далеко, за океан, в сказку, которую он мне показал.

Но не могу.

Я вызвала лифт, мы зашли внутрь. Я специально оставила его призрачным, посмотрим, какой смелый у меня муж. Помню, как меня тошнило и подгибались ноги в первое время спусков и подъемов. Адриан ошеломленно выдохнул и крепко ухватился за меня, клещами сжимая плечо. Я поежилась. Стоящий рядом и цепляющийся за меня человек был мне настолько чужд и неприятен, что меня подташнивало от отвращения. Муж... Даже у двух звезд на небе было больше точек соприкосновения, чем у нас.

Вот и сто девятый.

– Иса, это мой муж, император мира Саэн, Адриан Амедал, – произнесла я, когда мы вошли в мои апартаменты.

– Приятно познакомится, Ваше Императорское Величество. – Голос Исы, прозвучавший в воздухе, заставил Амедала вздрогнуть и недоуменно заозираться.

– Покажи ему, как пользоваться кухней и ателье. Я пока переоденусь.

– Хорошо, Зои.

Я стукнула по стене пальцем, из нее вылетела подушка.

– Садись. – Амедал осторожно сел, серая субстанция приобрела вид удобного кресла, обнимая его тело. – Управляешь взмахом руки или голосом. Сегодня вечером состоится императорский прием, я тебя представлю семье. А пока развлекайся.

Амедал выглядел немного пришибленным. Я в некотором роде понимала его. Сама выглядела точно так же в первый день. Он даже лучше держится, чем я.

Вдруг он крепко схватил меня за руку.

– Если ты что-то задумала, – произнес тихо муж, – можешь сразу отказаться от планов. – Я нахмурилась – он что, мысли читает? Интуиция у Адриана была зверская. – Во-первых, я приказал никому, кроме меня, не открывать дверь. А во-вторых... – Он притянул меня к себе и почти впечатался лицом в мое. – В крепости столько взрывчатки, что гору разнесет в пыль.

– Ты о чем? Не понимаю. – Мой голос внезапно охрип.

– Я отдал приказ гвардейцам, если кто-то будет вскрывать дверь или насильно рваться в замок, они должны будут поджечь фитиль.

– Думаешь, солдаты пожертвуют собой? – прошипела я ему в лицо. Амедал злорадно скривился.

– Пожертвуют. Они знают, что может случиться с их семьями, если ослушаются приказа. А еще они думают, что с этой стороны попытаются прорваться в наш мир чудовища.

– Это ты самое главное чудовище...

– Ты уже говорила мне это, дорогая, – ухмыльнулся муж. Я вырвала руку, развернулась и пошла в спальню. План нужно было подкорректировать. Завтра отправиться домой не получится.

– Ничуть не изменился, – бормотала я сквозь зубы, сдирая с себя драгоценности. – Такой же подонок и мразь, каким и был.

Это у меня после пересечения барьера прошла целая жизнь. Для Амедала же всего месяц. С чего бы ему меняться?

На ком пришло сообщение от деда. Я открыла окно.

«Кого ты привела в Дом? Иса сказала, что это твой муж. Надеюсь, это шутка?»

Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Ну, конечно, император, владелец Дома, не мог не узнать от Исы, что в Доме новый житель. Винить искусственный интеллект глупо, она мне не подруга, чтобы прикрывать от гнева родственников.

«Я познакомлю вас на приеме», – написала в ответ.

«Тебе повезло, что я сейчас на другом конце Лимпии. Вечером нас ждет серьезный разговор. Я так понимаю, что ты все вспомнила? Или и не теряла память?»

Я со злостью смахнула окно. Какое право он имеет меня отчитывать? Дед не выполнил свое обещание, не убрал барьер. Да, Дом его вотчина, но если вечером он выгонит нас, у меня достаточно средств, чтобы подобрать жилье. В крайнем случае поеду в Гайми-парк. Милу говорил, что на нижних этажах сдаются апартаменты. Дьявол! Опять Милу! Слово без него я и шагу не могу ступить. Как прочно он успел войти в мою жизнь!

Я переоделась в домашний брючный костюм и пошла искать мужа. Еще вчера вечером я заказала шикарное платье и комплект драгоценностей на прием. И как бы мне ни хотелось не видеть Амедала, нужно ему помочь с адаптацией, заказом одежды, еды и прочего. Кто знает, что нас ждет, отношения портить не к чему. Хотя... Что здесь портить? Все и так испорчено вконец.

Адриан ездил в кресле по коридорам и рассматривал апартаменты со странным выражением на лице. Иса официальным

безэмоциональным тоном рассказывала, что для чего предназначено. Я пристроилась рядом.

– Иса, Том Вилар на месте?

– Да, Зои.

– Сообщи ему, что я сейчас зайду к нему, чтобы вживить чип в ухо моего мужа.

Амедал обернулся.

– Сейчас съездим на медицинский этаж. Нужны прививки, переводчик и прочее. Язык, на котором мы разговариваем устаревший. Тебя никто не поймет.

– А она? – Муж поднял палец вверх и ткнул в воздух.

– Она – это робот, искусственный интеллект. Она знает все языки, но люди, увы, не так совершенны. – Я толкнула спинку кресла Амедала по направлению к выходу. Нужно еще ком подобрать. Я мысленно застонала – предстоит долгий трудный день. Как его пережить?

Глава 22

Двести пятый этаж встретил нас звоном бокалов, смехом и громкой музыкой – на сцене выступали какие-то приглашенные музыканты. Мы опоздали – долго подбирали одежду Амедалу. Муж не соглашался с моими советами, ему хотелось кружев, золотого шитья, больше драгоценностей. Мои объяснения, что мужчины здесь одеваются строго, а символами благосостояния являются лишь новейший ком или живая ткань костюма, а не количество бриллиантовых пуговиц на сюртуке, не убедили.

И теперь мне было стыдно за стоявшего рядом мужчину. За его вычурную одежду, золотую массивную цепь на груди, наглый надменный вид. Сама я выбрала обманчиво простое платье в пол из живой ткани синего цвета. Его цвет медленно перетекал из безоблачного бирюзового до бездонного ультрамаринового. В самой синей ночи по всему платью вспыхивали звезды, складывающиеся в знакомые созвездия Лимпии.

Звуки стихли. Гости обернулись в нашу сторону. Я с каменным выражением на лице шла вперед по направлению к имениннику. Моя рука лежала на сгибе локтя Адриана.

– Ваше Императорское Величество, поздравляю с днем рождения, – произнесла вежливо, подарок еще раньше я отправила в его кабинет, какую-то жуткую древнюю и дорогую картину. Данир посоветовал – в живописи я разбиралась почти так же, как и в генетике. – Позвольте представить моего мужа, императора Саэн, Адрина Амедала.

Я четко заметила, как на имени мужа глаза деда потрясенно округлились. Лицо застыло в непередаваемой гримасе, ноздри гневно затрепетали.

– Твои подарки, внучка, радуют все больше. Я думал, что после утреннего тебе не удастся меня удивить, – скорее всего, это он о наследстве, а не о картине, – но ты смогла.

Я кисло улыбнулась в ответ. Сзади, у окна, я заметила одиноко стоящего Милу с бокалом в руке. Красивое лицо было непроницаемо, хотя многие мои родственники и гости обернулись в его сторону,

желая посмотреть на реакцию бывшего жениха. Но тому, кажется, было все равно. Он равнодушно отвернулся и уставился на ночные огни города.

– Пойдем поговорим, Зои. – Дед направился к балкону, мы двинулись за ним. – Своего, – он выплюнул это слово, – мужа оставь здесь.

Я глазами нашла Данира и позвала его.

– Адриан, Данир, – представила брату мужа, – Дань, угости императора юлой. И покажи сад, – братишка выжидательно приподнял бровь, – да-да, знаю, с меня должок.

А сама отправилась на балкон, чувствуя многочисленные взгляды в спину. Меня не волновали ни презрение родственников, ни сплетни, ни домыслы, ни возможное порицание. Меня волновал лишь один-единственный взгляд, который сейчас был направлен в темноту.

– Ты меня обманула, – начал говорить император, как только я встала рядом у парапета. Моим ответом были лишь безразлично пожатые плечи. Если я и чувствовала вину, то лишь перед Милу. Деду я ничего не должна.

– Ты не теряла память, – продолжил он, – ты хитрая лживая вертихвостка. Тебе зачем-то нужно было притащить сюда своего мужа. Ты за этим просила убрать барьер?

Я опять дернула плечом. Пусть говорит, у него хорошо получается придумывать.

– Когда не удалось мне, ты взяла в оборот лорда Кагоа? Это он помог тебе? – Я с трудом подавила улыбку. Со стороны это выглядит это именно так – злой умысел и холодный расчет. Я, подлая шпионка, завлекла в сети бедного лорда, окрутила, влюбила, заставила идти у себя на поводу.

Вот только симпатия к Милу стала для меня самой великой неожиданностью.

– Ты знаешь, что семью Кагоа накажут? – Я нахмурилась и отрицательно покачала головой. – Он-то выплатит штраф, а вот мне теперь придется разбираться с приданым, – злость деда набирала обороты, – лорд вполне может выставить претензию. Мало того, что заберет все, что успел переправить, еще требует компенсацию за моральный ущерб.

– Что вы хотите от меня? – У меня окончательно испортилось настроение, хоть оно и раньше было не ахти. Пора заканчивать разговор, неизвестно, что может вытворить муженек, оставленный в одиночестве. – Вы изначально не имели права продавать меня, я не ваша внучка. И не давала согласия на свадьбу.

Дед зло зыркнул из-под широких кустистых бровей. Не боюсь я вас, дедуля. Я боюсь лишь одного человека, который может лишит меня родителей. Он такой же лжец, как и я. Идет напролом для достижения своей цели, не гнушаясь никакими подлостями, как и я. А вы слишком цивилизованны и гуманны. Продукт своего прогрессивного времени. Вы ничего мне не сможете сделать. Лишь попусту сотрясать воздух.

– Все? – Я коротко поклонилась, собираясь уйти.

– Я еще хотел поговорить насчет наследства...

– Не о чем говорить, – холодно отрезала я, все больше нервничая. Мысль, что Амедал может что-то утворить, не давала покоя, – пока я оставлю все в вашем распоряжении, как было раньше. В свою очередь, надеюсь, вы не выгоните нас из Дома.

Не дожидаясь ответа, я быстро пошла в сторону звучащей музыки. Так и знала. Гости развлекались тем, что стояли полукругом и чуть ли не тыкали пальцами в пьяного Адриана, который приставал к полуобнаженной Алисии. На той была опять странная паутинка в виде платья. Точнее, платье в виде паутинки. На самых стратегически важных местах блестела россыпь камней.

– Пойдем со мной, девка, – его громкий голос перекрывал музыку, – ублажишь меня.

Когда он успел набраться? Юла так не сбивает с ног. Я обернулась к Даниру и сурово нахмурила брови. Тот шутливо развел руки. Ладно, ему только бы повеселиться. А вот что делать мне? Милу среди наблюдателей не было. Ушел? Так даже лучше.

Я торопилась прекратить спектакль, но не успела. Амедал поддел пальцем тонкую ниточку на груди Алисии, та со звоном лопнула, мелкие бриллианты посыпались на пол. Муж радостно загоготал. Красивая грудь Алисии вывалилась наружу.

– Забери своего дикаря! – заорала Алисия, увидев меня. – Научи его вести себя в приличном обществе. А лучше держи в клетке.

– Да как ты смеешь, девка! – крикнул Амедал, грубо хватая ее за руку. – Ты знаешь, кто я?!

Вечер превращался в постыдный фарс. Я подошла ближе и тронула мужа за плечо. Он резко обернулся, чуть не ударив меня по лицу локтем.

– Пойдем, – мягко произнесла я. Мне бы только увести его отсюда. Иса добавит в напиток успокоительного. И этот жуткий день, возможно, закончится без особых бед.

– А! Это ты! – выплюнул муж мне в лицо. Что же Данир ему дал, подлец? Глаза Адриана превратились в горящие угли, лицо исказилось такой откровенной злобой и похотью, что стало страшно. – Мне тут поведали, что ты успела побывать в невестах с самым завидным женихом тридцати двух миров. – Я скрипнула зубами. – Какая резвая девица! Женихи у нее один лучше другого! Еще и муж император! А посмотришь – ни рожи, ни фигуры. Даже эти распутные девки лучше, – он ткнул пальцем на Фиону, которая опять вырядилась только в бусы.

Я тоскливо обвела глазами зал. Мне было невыносимо стыдно. Адриан в расшитом золоте камзоле, с золотой цепью на шее, бриллиантовыми запонками, множеством колец на пальцах выглядел жалко. Зачем я привела его сюда? Зачем оставила одного?

– Рот закрой! – рявкнул вдруг рядом громкий голос. В представлении принял участие дед. – Ты никто. Слабый правитель неразвитой планеты, не имеющей ничего... ни полезных ископаемых, ни ценных знаний или технологий... Ты никчемный отпрыск бедного наемника Виктора Амедала, единственной заслугой которого было то, что он смог задурить мозги семнадцатилетней принцессе. А твоя единственная ценность – ты муж моей внучки. Лишь поэтому я тебя не выгоняю. Иса! Кокон! – приказал он грозно.

К нам подлетела странная подушка, немного больше, чем обычная. Она резко толкнула Амедала в колени, подбивая их, и тут же превратилась в такое же кресло, но немного другое. Оно спеленало мужа по рукам и ногам, не давая даже пошевелиться.

– В сто девятый! – припечатал дед. – Пусть проспится.

Пусть Амедал не мог встать, но рот заткнуть ему никто не догадался.

– Я император целой планеты! – орал он, оборачиваясь в кресле, когда то поплыло в сторону лифта. – Я самый главный! Передо мной все преклоняются! Я прикажу казнить вас! Всех на плаху!

Я шла за креслом с каменным выражением на лице, а все смотрели на нас и смеялись. На секунду мне даже стало жаль Амедала. Это было похоже на смех над убогим сумасшедшим, который не осознает, что кричит. Гости веселились, словно наблюдали за театральным представлением. И это было отвратительно.

Иса распахнула двери, кресло въехало в лифт, я вошла следом и нажала на сто девятый. На ком пришло сообщение от Данира. «Это не я. Мы пили только юлу. К нам подошли Гарон с дядей. Это они его угостили коктейлями с наркотой».

Всю дорогу Амедал грязно ругался, дергался, пытаюсь выбраться из кресла. Но крепления опали лишь после того, как за нами закрылась входная дверь. Я осталась один на один с неадекватным мужчиной.

– Пойду спать, – произнесла быстро, юркнув мимо мужа. Как жаль, что не сообразила попросить отдельные апартаменты у деда. Пустых квартир в Доме много.

– Ты с ним спала? – догнал меня в спину рык Амедала.

– Не твое дело! – злить пьяного последнее дело, но выбирать выражения не было сил.

– Сейчас проверим. Мне надоело, что моя жена так до сих пор и не стала моей. – Адриан бросился вдогонку. Пара мгновений, и он уже за спиной, схватил за руку и развернул лицом к себе. А вот это уже совсем плохо. Я даже немного испугалась. Наркотик не повлиял на его силу или координацию движений, лишь выпятил характерные амедаловские черты – злобу и похоть. Его лицо было искажено бешенством пополам с вожделием. Но мы сейчас не в его замке. И вокруг не его люди.

– Сначала проспись, – холодно произнесла я, стараясь не показать ни малейшего страха, – я не собираюсь становиться твоей, когда ты в таком состоянии.

– По-моему, ты никогда и не собиралась становиться моей, – странно усмехнулся Амедал, его голос приобрел хрипловатые вкрадчивые интонации, стало еще страшнее.

Я вырвалась из захвата и вбежала в свою спальню. Надеюсь, успею заблокировать дверь. Не успела. Муж схватил меня за волосы,

намотал на кулак, чуть не сняв скальп, и впечатал в стену. Я больно ударилась спиной и затылком. В голове зашумело. На некоторое время я, наверное, отключилась, потому что, когда пришла в себя, Амедал пытался разорвать на мне платье. Я мысленно порадовалась – живую ткань так просто не повредить.

– Адриан, прекрати, – произнесла слабым голосом, отворачивая лицо от яростно сопящего мужа, – пойдём на кухню, выпьешь успокоительного, ляжешь спать...

– Вы сделали из меня идиота, посмешище, – рычал он зло, дергая рукав платья, – ты пела про то, что я стану императором тридцати двух миров. Каким, к дьяволу, императором?

– А что ты хотел за один день? Да ещё и напился как свинья...

– Я им всем отомщу... Уничтожу... И тебя, и твоих родителей, и твоего любовника... – бормотал он бессвязно сиплым монотонным голосом, и у меня от него мурашки бежали по спине.

Наконец Амедал понял, что платье не разорвать, и он начал задира́ть подол. А вот это уже плохо. Я попыталась оттолкнуть его руки, но лишь получила сильную пощечину и звон голове. Что делать? Я наивно думала, что в Доме я в безопасности, что никто не сможет мне навредить, что рядом со мной всегда находится Иса... Точно, Иса!

– Иса! – крикнула я громко. – Убери от меня эту мразь!

– Да, Зои, – раздался голос сверху. Мой браслет налился светом и вдруг отшвырнул Амедала странным искрящимся разрядом. Он упал на пол и больше не шевелился. Я осторожно подошла ближе и потрогала пульс на шее. Он бился, значит, жив.

– Спасибо, – пробормотала я и решительно направилась к входной двери. Не могу находиться здесь, спать вполглаза, запира́ться в спальне, ожидая, когда он очнется и опять начнет приставать. Не могу даже дышать с ним одним воздухом.

Через минуту обнаружила себя в лифте, стремительно поднимающим меня на крышу. Точно, подышу свежим воздухом, посмотрю на ночные огни города с высоты птичьего полета.

– Почему ты раньше не остановила его? – произнесла я в воздух, сжимая и разжимая кулаки.

– Я не могу вмешиваться в семейные ссоры, – раздался голос Исы в кабине, – только после того, как меня попросят. Знала бы ты, что

происходит в других апартаментах. Ваши забавы с мужем выглядят даже прилично.

«Забавы? – мысленно повторила я. – Это когда он дал мне пощечину или швырнул о стену?» Хотя что ее обвинять? Она искусственный интеллект, бездушная машина, алгоритм. Данька говорил, что Иса отвечает только тогда, когда спросишь. Сама инициативы не проявляет.

Лифт распахнулся, я вышла на крышу. Над головой сияли звезды, почти те же, что и на моем платье. Я вдохнула свежий теплый воздух и направилась к парапету.

– Зои? – сбоку раздался удивленный голос Милу. – Что ты здесь делаешь?

Сердце подскочило к горлу и заколотилось как ненормальное. Я сглотнула и медленно обернулась. Бывший жених стоял у края крыши, засунув руки в карманы и внимательно смотрел мне в лицо.

– Что это? – взгляд остановился на покрасневшей щеке. – Кто тебя ударил? Дед? Муж?

Голос задрожал от гнева. Я легкомысленно пожала плечами.

– Неважно, а что ты здесь делаешь? Ты же улетел домой.

– Не долетел, – вздохнул Милу, подходя ближе и становясь рядом, – полетал над городом, немного успокоился и вернулся. Понял, что не могу оставить тебя рядом с ним. Как только подумаю, что он твой муж... Что находится с тобой в одних апартаментах, что я сам помог его сюда привезти...

– Он мне не муж, – отрезала резко, – он обманом заставил выйти за него замуж. И мы ни разу не...

Я запнулась, разворачиваясь к Милу. Странная лихорадочная дрожь охватила тело, волосы на коже встали дыбом. Меня словно толкнуло к нему потусторонней сверхъестественной силой. Я цепко вцепилась в лацканы костюма, сминая ткань, и подняла лицо.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – прошептала умоляющим срывающимся голосом. Мне так хотелось сейчас ощутить его губы на своих губах, что скручивало внутренности от невыносимой жажды. Глаза защипало. Милу нежно провел пальцем, обводя контур моего рта, склонился ближе и произнес, касаясь губами кожи, обжигая дыханием:

– Я сейчас заберу тебя отсюда, Зои. Даже если ты не согласна.

– Я согласна, – отозвалась тихо, – забирай.

Сразу же после моих слов Милу подхватил меня на руки и понес к аэрокару, припаркованному на стоянке. Я не покидала его объятий, ни когда мы летели над городом, ни после, когда он нес меня в свои апартаменты в Гайми-парке, а поставил на ноги лишь в гостиной.

Она была темной и почти пустой. Огромное пространство со скудной мебелью, теряющейся во мраке. Ни океана, ни леса, ни гор. Ничего из того, что я видела здесь раньше, что раскрашивало комнату яркими красками. В гигантском окне отражался ночной город с невероятной высоты. Воздух был обычным, кондиционированным, без запахов и примесей. Сбросив туфли, я прошла немного вперед по теплому мягкому полу. Внутри звенело натянутой струной ожидание чего-то важного, судьбоносного. И пугающего, и прекрасного одновременно.

– Зои... – Милу рассеянно потер переносицу. Он стоял у дверей лифта и не собирался идти за мной. – Я сейчас уйду на нижний этаж. Ты останешься здесь одна. Если что-то нужно, зови Дом. Это искусственный интеллект, управляющий Гайми.

Я повернулась назад и удивленно приподняла бровь. Он отдает инициативу мне?

– Ты бросишь меня одну?

Милу всматривался в мои глаза, словно ища там ответ на невысказанный вопрос. Лицо было напряжено и сосредоточено. Он словно боялся, что одно его неосторожное слово или действие спровоцирует меня на побег. Нет, бежать я не собираюсь. Я улыбнулась, шагнула к нему, обняла за талию, прижимаясь щекой к груди. Мы из разных миров, по-разному воспитывались и развивались, но язык тела был понятен и одинаков для всех.

Его руки сразу же обвили мои плечи, опустились на спину, притягивая к себе.

– Я рад, что ты пришла ко мне, – голос Милу звучал глухо. – Если честно, я уже и не надеялся. – Мужчина насмешливо хмыкнул, и я ощутила, как грудь под моей щекой дрогнула, завибрировав то ли в смехе, то ли в беззвучном всхлипе, – ты не догадываешься, но я давно занимаюсь с тобой любовью, Зои. У моего эскапа твоя внешность.

Я подняла вверх лицо, стараясь разглядеть в сумраке выражение его глаз.

– И как оно? – Мне действительно было интересно. Я ведь так и не довела начатое до конца, испугавшись. Милу смотрел на меня сверху вниз и едва заметно улыбался каким-то своим мыслям. Пальцы на спине пробежались вдоль позвоночника, поглаживая выступающие косточки.

– Лучше, чем с другими. – Мое сердце сжалось – слушать о каких-то далеких других не хотелось совершенно. Милу прерывисто вздохнул: – Но хуже, чем поцелуй с тобой настоящей. Я хочу ощущать тебя рядом, вдыхать твой запах, чувствовать твою кожу... – Он начал покрывать мое лицо нежными быстрыми поцелуями, легкими, почти невесомыми. – Ты сейчас в моих руках, и это так близко похоже на счастье, что боюсь проснуться и обнаружить, что опять лежу в эскапе.

– Я пыталась запустить эскап, но у меня ничего не получилось. Не хочу копию, хочу сразу оригинал, – пробурчала сварливо я, дергая застежку его костюма. Чертовая живая ткань, просто так не снять. Пусть она меня спасла раньше от Амедала, сейчас и мое платье, и костюм Милу только мешали, вызывая нетерпеливый зуд во всем теле, желание содрать одежду вместе с кожей, ощутить, наконец, его руки на теле.

Милу прерывисто вздохнул, подхватил меня на руки и пошел куда-то в темноту.

– Давай уже доберемся до кровати, – прошептал он взволнованно, – не хочу, чтобы твой первый раз был на полу или у стены.

Его руки мелко подрагивали, но обнимали сильно и крепко, я же только вжималась в его грудь и думала, что пусть он уже наконец случится, этот первый раз, иначе я сама его изнасилую. Теоретически я знала, как это делать.

Глава 23

Утром Милу зачем-то отнес меня к репликатору, оказывается, у него в апартаментах была оборудованная по последнему слову техники настоящая медицинская комната. Я со смехом отбивалась, визжа, что прекрасно себя чувствую и не нужно меня засовывать в эту гадость. Сошлись на обычной медкабине. Та прошла сканером сверху вниз, что-то уколола и пискнула, зажигая зеленый огонек, – все в порядке.

– Впервые вижу человека, отказывающегося от посещения репликатора, – улыбнулся Милу, протягивая руку, помогая выбраться наружу, – количество геля для розового сеанса репликации стоит как месячное содержание всего Дома, подобного башне Акиланосов.

– Как-нибудь потом, – отмахнулась я, весело фыркнув, – теперь у меня есть свой собственный лорд Кагоа и все репликаторы в моем распоряжении.

Милу беззаботно рассмеялся, заказал у Дома что-то из еды и опять понес меня в спальню, как он сказал, досыпать. Но, конечно, спать никто не собирался. Ни я, ни Милу. Передо мной открылся новый, прекрасный, чувственный мир. Мне постоянно хотелось касаться его, целовать, гладить, дразнить. За одну ночь из скромной тихой девушки я превратилась в какую-то ненасытную алчную самку. Хотя... Милу был мне под стать.

Мы полдня не вылезали из кровати, еду приносили роботы прямо в спальню. А потом Милу показал свою ванную комнату, расположенную рядом, и я пропала. В ней был огромный каскадный бассейн, где вода была то соленой, пахнувшей морем, то пресной, чистой как слеза, то наполнялась щекочущимися пузырьками, то начинала яростно бурлить, почти подбрасывая тело вверх.

Мы провели там восхитительные несколько часов и вылезли только к ужину. В спальне меня ожидало дерзкое платье из живой ткани, провокационно яркое и открытое, которое я бы никогда не осмелилась надеть в люди, только наедине с Милу. А на террасе был накрыт ужин, который мы ели под аккомпанемент красочного фейерверка в мою честь.

И еще одна незабываемая ночь и прекрасное утро.

Я была счастлива. Я забыла обо всех проблемах, о предсказании, родителях, своем мире, и о главной, ожидающей в Доме деда, – муже, запертом в апартаментах на сто девятом этаже. Адриан не умрет с голоду. Да и развлечений там предостаточно. А главное – он не пересечет барьер и не отправится в свою крепость в горах, потому что генератор, способный убрать барьер, есть только у Милу.

Я позволила подарить себе эти несколько дней счастья. Взять от них все что можно, провести их в сказке, где утром мы завтракаем на пустынном пляже, смотря на восход солнца, обедаем на дне океана, наблюдая за проплывающими мимо огромными рыбами, а ужинаем на поляне, среди высоких деревьев, слушая щебетание птиц.

Еще больше завораживал этот красивый, молчаливый, скупой на эмоции мужчина, круглые сутки находящийся рядом, делавший все, чтобы мне было комфортно и хорошо, делавший меня по-настоящему счастливой.

Мы даже не могли толком поговорить, потому что каждый разговор заканчивался одним и тем же – он начинал меня целовать или я... Любое объятие или случайное касание запускало бурную цепную реакцию, заканчивающуюся на кровати, или на столе, или на диване, или в бассейне...

Казалось, Милу хотел показать мне все, на что способны его апартаменты и технологии Край-Вереи. Он старался задержать меня здесь, связать, опутать этими прекрасными вещами, но не знал, что для себя я все решила, и это знание вносило дисгармонию, невольную грусть в эти идеальные дни.

На четвертое утро Милу разбудил меня очень рано. Поцеловал в лоб, прошептал:

– Досыпай, мне нужно ненадолго отлучиться по работе. Скоро вернусь. – Я угукнула и повернулась на другой бок, подумав: «Странно, что работа не коснулась раньше». Большого трудоголика, чем Милу, я не встречала.

Он приехал через пару часов, немного опоздав к завтраку. Я уже заканчивала пить кофе, когда Милу вошел на кухню, неся с собой запах города и охапку живых цветов в широкой узорчатой корзине.

– Думаю, ты должен дать Дому имя, – улыбнулась я, заказывая любимый завтрак Милу – кофе и гору маленьких тостов с разнообразными паштетами.

Он поставил цветы рядом со мной и уселся справа, серьезно смотря мне в глаза. Казалось, он что-то обдумывал, взвешивал, на языке дрожали невысказанные слова.

– Ты что-то хотел мне сказать? – подтолкнула я его. Милу еще немного поколебался, взял в руки чашку и отхлебнул ароматный напиток.

– Мне нужно будет немного поработать в кабинете... – Он явно сказал не то, что хотел, но я не стала настаивать. Потом скажет, если захочет.

– Конечно, работай, – улыбнулась, утыкая нос в незнакомые пышные лепестки, вдыхая упоительный запах.

После завтрака Милу переоделся и отправился в кабинет. Я скользнула следом.

– Я посижу, посмотрю, как ты работаешь. Мешать не буду, не переживай.

– Наоборот, мне будет приятно. – Милу тепло улыбнулся. Я потерлась щекой о его волосы. Как же они мне нравились. Да что говорить – мне все в нем нравилось: и лицо, и фигура, и волосы, и так ранее мной нелюбимые голубые глаза, которые могли и заморозить, и согреть нежностью. Мне даже нравилось его имя, странное, непривычное, так не похожее ни на наши имена, ни на имена Лимпии.

Я заставила себя отклеиться от мужчины и взяла одно из кресел. Растянула его в кушетку и улеглась, приподняв спинку так, чтобы видеть и Милу, и окно. Тронула свой браслет, вызывая из кома маленький экран.

– Иса, ты здесь? – набрала текст.

– Да, Зои. Мне дали гостевой пропуск с ограниченным доступом.

– Пообщаемся, только не вслух.

– Конечно, что бы хочешь узнать?

– Что делает мой муж?

Уезжая, я передала Исе, что если я кому-то срочно понадобится, то я у Милу Кагоа в Гайми-парке. Несколько раз звонил Данир, благодарил за подаренный новенький аэрокар последней модели и старинное здание в центре Каратоса с модным молодежным баром на крыше, который приносил неплохой доход. Думаю, будет достаточно за помощь в получении наследства. Дед не звонил ни разу, как и муж.

Может быть, Дом Милу фильтровал входящие, а может, Адриан так был зол на меня, что и не собирался связываться.

– Его Императорское Величество Амедал Четырнадцатый заказал три костюма с золотой вышивкой, десять колец с сапфирами и бриллиантами, купил аэрокар...

– Стоп, – быстро написала я, – куда это он собрался лететь?

– Не имею представления, Зои, – ответила Иса.

Я задумалась. Может быть, Адриан просто беспечно тратит мои деньги, чтобы уколоть хотя бы так? Он же не может выйти из апартаментов. Конечно, я понимала, что рано или поздно мне придется встретиться с мужем, но я малодушно оттягивала эту встречу.

Схлопнула окно и подняла голову, решив немного понаблюдать за Милу. Я впервые видела, как он работает, и это завораживало. Многочисленные окна открывались и закрывались на терминале, зависая буквально на несколько секунд. Его руки мелькали в воздухе с такой скоростью, что я не успевала даже понять, что там изображено, а Милу успевал прочесть, ответить, сделать выводы, которые надиктовывал секретарю. У него не было живых слуг, ему незачем было поддерживать статус, секретарем был искусственный интеллект, он же Дом.

– Что ты делаешь? – не удержалась я от вопроса, когда увидела небольшой просвет в окнах.

– Ловлю ценную рыбку в двадцати шести мирах, – улыбнулся он, переводя на меня взгляд. – Дом, вот этому отправь приглашение через два дня.

Он схлопнул очередное окошко.

– Дом сделал недельный отчет по поданным патентам, – произнес Милу, откидываясь в кресле, – я просматриваю открытия молодых перспективных ученых и отбираю тех, у кого есть потенциал. Потом приглашаю на собеседование в Край-Верею.

– И как сегодняшней улов?

– Неплохо, – усмехнулся он, – уже выбрал из двух тысяч одного.

Я тихонько присвистнула. Ничего себе! Из двух тысяч одного?! Подняла вверх ладони, показывая, что не буду отвлекать. Милу взмахнул рукой, опять раскрывая десяток окон. Теперь я наблюдала за ним более пристально.

И любовалась. Сейчас я могла себе в этом честно признаться. Я поняла со всей определенностью – он идеален для меня, этот странный лорд из чужого мира. Мне нравились его спокойствие, вдумчивость, сдержанность. Он не говорил попусту, не бросался словами. Его фразы всегда продуманы и выверены. Мне даже нравятся его трудоголизм, прямолинейность, способность находить компромиссы. Да, Милу взрослый, его нельзя его сравнивать с Робертом. Тому было восемнадцать, когда он погиб. Еще совсем юный, порывистый, беспечный. Из-за этого и пострадал.

– Прости, я скоро закончу, – голос Милу оторвал меня от раздумий, – просто таких же ловцов на молодые дарования много в разных мирах, и нужно успеть выхватить прежде, чем его ангажируют другие ловцы.

– Нет-нет, – я заулыбалась, – мне безумно нравится наблюдать за тобой. Не отвлекайся.

Глава 24

«Я влюбилась по уши» – эта мысль ритмично билась внутри, выжигая на сердце несмываемые отметины. Я смотрела на спящего Милу и не могла отвести взгляд. Что я наделала? Как это могло случиться? Почему сейчас я млею от одного только вида тонкого худощавого лица, длинных светлых ресниц, лежащих полукругом на щеках, упавшего на лоб белокурого локона? Хотелось лежать вот так и смотреть вечно.

Нежность растекалась по телу, превращая кости в мягкий воск.

Милу распахнул глаза и сонно улыбнулся. Почти неосознанно притянул к себе, утыкаясь подбородком в мою макушку, и замер, шумно дыша. У меня болезненно дернулось сердце.

Пусть я за эти четыре дня досконально изучила его тело, меня все равно неизменно поражало, как быстро оно меняется при соприкосновении со мной. Оно становится твердым как камень, напряженным, натянутым как струна. Я тоже на него остро реагирую, просто этого не видно так явно.

Пальцы Милу начали блуждать по моей коже, сначала медленно, лениво, легонько касаясь, рисуя непонятные узоры. Вскоре на руках обозначились мышцы, они налились силой, прикосновения стали более настойчивыми, резкими, даже наглыми, пробуждая неясную жажду, тихие стоны, желание изогнуться, потереться друг о друга, почувствовать на языке вкус его кожи.

Вдруг ком пиликнул входящим сообщением. Я завозилась, выбираясь из обнимающих меня рук. Милу тяжело вздохнул и откинулся на спину, вытягиваясь на простынях. Я невольно залюбовалась обнаженным телом, прекрасным в своем возбуждении.

«Сейчас я лечу в крепость. Можешь попрощаться со своим миром, родителями и сестрами. Ты их больше не увидишь».

Меня словно подбросило вверх. Я перепуганно спрыгнула с кровати и в панике заозиралась, отыскивая взглядом хоть какую-то одежду. В голове была каша.

– Что случилось? – Милу поднял голову.

– Не знаю, – голос срывался, – Амедал как-то умудрился покинуть башню и летит в Саэн, – я быстро одевалась, руки тряслись от волнения, – нужно успеть перехватить.

– Но... – Милу тоже встал начал натягивать брюки. Я поняла его «но» по-своему.

– Не знаю, как, может, дед помог. – Я никак не могла застегнуть рубашку. Меня колотило, пальцы соскальзывали.

– Я отвезу на своем аэрокаре. – Милу был спокоен, не в пример мне. Он подошел ближе и провел пальцем по застегжке снизу вверх.

– Спасибо...

– Успеешь позавтракать?

– Нет, – я умоляюще округлила глаза, – Амедал не дурак. Он понял, что я врала, что в этом мире он никто и никем не станет.

– Так, может быть, оставить его в покое? – Милу крепко взял мою дрожащую руку и сжал ладонь. – Пусть летит в свой мир. А ты останешься здесь... со мной...

Я непонимающе уставилась на бывшего жениха. Что он говорит? Оставить в покое?

– Полетели, – настойчиво потянула его к лифту, – он задумал что-то ужасное. Я чувствую это.

Больше мы не разговаривали. Поднялись на крышу, сели в аэрокар. Милу сразу же поднялся на большую высоту и включил максимальную скорость. Я сцепила руки в кулаки, старалась не погрязнуть в панике. Не знаю, как Амедал проберется внутрь, может быть, у него и на этот раз был запасной вариант. А может, он взорвет крепость удаленно? Или не будет взрывать, а просто прикажет казнить маму и папу? Я закрыла на миг глаза – если я увижу трупы моих родителей, как он обещал, вывешенные на стены, я просто умру под ними же.

«Быстрее, быстрее», – мысленно торопила я машину Милу, но она и так летела на пределе скорости. Когда мы добрались до барьера, аэрокар Амедала стоял рядом с ним, открытый и пустой. Мы сели, я сразу же выскочила наружу и бросилась к закрытой двери. Амедала нигде не было. Как он пробрался внутрь?

– Адриан! – орала я, барабаня кулаками по обитому железом дереву. – Давай поговорим! Адриан! Открой!

– Не о чем разговаривать, – вдруг раздался глухой голос с той стороны, – ты предала меня, за это и заплатишься.

– Нет! – Я громко с надрывом рыдала, заламывая руки. – Прости меня. Я была неправа. Впусти меня! Я пойду с тобой! Я стану тебе настоящей женой!

– Ты мне не нужна, – отрезал с той стороны Амедал. – Изменница. Это была твоя месть? Превратить меня в ничтожество? Так знай – я превращу здесь все в пыль. Нужно было давно взорвать этот проход. И ты будешь виновата в том, что погибли твои родители.

– Нет! Стой! Адриан!

Я кричала и звала – все напрасно. За дверью никто не отвечал. Побежала к окну, может быть, он ушел туда? Паника не давала связно думать, но вдруг я найду лестницу и сама проберусь в его кабинет? Я обернулась к стоящему вплотную к барьеру Милу.

– В аэрокаре есть лестница или что-либо для вскрытия двери?

Вдруг внутри крепости начал расти какой-то странный гул. Мелкие камешки посыпались сверху мне на голову.

– Зои, назад, – напряженным голосом произнес Милу.

– Нет! Там мои родители! – Я в панике побежала обратно к двери.

Вдруг гора вздрогнула и задрожала. Рядом со мной упал крупный кусок породы, впереди еще один.

– Зои!!!

Я инстинктивно отшатнулась влево от летящего на меня камня и упала, оказавшись головой и плечами за стеной. Милу не стал раздумывать, быстро схватил и дернул на себя, вытягивая на свою сторону. Я что-то кричала, вырывалась, брыкалась. Но он, не слушая меня, подхватил на руки и побежал в сторону своего аэрокара.

За спиной что-то мощно гроыхнуло, нас почти сбило с ног, Милу качнулся и чуть не упал. Одним сильным движением закинул меня внутрь через оставленную открытой дверь и сам прыгнул следом. Через мгновение на нас обрушилась гора. Грохот от падающих на крышу глыб стоял такой, что я подумала, что настал конец света. Нас расплющит как лист бумаги. Ну и ладно, все равно все мои близкие мертвы.

Вдруг стало тихо. Я осторожно открыла глаза. Было темно, свет давала только мигающая панель управления. Крыша прогнулась, но выдержала. Через дверь аэрокар засыпало камнями почти до середины.

Мы с Милу лежали в дальнем от входа углу, на полу, за сиденьями. Я даже не помню, как здесь оказалась. Все тело болело, в ушах стоял звон.

Милу что-то набирал на своем коме, наверное, звал помощь. Не успеют. Я и так знала, что воздуха в этой маленькой коморке осталось на несколько минут. Значит, мы скоро умрем.

– Не умрем. – Я что, произнесла последнюю фразу вслух? – Мой аэро может подниматься на орбиту и опускаться на дно океана. Он выдерживает сумасшедшее давление, выдержит и гору. – Милу потянулся к панели и нажал какую-то кнопку, поясняя: – Это генератор воздуха.

Он опять лег на пол рядом со мной и крепко обнял. Я всхлипнула и горько разрыдалась, вжимаясь лицом в рубашку Милу, орошая ее слезами. Лучше бы я умерла. Родители погибли... Амедал, как и обещал, взорвал замок. Теперь вина будет преследовать меня всю жизнь. Что я наделала? Почему пошла на поводу у своих чувств? Могла бы смириться, притвориться, попытаться стать примерной покорной женой? Или нет?

Бесконечная боль разрывала внутренности.

Я лежала в тесном пространстве аэрокара, спелёнатая руками, ногами, телом Милу, пронизанная его теплом. Казалось, он хотел слиться со мной, забрать мою боль, так сильно сжимал мое тело.

И вдруг он начал что-то говорить тихо и размеренно, словно убаюкивая. Сначала я ничего не понимала, меня душили рыдания, голова раскалывалась от боли, но потом спустя некоторое время мимо воли начала прислушиваться к мягкому ласковому голосу. Он говорил о своей семье, работе, доме. О лабораториях и ученых, которые на него работают. Заставлял меня вспоминать наши дурацкие первые свидания. Его голос, монотонный и спокойный, вытаскивал меня из того океана боли, в котором я тонула.

– Я заметил тебя сразу. Ты стояла у аквариума с распахнутыми глазами, в одноразовом белом медицинском комбинезоне. Худенькая, испуганная, как потерявшаяся маленькая девочка. Я не знал, кто ты, что делаешь в приемной императора, но когда ты не пришла на встречу, я очень разозлился.

– Ты ждал? – хриплым сорванным голосом спросила я.

– Ждал. И сейчас жду. Я готов ждать тебя столько, сколько нужно. – Он сжал меня крепче. – Я не хочу жить, как мой отец с матерью, как мой брат. Я хочу настоящую семью, чтобы хотеть возвращаться домой, чувствовать твои руки в волосах, тепло твоих поцелуев. Смешно. Я реально до сорока лет ни с кем серьезно не встречался. Нанимал эскорт для официальных встреч, а когда отец сказал, что пора жениться, просто дал Дому поручение предоставить список всех родовитых невест во всех мирах. На первом месте оказалась принцесса дома Акиланосов.

Я рвано всхлипнула, судорожно втягивая в себя сухой искусственный воздух.

– Мать возненавидела отца еще до свадьбы. Она бы желала вообще не спать с ним и не рожать детей, а вывести в инкубаторе. Если бы ученые не доказали, что дети в инкубаторах рождаются с небольшими отклонениями, так бы и было. Так что инкубаторы используют лишь в крайних случаях, когда нет другого выхода.

– А почему они не разойдутся? Среди статусных браков разводов нет? – Я едва ворочала языком. Истерика забрала все силы.

– Есть, но редко. Отец не хочет, иначе придется отдавать приданое, точнее, разорвать договор на пожизненную добычу минералов, а это громадный кусок благосостояния семьи. Мать... привыкла быть молодой и красивой, а без частого посещения репликаторов Кагоа это невозможно. Отец пригрозил, что отключит их все и не продаст новые.

Меня передернуло от озноба. Милу прижался теплыми губами ко лбу.

– Какая же ты холодная, – прошептал он, растирая мою спину, плечи, руки горячими ладонями. – Отец растил из меня наследника чуть ли не с пеленок. С семи – бизнес-школа, с пятнадцати – университет. А я мечтал в детстве, чтобы мама однажды пришла ко мне пожелать спокойной ночи, поцеловала, рассказала сказку, а отец хоть раз показал, что гордится мной.

– Значит, твоя мечта – иметь настоящую семью? – Слезы опять навернулись на глаза.

– Не плачь, тырываешь меня сердце. – Милу начал покрывать мое лицо теплыми поцелуями. Губы, нос, щеки, подбородок, скулы. Я

чувствовала себя разбитой и слабой, но в его объятиях становилось чуть легче.

Наверное, я задремала, потому что, когда открыла глаза, было светло. Крыша у аэрокара отсутствовала, над нами голубело небо. На лицо медленно опускались редкие снежинки.

Нас спасли. Это заняло не больше нескольких часов.

Через пять минут мы сидели в мини-креслах друг напротив друга, чумазые, покрытые пылью с ног до головы. Медики впихнули нам в руки стаканы с чем-то горячим. Милу улыбался, а мне было совсем не весело. Опять навалилось осознание того, что я сама, собственными руками, погубила свою семью. Вдруг в голову пришла тревожная мысль. Странно, почему она не появилась у меня раньше? Или паника так поглотила меня, что отключила мозги?

– А как Амедал прошел внутрь барьера? Откуда он взял генератор? – Я ошарашенно смотрела на Милу.

– Я дал ему...

– В смысле? – отказывалась понимать я.

– Амедал написал императору Акиланосу, попросил о встрече. Он пообещал, что даст тебе развод, откажется от наследства, мести, если мы поможем ему вернуться обратно в свой мир. – Милу говорил мягко и осторожно, словно ступал по тонкому льду, а у меня волосы зашевелились на голове. – Он подписал все бумаги. Мы даже съездили в ассамблею к адвокату. Сказал, что вернется в Саэн, здесь ему делать нечего. И тебя он не любит, чтобы бороться за жену.

Я резко вскочила на ноги. Стакан с чаем, или что там было вместо него, выпал из рук, звонко ударившись о камни. Я с яростью смотрела на еще недавно привлекательное лицо лорда и ненавидела его всей душой. Ему я обязана всей этой болью, это он лишил меня родителей.

– Я не хочу тебя больше видеть. – Мой голос звучал холодно и безжизненно. – Мои родители погибли по твоей вине. Я никогда тебя не прощу. Уходи.

Милу молча смотрел мне в глаза снизу вверх. Лицо побледнело до синевы, скулы заострились. Мне хотелось сделать ему больно, так, как сейчас мне. Чтобы он мучился, страдал, наивно надеясь, что мне от этого станет чуть легче.

Когда я успела стать такой стервой?

Видя, что он не уходит, я развернулась и пошла прочь. Куда угодно, лишь бы не видеть Милу. Именно в нем сейчас слились воедино и вся моя боль, и вся ненависть.

– Ваше Императорское Высочество, – передо мной возник Роб Карт, наблюдатель. – Вы желаете отдохнуть? Моя сфера в вашем распоряжении.

– Когда начнут раскапывать крепость?

– Зачем ее раскапывать? – удивленно переспросил Роб. – Новый проход сам откроется через некоторое время, нужно только подождать.

Я ничего не поняла из его объяснений.

– В крепости были люди, много людей! – истерично вспыхнула я, срываясь на крик. – Может быть, там остались выжившие! Нужно срочно начать раскопки!

Роб перевел недоуменный взгляд за мою спину. Я нервно развернулась. Сзади стоял Милу.

– Я вызову технику и людей. Они приедут к вечеру, – произнес он ровно и спокойно, – за два-три дня все расчистят.

Он опять мне помогает, но спасибо от меня не дождется. Судорогой свело горло, и на глаза опять навернулись слезы.

– Я словно стою на крыше небоскреба. И куда бы я ни сделал шаг, вправо-влево, вперед-назад, я все равно падаю вниз. – Станные слова Милу не вызвали у меня внутри никаких чувств, лишь раздражение. О чем он говорит?

– Я сейчас улечу. Не буду тебя нервировать своим видом. – Уголок губ, которые я так любила целовать, дернулся в грустной усмешке. Он ждал от меня каких-то слов, но не дождался – я угрюмо молчала, сглатывая всхлипы.

– Если я в чем-то был виноват – прости меня. Я просто очень сильно тебя люблю...

Развернулся и пошел к спасателям. Что-то им сказал. Ему указали на один из стоящих аэрокаров. Я проводила взглядом взлетевшую серебряную птицу. Вот и все. Больше я его не увижу. Я со злостью смахнула слезы – у нас бы все равно ничего не получилось... Я же собиралась вернуться в свой мир. Но слезы почему-то текли и текли из глаз.

– Где можно помыться? – я повернулась к Робу.

– В моей сфере, – ответил он, протягивая руку, – ваш ком в порядке? Наверное, нужно сообщить вашим родным?

– Я сама, – ответила резко и направилась к аэрокару Роба.

Нужно взять себя в руки. Достаточно слез и нытья. Из-за моей слабости к Милу погибла куча народу, а главное – мои родители. Из-за четырех дней счастья, которые я себе малодушно позволила, разрушился мой мир. Больше никаких сомнений и страстей. Не хочу ни любви, ни увлечений, ничего. Плохо для меня они заканчиваются. Что в первый раз, что во второй.

Глава 25

Гору действительно раскопали быстро. К вечеру прибыло около сотни странных, похожих на пауков, роботов с ковшами вместо передних лап, и несколько техников, которые всем руководили. Они привезли тьму разнообразного оборудования и несколько цилиндров-домов в том числе.

– Личный подарок лорда. – Руководитель протянул мне цилиндры. Я не стала отказываться, лорд виноват, пусть платит. Я сделала Милу виноватым в своих бедах, не допуская мысли, что на самом деле виноват совсем другой. Не он поджег фитиль, не он взорвал гору. Но моему сердцу была нужна эта боль. Я наказывала не только его, я наказывала прежде всего себя, отрезая свое сердце от любви, чувств, счастья.

Я отгородилась своей болью от всего, даже от здравого смысла. Милу был продуктом своего мира, его подвело воспитание. В нем все решалось договорами, вежливо и цивилизованно. Этот мир был гуманным, демократичным, в нем муж спокойно дает жене развод, а если возникают проблемы – все решается через суд, честно и открыто. Но мой, увы, не такой. Милу не знал, что Амедалу на подписанный договор плевать с высокой башни, он не собирался его придерживаться. Кто в этом был виноват? Наверное, все же я, но Милу обвинить было удобнее.

Иса, крошечная часть которой сейчас жила в моем браслете, сообщила, что император приказал ей держать в тайне от меня их план. Оградить, так сказать, слабую женщину от потрясений.

Я жила в доме, стоящем недалеко от бывшего барьера, разрушившегося вместе с горой. Он вырос за несколько часов из подаренного цилиндра. Двухэтажный, с минимумом мебели, но мне было все равно. Я в нем только спала.

Роботы быстро разгребали завалы, сухо сообщая о найденных останках. Каждый раз при нахождении очередного тела я нервно дергалась, но генетический анализ показывал другую ДНК, не мою. В итоге нашли сто трупов, моих родных среди них не было. У меня

появилась призрачная надежда на то, что Амедал забрал папу и маму вместе с собой. Значит, я должна пойти к нему.

– Проход в Саэн еще не восстановился, – ответил Роб на мой вопрос о переходе.

– В смысле?

– Когда происходит большой выброс энергии и разрушается один из входов, второй тоже закрывается, и нужно ждать, когда откроются новые двери. Так было с миром Каспий, там сто лет назад произошло землетрясение, и проход закрылся почти на месяц. А после обнаружился в совершенно другом месте.

– Так он может оказаться не здесь? – Я была удивлена и немного напугана. Вдруг он вовсе не откроется, и я останусь здесь навсегда?

– Может... – согласился Роб, я нахмурилась. – Радиус около километра в диаметре. Мои дроны постоянно прочесывают местность. Нам остается лишь ждать.

Сейчас, когда тел моих родителей среди погибших не было, я немного успокоилась и почти взяла себя в руки. Мы похоронили слуг императора, которых он бросил умирать, в небольшой роще у реки. Расчищенный от камней кусок горы, где раньше была пристроена крепость, сейчас представлял собой гладкую идеально ровную стену, похожую на кусок многослойного пирога, отрезанный огромным острым ножом.

Я каждый день бродила вдоль хребта с утра до вечера, в поисках колеблющегося воздуха, означавшего новый проход. Многочисленные дроны кружили вокруг. Пусть Роб и говорил, что они найдут быстрее и вернее, я не могла спокойно сидеть и ждать.

Так прошел почти месяц. Два раза в гости прилетал Данир, пусть всего на часик, но мне было приятно. Я попросила его не рассказывать ничего ни о Милу, ни об императоре. Он провел пальцем по губам, имитируя защелку. Брат, наконец, пошел учиться на вторую ступень и очень радовался своему модному клубу в центре столицы. Сказал, что часто зависает там с друзьями.

Как-то рано утром меня разбудил визг кома.

– Дрон нашел новый вход! – раздался радостный голос Роба, когда я его включила. – Он почти там же, лишь сдвинулся на сотню метров в сторону и на три вверх. Сейчас роботы формируют лестницу.

Я вскочила на ноги и принялась быстро одеваться. Джинсы, кроссы, теплая куртка. Я старалась не думать о том, что меня ждет на той стороне злой, страстно ненавидящий меня муж, готовый придушить собственными руками. Я приму от него любую судьбу. Пусть избивает, пусть казнит за измену, лишь бы не трогал семью.

Роб решил идти со мной.

– Я наблюдаю за миром Саэн уже пять лет, пора, наконец, узнать его изнутри, – улыбнулся он.

Еще раньше он сообщил, что совет решил не восстанавливать барьер. Стена разрушилась из-за причин, не зависящих от нас, а лорд Кагоа получил лишь штраф за самоуправство. До очередного снятия оставалось пять лет, и если при встрече аборигены не проявят агрессию, мир Саэн станет открыт для торговли. Я заверила Роба, представителя совета, что не проявят. Хотя... Кто знает...

Мы поднялись по лестнице на уровень четвертого этажа и вошли в буферную зону. Я шла, как на казнь, с усилием передвигая ноги. Что меня ждет в моем мире? Унижение, позор, смерть? Впереди была темнота, свет давал лишь вход в мир Лимпии, где сейчас было раннее утро. Почти в конце коридора я обо что-то споткнулась и испуганно вскрикнула. Роб направил фонарик вниз – под ногами лежал человек. Точнее, высохшая мумия. Я узнала искаженное злостью лицо Амедала. Его руки, вытянувшиеся вперед, пальцами упирались в барьер. Сердце гулко и сильно забило о ребра.

– Почему он не смог пройти? – я обернулась к Робу.

– Я же говорил... – ответил он напряженно, отворачиваясь. В мире Лимпии редко когда увидишь труп, из-под завалов тела вытаскивали роботы, они же их и закапывали, люди здесь старались не сталкиваться со смертью. – Когда проход закрывается с одной стороны, другой выход тоже становится недоступен. Это как сообщающиеся сосуды. Если закроешь один, во второй нельзя ничего налить. Только когда восстановится один, открывается и другой. Ваш муж попал в ловушку, гора взорвалась раньше, чем он успел выйти.

Значит, Амедал не знал этой особенности. Я вспомнила его давний рассказ о третьем императоре. Он тогда вскользь упомянул, что после того, как раскопали завалы с нашей стороны, выход в Лимпию обнаружили на два метра выше, чем писал Виктор. Тогда он не придавал этому значения. А зря.

– Это тебе расплата за сто погубленных жизней, – прошипела я зло в лицо мумии и решительно шагнула в свой мир, отодвигая рукой штору.

– Я пока останусь в буферной зоне, – произнес Роб за моей спиной, – полчаса, думаю, хватит для привыкания.

Я кивнула не глядя и шагнула на балкон. Наконец я дома. Если среди погибших родителей не было и в коридоре был Амедал один, значит... У меня за спиной распахнулись крылья. Радостной надеждой наполнилось сердце.

– Кто здесь? Зои, это ты? – пронзительный, бесконечно удивленный голос гулко разнесся по залу. Внизу, полулежа в кресле, на меня тарасился Максимилиан. Заспанный, помятый, худой, он выглядел как человек после тяжелой болезни.

– Зои! Боже мой! Ты здесь! – Он вскочил и бросился к двери. Каблуки гулко застучали по лестнице, дверь на балкон распахнулась, и через секунду меня крепко сжимали в объятиях. Слезы навернулись на глаза. Я пришла домой, в свой мир. Наконец...

– Макс, – всхлипывала я, едва сдерживая рыдания, – мои родители...

– Они здесь, во дворце, – быстро отозвался он, глядя меня по плечам, спине, рукам. Я даже не обратила внимания на его фамильярность, на то, что здесь, в моем мире, подобное поведение недопустимо для мужчины по отношению к чужой женщине. Я была так счастлива, что забыла обо всем.

– Месяц проход был закрыт, – бормотал Макс хрипло, – что произошло? Я видел, как умирал Амедал, и ничем не мог ему помочь. Ни еду передать, ни питье. Ничего не мог...

– Пойдем, – еще раз всхлипнула я, – все расскажу, а ты расскажи, что с моими родными.

Я потянула его к лестнице. Мы спустились в комнату, Макс раздвинул сдвинутые кресла, на которых спал, и мы уселись друг напротив друга.

– С ними все в порядке, – начал он первым. – Последним приказом Амедал велел привезти барона и баронессу Токамак во дворец. Но у них сломалась карета прямо посреди пустыни, из-за этого они на несколько дней приехали позже, чем рассчитывали. Я поселил их во дворце, в гостевом крыле, но Адриан больше не приходил. Я

ждал его несколько дней, потом пошел сам. Дверь с той стороны была заперта, на мой стук никто не открывал. Тогда я вернулся сюда и стал ждать. А еще через день через проход ввалилась огромная куча народу, в основном слуги – горничные, поварихи, твои фрейлины. Они несли какую-то чушь. Говорили, что император вместе с императрицей вышли наружу к монстрам и исчезли. Я всех отправил в подвал, в тюрьму, чтобы меньше болтали... А потом... – Макс сглотнул и потер руки, словно они мерзли. – Когда в очередной раз я открыл штору, то увидел Амедала. Он был весь к крови: руки, лицо, колени. Он бился в прозрачную стену, что-то орал, но стена была непроницаема ни для звука, ни для воды или еды. Я каждый день наблюдал за его мучениями...

Он вытер влагу со щек. Я судорожно сглотнула вязкий, мешающий дышать комок. Для Макса Амедал был родным братом. Жуткая смерть. Страшно подумать, что он испытал в последние дни. Я не желала такой смерти никому, даже этому чудовищу.

– Чуть больше двух недель назад он умер. После этого я спал здесь, ожидая хоть чего-нибудь... Какой-нибудь весточки. И тут ты...

Я подняла голову и начала рассказывать свою историю. Опустив некоторые, не имеющие к делу подробности, в виде моей помолвки с Милу, наследства и тому подобного, я рассказала о том, что никаких монстров нет и никогда не было. А есть портал в другой мир...

Я говорила и говорила, глаза у Макса становились все более круглыми. Когда я закончила, некоторое время он приходил в себя. Потом поднял на меня потрясенный взгляд.

– Мы могли бы взять клятву о неразглашении или вовсе их казнить, – медленно начал говорить Макс, и я поняла, что он о той толпе, которая сейчас сидит в застенках. – А сами представим себя империи как мужа и жену. Никто точно не знает правды. Я мог бы заменить Адриана. Я же его точная копия.

Я удивленно хлопала глазами, не веря ушам. Что он говорит? Казнить? Ему мало смертей?

– Для всех я император, а ты императрица, – продолжал он, – я люблю тебя и стану хорошим мужем.

Я порывисто вскочила на ноги и сжала ладони в кулаки.

– Нет! Пора прекращать этот фарс, – отрезала возмущенно. – Слишком долго длится вранье, слишком много людей пострадало.

Триста лет тянется этот обман. Пора рассказать всем правду.

– Но... – Макс казался растерянным. – Народ не готов к правде. Империя держалась на страхе перед монстрами, сейчас же начнутся бунты. Королевства выйдут из ее состава.

Я иронично улыбнулась.

– У нас в наличии имеется гораздо более эффективное оружие, чем страх, – произнесла твердо, – торговля.

И видя, что он не понимает, пояснила:

– Я собираюсь присоединить наш мир к содружеству миров и начать торговать. Я приглашу девятнадцать королей и предложу им то, от чего они не смогут отказаться. – Макс вопросительно приподнял брови. – Здоровье, молодость, красоту... передовые технологии, которые перевернут и встряхнут наш отсталый мир. Среди них есть очень мудрые правители, надеюсь, они поддержат меня. У меня в браслете свод законов демократического государства, возьмем за основу. Сейчас во всех развитых мирах нет единоличной власти, все проблемы урегулируются всеобщим голосованием. Неправильно, чтобы один человек решал все.

– Но империя развалится...

– Если мы поступим по-умному, не развалится, – отрезала я, – в наших руках будет проход в Лимпию, он открывает такие возможности, которые нам и не снились. Ты не представляешь. Это совершенно другой уровень жизни, доступ к технологиям и знаниям, которые опережают наши на тысячу лет вперед. Это та же власть, только с помощью торговли. Она гораздо сильнее, чем страх и клятвы. По крайней мере, честнее точно.

Вдруг я услышала громкие хлопки, раздающиеся с балкона. Мы повернули голову – на балконе стоял наблюдатель совета миров и хлопал в ладоши.

– Великолепно, Ваше Императорское Высочество, – произнес Роб с улыбкой, – я не сомневался в вас.

– Величество, – поправил его Макс, – Ее Императорское Величество.

– Хватит, больше никаких величеств, – усмехнулась я и сделала приглашающий жест, – спускайтесь, Роб. Добро пожаловать в мир Саэн.

Глава 26

Мне предстояла громадная работа, которую и представить было страшно. В моем распоряжении были власть, королевская гвардия, имеющая полки в каждом королевстве, золото, весь ресурс дворца и технологии Лимпии, пока выраженные в базе данных, которую я закачала в браслет. А еще был Макс, который варился в этой кухне с пятнадцати лет и знал всю подноготную Амедалов.

– Сначала мы соберём совет королей, я выступлю перед ним и все расскажу. Потом газеты, выставки привезенного из Лимпии оборудования и так далее...

Макс только качал головой. Я видела, что ему страшно, непонятно, непривычно, но не обращала внимания на его сомнения.

Родители были немного растеряны и озадачены, но быстро пришли в себя. У папы оказались слабые способности к ментальным разговорам, он мог слышать меня лишь на маленьком расстоянии, не больше километра.

– А как ты обошел клятву? – поинтересовалась я, когда прекратились бесконечные объятия и иссяк запас слез. – Амедал говорил, что всех проверял камнем на площади перед дворцом.

– Случайно, – родитель рассмеялся одновременно и весело, и смущенно. – У меня прихватил живот. Полковник был моим дядей, он и прикрыл меня.

Родители единогласно согласились пожить некоторое время во дворце и помочь мне с преобразованиями. У меня не было ни малейшего сомнения в том, что они помогут и поддержат меня во всем.

– Я возьму на себя журналистов, – высокомерно заявила мама, вскидывая голову и упираясь руками в бедра, – все-таки я дочь графа и долго жила в столице.

– А я займусь хозяйственной частью, – отозвался папа, – если через проход, как ты говоришь, начнут идти в наш мир туристы, нужно оборудовать приемный зал, обустроить во дворце комнаты для посетителей, склады и прочее.

Младшая сестренка, сидевшая до этого момента тихонько в кресле и слушая наши разговоры, вдруг подскочила.

– Ух ты! Значит, мы потомки императоров Лимпии? А Амедал лишь дальний отпрыск телохранителя принцессы? – воскликнула она поражено.

Анна не приехала, она ждала первенца и оставалась в поместье, а вот Ильяма обрадовалась возможности посетить столицу и уговорила родителей взять ее с собой, не подозревая об опасности, грозившей им всем. Я узнала вскользь, что она разорвала помолвку с блондинчиком, и на мой вопрос – почему? – невразумительно ответила: разонравился.

– Не слишком рассчитывай на императорские регалии, – осадила я ее, сурово сдвинув брови, – наследство, конечно, нам досталось немалое, но в Лимпии даже императорская семья работает и зарабатывает деньги. Мой братец, например, пошел учиться на законника. Будет вести дела семьи Акиланосов.

– У нас есть брат?! – сестричка запрыгала от восторга. Я и забыла, что она еще сущий ребенок.

– Вы с Даниром прекрасно поладите, – ответила со смешком, – ему тоже восемнадцать.

Роб ушел в Лимпию буквально на следующий день, сказав, что сообщит в совет и подготовит договор. А я села за написание речи для королей. Мы с Максом запланировали встречу в центре континента, посреди пустыни. Я хотела сразу поразить их величеств передовыми технологиями, вырастив перед ними дом из одного из цилиндров, подаренных Милу.

Так и получилось. Мы с Максом прилетели на небольшом двухместном аэрокаре, который помог переправить Роб через барьер. Опустились посреди стоящих кругом карет, в которых восседали девятнадцать правителей. Вместе со слугами и охранниками собралась целая толпа, которая поражено ахнула, увидев, как из нутра странной овальной машины выходят император с императрицей. Правда, это не помешало им встать на одно колено и склонить головы в поклоне.

Я попросила королей следовать за мной. Отошла на пару сотен шагов в сторону, вынула самый крупный из подаренных цилиндр и с силой воткнула его в песок, одновременно нажимая кнопку.

– Можете подождать в каретах, дом будет строиться пару-тройку часов, – произнесла громко. Никто не сдвинулся с места, все

заворожённо наблюдали за тем, как из песка начал расти дом. Только немного отходили, дальше и еще дальше, когда граница дома подбиралась к их ногам. Сначала контур фундамента, затем стены, крыша. Что происходило внутри, я не видела. Дом оказался большим, в три этажа, с широкими окнами и красивой лестницей. Когда раздался мелодичный голос: «Объект готов к эксплуатации», я с улыбкой пригласила всех внутрь.

Я видела по лицам, что короли были не то что ошарашены, они были в полном шоке. Они молчали все время, пока дом вырос из песка. Они молчали и сейчас, когда гуськом шли в дом и усаживались на выданные каждому подушки, превратившиеся в кресла. Макс уселся тоже, я же осталась стоять, собираясь с духом.

– Я начну эту историю со времени, когда разразилась война с так называемыми монстрами, – начала говорить я сначала дрожащим, а потом все более набирающим силу голосом. – Около трехсот лет назад в наш мир открылся проход, который первым обнаружил некий наемник, Виктор Амедал, когда он сопровождал принцессу на горнолыжный курорт. Тогда у него созрел план...

Я говорила и говорила. Некоторые лица светились потрясением, некоторые недоверием, некоторые и вовсе презрением. Мне не о чем было переживать – я говорила правду, а ее говорить проще всего. Потому что она одна.

– Единоличное правление давно себя изжило, – продолжала я уже охрипшим голосом. – Да, Виктор принес в наш мир прогресс, забрав с собой знания, людей, роботов. Но этот прогресс истратился и устарел. Сейчас наш мир – один из самых отсталых в содружестве, мы проигрываем по технологиям большинству миров. Я читала, что на Лимпии живут двести миллиардов человек. А на всей нашей планете не больше трехсот миллионов. Мы знаем, что живем на единственном материке, но ведь мы не могли исследовать планету с воздуха. А что, если на той стороне живут люди? Мы изучили океан всего на тысячу километров в разные стороны. Если бы у нас были аэрокары, мы бы облетели его и с высоты увидели много нового. Миры в содружестве обмениваются знаниями, технологиями, торгуют и общаются друг с другом. Много денег приносит туристический бизнес. У нас есть что предложить ищущим приключений туристам. У нас самый огромный океан, прекрасный подводный мир...

Я перевела дух.

– Зачем нам вступать в содружество? Нам и самим хорошо, – раздался сбоку грубый голос короля Юраны, одной из западных провинций, самой богатой и плодородной, по сравнению с остальными. Наверное, он считал себя центром мира, самым главным и важным после императора.

– Ваше Величество, – сдержав раздражение, я повернулась к нему, – слышала, ваш сын родился с искривлением позвоночника и до сих пор не может ходить? Что вы скажете на то, что одно погружение в репликатор сможет его полностью вылечить? И мальчик будет бегать быстрее вас?

– Скажу, что это невозможно, – в голосе мужчины зазвенел гнев.

– Возможно, – ответила твердо, – я переломала все кости, когда упала в реку, меня поместили в кабину, и я вышла оттуда здоровой. Исчезли даже старые детские шрамы и ожоги. Мои родители могут подтвердить, они знают их все.

Его Величество скептически поджал губы, отказываясь верить.

– Вы видели, на какой машине мы прилетели сюда? Из дворца аэрокар летел всего полчаса. А вы сколько добирались до места?

Тишина была мне ответом.

– Я могу покатасть после собрания всех, кто хочет увидеть пустыню с высоты птичьего полета. – После этих моих слов раздался заинтересованный гул.

Нажав на браслет, я вызвала большое окно-проектор, растянув его на всю стену. У меня в коме были лишь старые записи фильмов, театральных постановок, которые я оставила, чтобы как-нибудь скрасить вечера.

– Сейчас продемонстрирую довольно малую часть возможностей так называемого коммутатора, – произнесла я, включив выступление призраков.

– Это все игрушки, – фыркнул самый пожилой из королей, Его Величество Мердок Красс, – что вы можете показать более полезного?

– Полезного? – задумчиво потянула я. – Из показать – только этот дом, построенный за пару часов за небольшого цилиндра. Его стены из огнеупорного легкого и прочного материала, который разработали на Край-Верее, одной из планет содружества. Все остальное ждет на той стороне – синтезаторы пищи, которой всегда не хватает в голодные

времена. Опреснители морской воды, которые, я уверена, понадобятся всем королевствам, особенно в периоды засухи. И еще много чего другого...

Я уже едва стояла на ногах. Голос окончательно охрип, скорее всего, в следующие дни я смогу только шептать, если вообще смогу.

– И как же будет называться новый мир, который вы, Ваше Императорское Величество, нам обещаете? – А это мой бывший король, приехавший из жаркой Тувии. Я тепло улыбнулась милому старичку, другу отца.

– Как угодно, – ответила мягко, – как мы сами захотим. Империя Саэн, союз королевств, лига независимых республик. Все равно, главное, как мы будем жить в нем...

– Мы подумаем, – в итоге произнес король Мердок, вставая. Правитель Юраны молчал, хотя именно его я опасалась как главного противника. Наверное, обещание вылечить единственного сына сыграло свою роль. Макс подхватил меня под руку.

Покататься вызвались почти все короли. Еще час я поднимала аэрокар в воздух и делала небольшой круг над пустыней. Последним сел в него король Юраны.

– Когда вы сможете вылечить моего мальчика? – Его Величество Дакар не смотрел вниз на расстилающуюся под ним пустыню, его интересовало другое.

– Привозите во дворец, как сможете, я переправлю его в Лимпию. Пока мы не закупили свои репликаторы, лечить придется там.

– Хорошо, – кивнул он, – буду через неделю.

На этом мы и расстались.

– Они согласятся, – уверенно произнес Макс, когда мы летели назад, в столицу. – Ты была права. То, что ты предложила, сильнее страха и клятв. Но охранников все равно нужно набрать больше. Зря ты приказала расформировать имперские полки.

– Ладно, оставь несколько. – Я растянула губы в счастливой улыбке. Пока все получается. Аэрокар летел на автопилоте, я могла откинуться в кресле и вытянуть гудящие ноги.

– Всем правителям понравилась перспектива быть здоровыми, молодыми, накормить голодающих... – никак не успокаивался Макс.

– Даже не это главное! – возбужденно прервала я его. – Главное – знания! – Пусть горло болело, но я чувствовала после собрания

королей такой эмоциональный подъем, что не могла молчать. – Макс, ты только подумай, какие возможности открываются! Сначала поедут учиться дети богатых, королей, министров, высшей знати. Но потом... Они приедут домой со своими знаниями и будут внедрять их здесь. Это дело не одного поколения, но... прогресс не остановить.

– Ты стала совсем другой после возвращения... – Он грустно усмехнулся. – Такие глобальные мысли, масштабные проекты...

«Ты просто меня никогда не знал настоящую», – подумала я невесело.

Глава 27

Роб вернулся через пару недель с предварительным договором о присоединении. С нашей стороны должны были его подписать все правители или подавляющее большинство.

– Отказов не больше десяти процентов, – пояснил наблюдатель. Значит, из двадцати правителей, девятнадцати королей и императрицы, можно отказаться лишь двоим.

Меня немного потряхивало от переживаний. Смогла ли я их уговорить, или моих слов было недостаточно? Чтобы окончательно развеять сомнения, я решила для королей и журналистов устроить выставку привезенных из Лимпии новинок.

Несколько раз я выходила на сторону Лимпии и связывалась с Даниром. Он очень помогал мне, закупаая от моего имени аэрокары, медкабины и прочую технику. Платила я, естественно, из своего кармана.

Дакар, как и обещал, привез сына во дворец. Репликатор стоил очень дорого, и для его покупки нужно было связываться непосредственно с компанией лордов Кагоа. Поэтому с ним я решила пока повременить.

– Ильма, хочешь съездить на экскурсию в Лимпию? – Я не знала, кого отправить с мальчиком.

– Конечно! – запрыгала она радостно, хлопая в ладоши.

Отец уже построил пологий боковой настил, выходящий на балкон, для этого пришлось разрушить несколько стен, и зал перед входом в мир Лимпии стал в три раза больше прежнего. Мы повезли по настилу кресло с сыном короля Юраны. Сам правитель решил дождаться наследника во дворце, я заверила его, что лечение будет длиться не более суток.

– Не бойся, – я склонилась к уху десятилетнего мальчика, вцепившегося пальцами в подлокотники кресла, – ты скоро станешь здоровым и сможешь бегать.

Буферная зона тоже преобразилась. Вдоль стены повесили светильники, расставили мягкие кресла и кушетки. Труп Адриана Амедала давно убрали, похоронив императора на семейном кладбище

во втором круге, рядом с его отцом. Мать отказалась приезжать на похороны. Зная всю грустную историю предыдущих императриц, я не стала ее осуждать.

Данира я вызвала по кому, как только мы оказались в мире Лимпии. С этой стороны также шло грандиозное строительство терминала. Роб руководил процессом. Мы немного полюбовались на снующих туда сюда роботов и покатали кресло по направлению к взлетной площадке.

«Можно с вами поговорить?» – набрала на браслете сообщение деду. Через мгновение на экране отобразилось: «Говори».

– Ваше Императорское Величество, – я мысленно представила деда, сидящего в кресле перед его рабочим столом, – я воспользуюсь семейным репликатором для излечения маленького мальчика? Стоимость репликационного геля оплачу сама.

Пару секунд в голове стояла тишина. Неужели придется обращаться к лорду Кагоа? Я пока была не готова к таким моральным потрясениям, испытывая невероятную вину и сожаление за свои несправедливые слова, сказанные в гневе.

– Привози своего мальчика, – раздался в голове голос деда. – Я помню, что обещал тебе преференции по торговле после открытия твоего мира. Так вот, я сдержу слово.

Неужели дед сменил гнев на милость? Или решил, что императрица нового, пусть и отсталого мира в родственниках тоже может принести какую-то пользу?

– Спасибо, – тепло поблагодарила я деда и отключилась.

Данька прилетел через час. Опять в художественном рванье, с татуировками по всему телу, разными металлическими штуками на лице и в ушах. Я быстро представила их друг другу.

Ильма пораженно ахнула и вцепилась в Данира клещами.

– Боже мой! Какая красотища! А девушкам такое можно? Как же я хочу татуировку! – Она обернулась ко мне, – Зои, сестричка, можно мне сделать малюсенькую? Ну пожалуйста.

Я нахмурила брови. Что скажут родители? Они у нас вроде бы прогрессивные, но...

– Делай, – вздохнула притворно, – но если мама с папой будут ругаться, тебе придется залезть в репликатор и убрать все.

– Конечно-конечно! – заверила она меня. Данир очарованно смотрел на свою сверстницу. Я отдала ей джинсы и куртку, в которых пришла домой, чтобы она не сильно выделялась в древнем платье и полушубке.

– Принца не забудьте, детки! – крикнула я, когда они, развернувшись и не переставая тарыхтеть, пошли к аэрокару Данира. Ильма смущенно покраснела, схватилась за ручку кресла, за другую взялся брат.

Я провела взглядом удаляющиеся спины двух дорогих мне людей, толкающих вперед скрученного в дугу бедного мальчика. Потом обвела глазами знакомые до боли горы. Именно здесь я бродила месяц в поисках открывшегося прохода. И вдруг я поняла, что этот мир для меня такой же родной и близкий, как и мой. Я уже не могу обходиться без аэрокаров, коммутаторов, проекторов, мини-ателье и прочих прекрасных и удобных вещей, к которым так быстро привыкла.

Несколько недель я гнала от себя образ Милу, но сейчас он встал передо мной, как живой. Его помертвевшие глаза, когда я сказала, что больше никогда не захочу его видеть. Сердце болезненно заныло, накатила тоска. Я прогнала его, наговорила кучу гадостей, а он гордый человек. Вряд ли он простит меня. Скорее всего, он уже договаривается с дедом о женитьбе на очередной внучке... Пока я не успела передумать, вызвала новостийное окошко и набрала в поисковой строке – лорд Милу Кагоа.

Перед глазами замелькали последние события в высшем свете. Я ткнула пальцем на видео очередного пафосного собрания. И вдруг ощутила острый болезненный укол прямо в сердце – Милу стоял под руку с Алисией. На заднем фоне я разглядела деда. Заголовок гласил: «Лорда Кагоа опять видят с семьей Акиланосов. Скандал не повлиял на желание лорда породниться с императорским домом?».

Я быстро смахнула окошко и уставилась на горы бессмысленным невидящим взглядом. Было так больно, что стало трудно дышать. Глаза слезились, то ли от ветра, то ли от увиденного. Резко развернувшись, я пошла назад, к входу в Саэн. У меня куча дел, хватит ностальгировать.

Через сутки Данир привез принца обратно, передав, что Ильма решила остаться на время в Лимпии.

– Не переживай, – поднял вверх руки брат, – я присмотрю за ней. Она поселилась в твоих апартаментах на сто девятом.

Я только покачала головой. Наши миры успели так тесно и плотно переплестись, что запрещать что-то сестре я уже не могла. Тем более что более безопасного мира, чем Лимпия, и представить себе сложно.

Принц шел неуверенно и очень осторожно, словно боялся оступиться. Он опирался на тонкую трость и выглядел немного ошарашенным. Кроме сеанса в репликационном боксе ему требовалась реабилитация в двух медицинских сферах для укрепления мышц, поэтому лечение заняло так много времени.

Я взяла маленького принца под руку и подвела к отцу, ожидающему с утра в приемном зале. У того на глазах заблестели слезы.

– Папа! Я могу ходить! – Мальчик всхлипнул и разрыдался. Король подхватил сына на руки и прижал к себе. Вот теперь я точно знаю, что правитель Юраны обязательно подпишет договор.

Работа кипела и с той, и с другой стороны. Роб, постоянно сообщавший мне о новостях Лимпии, сказал, что зарегистрировано уже огромное количество заявок на посещение нового мира. Туристы становятся в очередь для того, чтобы первыми увидеть Саэн.

Отец с Максимилианом превращали дворец в громадный транспортный терминал, оставив для нашего проживания лишь одно, самое маленькое крыло. Мама занималась журналистами и выставками.

А я планировала первые туристические маршруты, рассылала королям прошения, встречалась с их представителями, советниками, министрами, занималась кучей организационных вопросов, стараясь так погрязнуть в работе, чтобы для мыслей не оставалось ни сил, ни желания.

Ревность – мерзкое чувство. Она отравляет жизнь хуже настоящего яда, не дает спокойно ни спать, ни есть. Внутри зудит и зудит мучительной занозой – неужели он сейчас Алисию водит в рестораны, показывает цветущее море Вильи, свою лабораторию? Целует ее?

Я уговаривала себя, что я взрослая, умная, рассудительная женщина, что Алисия не стоит моей ревности, что она ничего из себя не представляет, обычная пустышка, продукт легкомысленного

воспитания, но ничего не помогало. Тоска разъедала сердце, и перед глазами сгушалась чернота, только подумаю о том, что они где-то там вдвоем.

Однажды я случайно встретила в коридорах Битрисс.

– Вас же вроде выпустили из подвалов? – поинтересовалась я рассеянно после ее приветствия.

– Ага, – заулыбалась девушка, – я пока решила не ехать домой, здесь интереснее. Нанялась в будущую гостиницу горничной.

Я уважительно закивала головой. Такая пронырливая и ушлая девица нигде не пропадет.

– Расскажи, как вы смогли вернуться? – Я толком и не знала всей истории, только то, что рассказал Макс. Битрисс всплеснула руками и заохала.

– После того как император исчез, начались волнения. Мы все боялись, что он не вернется, а мы останемся без еды в этом жутком месте. Спрашивали гвардейцев, но те лишь твердили про приказ императора. Как заведенные. Управляющий, господин Латиф, поднял бунт, и мы с... в общем, присоединились к ним. Навалились всей кучей, вышибли дверь и рванули через проход.

– И сколько там осталось народу?

– Около ста человек. Все гвардейцы, слуги-то убежали.

– Правильно сделали, – пробормотала я, отпуская девушку. Невольно вспомнила о кладбище у реки на той стороне, о сотне безымянных могил. Жаль честных, преданных императору солдат, а вот простые люди всегда держат нос по ветру и быстро сообразили, что к чему.

Договор подписали все, я боялась Его Величества Мердока Красса, самого консервативного и закостенелого в традициях. Но и он без вопросов поставил свою подпись на документе. Может быть, уговорили наследники, а может, захотел сам дольше пожить?

Как бы там ни было, наша планета вступила в содружество. Меня и Максимилиана выбрали представителями мира Саэн при совете. Первый съезд должен был произойти уже через месяц в Каратосе. Вот тогда и покажу Максиму Лимпию, хотя он почему-то не горел особым желанием выйти за барьер.

За всей этой безумной кутерьмой я перестала обращать на себя внимание. Странную эпизодическую тошноту по утрам связывала с

нервотрепкой и перекусами на бегу. Не помнила, приходили ли ко мне женские недомогания или нет. А вот когда они не пришли во второй раз и начала наливать грудь, я поняла, что с моим телом происходит что-то необычное.

– Это ребенок Амедала? – Мама усадила напротив себя и ласково взяла мои руки в свои. Я медленно покачала головой, еще не вполне осознав, что случилось. У меня будет ребенок от Милу! Какое счастье! Те прекрасные четыре дня сказки в Гайми-парке оставили после себя бесценный подарок.

Меня переполняло ликование. Я пылко обняла маму за шею и радостно рассмеялась.

– Это желанный ребенок? – еще раз просила мама куда-то мне в шею.

– Безумно, бесконечно, безмерно желанный, – прошептала я, всхлипывая.

– Ну и отлично. – Она похлопала меня по спине, не спрашивая ни об его отце, ни об обстоятельствах его появления. Для нее мое «желанный» было достаточным основанием. Тактичные у меня родители, знают, что сама обо всем расскажу, когда придет время.

– Зои. – Через несколько дней Макс решился. Он давно ходил вокруг меня кругами, преданно заглядывая в глаза, принося чай, лакомства, маленькие трогательные букетики. Не знаю, кто ему рассказал, может, отец, а может, и сам догадался по моему цветущему виду. – Выходи за меня замуж. Я давно тебя люблю и буду прекрасным мужем и отцом для твоего ребенка. Обещаю.

Я смотрела на красивое лицо брата своего покойного мужа и понимала, что ни за что не выйду за него замуж. Хватит одного вынужденного брака без любви. Да и брюнеты мне разонравились с недавнего времени.

– Нет, Макс, – я улыбнулась и дружески похлопала его по руке, – ты хороший человек, но я не люблю тебя.

Глава 28

Наш мир открылся для посещений ровно через шесть недель после того, как я в него вошла со стороны Лимпии. Эти полтора месяца дались нелегко. Огромная работа была проделана, но еще больше предстояло сделать. Зал перед входом преобразился до неузнаваемости. Я решила сохранить и лепнину, и позолоту, и мраморные вычурные полы с мозаикой. Мы не могли привлечь туристов передовыми технологиями, сыграем на контрасте. Надеюсь, им будет интересно попасть в древний патриархальный мир с пышным убранством, величественными статуями, затейливой мебелью, обтянутой парчой и дорогой кожей.

Почти весь дворец был спешно переделан. Крыло невест с многочисленными комнатами было отдано под гостиницу для туристов. Из центра сделали несколько гигантских комнат – сам терминал, роскошный ресторан с местной кухней и небольшой музей истории мира, экземпляры для которого мы позаимствовали в музеях второго круга. Конечно, из-за спешки вышло немного криво и косо, потом переделаем, когда более-менее все успокоится.

Мы с Максом оставили себе лишь несколько комнат – спальни, кабинеты, зал для собраний. Я догадывалась, что поездка домой, в наш семейный замок, откладывается на неопределенный срок, даже с учетом того, что у меня в распоряжении уже было несколько аэрокаров, и папа довольно прилично научился на них летать.

Данир регулярно отчитывался, передавая мне весточки об Ильме. Та никак не желала возвращаться домой, сказав, что нашла свое место, что выучится на модельера, откроет в Каратосе ателье, а Данька ей поможет.

Я отложила на потом извинения перед Милу. Встречается он с Алисией или нет, я обязана была извиниться за несправедливые слова. Закончу дела, соберусь с духом и отправлюсь в Лимпию. Меня избрали бессменным представителем Саэн на совете миров, поэтому бывать там часто придется. Да и с дедом не мешало бы поговорить... Он, кстати, пригласил моего отца с женой к себе в Дом, так сказать, познакомиться с дальними родственниками.

Только вот почему у меня подгибаются коленки и перехватывает дыхание, как только подумаю, что увижу своего лорда опять холодным и неприступным?

Первых гостей встречала огромная толпа. В зале находились представители всех девятнадцати королевств, журналисты, главы аристократических семей столицы. Всем хотелось прикоснуться к грандиозному историческому событию – присоединению нашего мира к содружеству миров. Я, Макс, родители, Марианна, которая в последние недели очень помогала мне с обустройством и украшением дворца, расположились в центре. Приехал даже десятилетний принц Юраны с отцом и матерью. Он не мог долго устоять на месте, постоянно порывался куда-то убежать.

– Наверное, сейчас вам с ним непросто, – склонилась я к королеве Виктории. Та лишь улыбнулась сквозь слезы.

И вот долгожданное событие – через барьер прошел первый человек из мира Лимпии. Я пригляделась к высокому, одетому с иголочки блондину, и у меня замерло сердце, а потом забилося рваными сильными ударами. Лорд Кагоа остановился, отыскал меня в толпе и решительно направился в мою сторону. После него входили и другие, но я видела лишь его одного. Милу окружили журналисты, громко выкрикивая вопросы. Я видела, как он пытается прорваться через плотный заслон, отвечая что-то невпопад о торговле, пошлинах, экономике, а его взгляд по-прежнему намертво прикован ко мне.

Что-то в последнее время у меня глаза на мокром месте. Вот и сейчас грудь сдавило тисками и мир потерял очертания. Я судорожно всхлипнула и шагнула вперед, глупо улыбаясь сквозь слезы дрожащими губами.

– Это он? – мама тронула меня за локоть. Обернувшись, я молча кивнула. ОН.

Эпилог

Милу остался со мной, в моем мире. Он сказал, что все проблемы решаемы, кроме одной, единственной и самой важной, – быть со мной. Работать можно и удаленно, благо сейчас почти все сделки заключаются в электронном виде. Личного присутствия требуют лишь важные переговоры с правителями планет, поэтому иногда ему придется уезжать на пару дней.

– Но ты же вернешься ко мне? – поинтересовалась тихо.

– Всегда, – ответил он, а потом хитро подмигнул: – Но ведь ты же будешь меня сопровождать на них? Как моя жена?

Пришлось согласиться в свою очередь на это.

Мы поженились в храме возле нашего поместья. На свадьбе присутствовали все – мои родители, сестры, друзья, Макс и Данир. А через неделю отправились в Лимпию зарегистрировать брак по обычаям Край-Вереи.

От столицы до поместья оказалось всего полтора часа полета на аэрокаре. Я с улыбкой вспоминала те жуткие десять дней тряски, когда я ехала на последний отбор невест для императора Амедала. И чем же мы занимались эти полтора часа, включив автопилот? Целовались, целовались и целовались. Это ведь самое приятное и интересное времяпрепровождение, сидя на коленях у любимого мужчины.

– Я видела тебя с Алисией, – пробурчала я недовольно, когда губы уже немилосердно болели и жутко хотелось чего-то большего. Но до большего еще как минимум несколько часов, так как в поместье нас ждет куча народу и священник.

– Твой дед попросил, – с улыбкой ответил Милу, – престиж семьи Акиланосов пошатнулся после скандала и разрыва помолвки. И он захотел всем показать, что императорская семья и лорды в хороших отношениях.

– Прости за те слова... – Я покраснела и смутилась, спрятав лицо у него на груди. – Я была не права.

– И ты меня прости, – Милу прижался губами к моей макушке, – я принял решение, не разобравшись, не рассказав тебе. Мой просчет. Но, даже уходя, я и мысли не допускал, что мы расстаемся навсегда.

Я ничего не ответила, только крепче обняла Милу. Страшно подумать, если бы закончилось все не столь удачно. Возможно, я бы вернулась к нему, а возможно, всю оставшуюся жизнь наказывала себя за ошибку, за гибель родных. Хорошо то, что хорошо кончается.

Милу подарил мне на свадьбу новейший репликатор. Его переправили через барьер по частям. Здесь собирали техники из Край-Вереи. Мы установили его в одной из пустующих комнат дворца, недалеко от моего кабинета. Там же уже стояло несколько простых медицинских боксов. Я не собиралась отказываться от подарка – еще бы! У меня был вполне себе корыстный интерес – он стоил гору люмий!

Мой же подарок мужу рос у меня в животе и, как сказал, Милу, стоил неизмеримо больше всех репликаторов, вместе взятых.

Зная, как я не люблю лезть в сферу, муж пригрозил, что если только вдруг увидит на моем лице бледность или любое другое недомогание – силой запихнет внутрь. Или, ещё лучше, заберет к себе в Край-Верее и запрет в своем доме до родов. Я почти натурально уstraшилась и решила, что обязательно буду здоровой и бодрой, потому что уже придумала, как собираюсь его использовать. В нашем мире очень много малышей, подобных принцу Юраны, которым нужна помощь.

Оказывается, Милу, как настоящий предприниматель, пока строился терминал со стороны Лимпии, выкупил громадный кусок земли рядом и построил на нем дом и стоянку для аэрокаров. Не башню, а обычный добротный трехэтажный коттедж, но с подвала до крыши наполненный электроникой. Там был даже свой управляющий искусственный интеллект – секретарь, который мог напрямую связываться с любыми терминалами Лимпии.

Жизнь на два мира выматывала и его, и меня. Утром Милу уходил в Лимпию через буферную зону, вечером приходил ко мне, во дворец. Иногда улетал на день-два в Край-Верее. Иногда оставался здесь, во дворце, и помогал мне решать организационные вопросы. Мы строили медицинский центр, пока один, в столице, но я надеялась, что подобные будут в каждом королевстве.

Он опять жертвовал ради меня. Своим прекрасным миром, который так любил, нормальным сном, работой, комфортом, удобствами. И пусть он неизменно говорил, что счастлив здесь, со

мной, меня это мучило, заставляя испытывать вину. Как я могла компенсировать? Чем?

Только тем, чего у меня в избытке, – любовью. Я решила дать ему то, что он давно хотел, о чем говорил. Я дам ему настоящую крепкую дружную семью, дам нежность и тепло. Каждый день буду говорить, как сильно я его люблю, как он дорог мне.

А когда мы отправились вместе с Максом на первое для нас собрание совета всех миров, я, уступив уговорам Милу, согласилась на небольшой отпуск после него. Развлекусь, развеюсь, посету массажные и косметические салоны... Закажу гору новой одежды. А может, еще раз вместе с Милу залезу в эскап и разнесу в щепки планету кровожадных монстров, а потом займусь с ним виртуальной любовью на горе найденных сокровищ...

Как бы там ни было, Максиму тоже будет полезно немного пожить в Каратосе и посмотреть на цветущий развитый мир, так не похожий на наш собственный. И пусть я еще иногда замечала его тоскливый потерянный взгляд в мою сторону, была уверена – он излечится. Скорее всего, уже излечился. Все чаще я видела Марианну в его кабинете, обсуждающую с бывшим поддельным императором новые туристические маршруты или закупку оборудования.

На заседании рассматривали мое петицию – сокращение времени блокировки агрессивных миров до пятидесяти лет. На примере своего мира я пыталась доказать, что одного поколения достаточно для пересмотра прежних установок. Голосование отложили до следующего раза.

А пока мы отправились с Милу в Край-Верею, пообещав забрать Макса на обратном пути в Саэн. Давно пора увидеть дом любимого мужа, который он так нахваливал, и познакомиться с его родней.

– Пролетим мимо цветущего моря? И кита бы увидеть... И каньон... А что с этой... телепортацией? Еще тестируете? – Я не могла решить, что посмотреть в первую очередь, хотелось всего и сразу.

Милу мягко улыбнулся, поднимая аэрокар в воздух. Ему нравилось, когда я начинаю вести себя как ребенок, требующий подарков. Вечная сдержанность и невозмутимость мужа не могли меня обмануть – я видела, как блестят смехом его глаза, каким ласковым и теплым становится взгляд. Почему бы не дать иногда то, что он хочет? Пусть заботится, дарит драгоценности и аэрокары, ворчит о том, что я

много работаю, силой запихивает в медицинский кокон, усаживает на колени и нежно целует в висок. Вот как сейчас.

– Ух ты! – я вскрикнула от восторга и чмокнула мужа в щеку. Как же здесь красиво! Зеленые дома, поднимающиеся ввысь, серебристые завитки энергетических батарей, опутывающие их, сверкающие каскады танцующих фонтанов...

Вполне возможно, через год, а может, и раньше, когда закончу наводить порядок у себя дома, я оставлю Макса с Марианной за главных, а сама поеду жить в Край-Верюю. Здесь столько всего интересного, чего я еще не посмотрела. А главное – тут родина моего лорда. Какая разница, где жить, главное – жить с любимым.

Конец.